

ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ ВОЙНЫ

ЖЖ военные
тайны
века

О.С. СМЫСЛОВ

Annotation

Книга Олега Смыслова рассказывает о малоизвестных страницах Великой Отечественной войны, о людях и событиях нашей истории. Среди героев этой книги генералы и офицеры, солдаты и моряки – все те, кто приближал победу в войне. Автор не обошел своим вниманием и трагические послевоенные будни инвалидов войны.

- [Олег Смыслов](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Витязь Брестской крепости](#)
 - [Поиск героя](#)
 - [22 июня 1941 года](#)
 - [О том, что было до...](#)
 - [Девять дней июня с той стороны](#)
 - [«До последней капли крови»](#)
 - [Последний бой](#)
 - [Плен и после плена](#)
 - [«В Брестской крепости остаемся навсегда»](#)
 - [Примечания](#)
 - [Русский характер](#)
 - [«Самое настоящее безумие»](#)
 - [Советский танк-одиночка](#)
 - [«Битвами испытанный»](#)
 - [Примечания](#)
 - [Курсанты 41-го](#)
 - [«Первый в их жизни бой»](#)
 - [«На курсантов была вся надежда»](#)
 - [Примечания](#)
 - [Зоя погибла за счастье...](#)
 - [«Ее задание было поджигать дома»](#)
 - [«Отбирали лучших комсомольцев»](#)
 - [«Всего ей дали больше 200 ремней»](#)
 - [«Реабилитации не подлежит»](#)
 - [«Она была выносливой и терпеливой»](#)
 - [Примечания](#)

- Генерал Доватор – живая легенда
 - «Обстоятельства гибели»
 - «Лесник»
 - «Все задачи главнокомандующего выполнил»
 - «Место командира на фронте»
 - «Москву не взять!»
 - Примечания
- Неповторимый воздушный бой
 - «Сбил 9 немецких бомбардировщиков»
 - «Драться до победы»
 - «Достоин высшей правительственной награды»
 - «Герой без вариантов»
 - «Теоретически считается невыполнимым»
 - Примечания
- Знаменитый подводник
 - «Из дворян»
 - «Четыре боевых похода»
 - Считался «неудобным»
 - «За период боевых действий»
 - Примечания
- Судьбы адъютантские
 - «Увидел себя на экране»
 - «За что тебе такие мучения?»
 - «Там-то я и познакомился с ним»
 - «Под Берлином, во время объезда позиций»
 - «Этот человек прорвется сквозь все преграды»
 - «Перестал быть похожим на человека»
 - Примечания
- Два разведчика
 - «Сколько разведчиков ушло, столько и должно прийти»
 - «Гришка-рейхстаг»
 - «Его зовут Георгий Георгиевич»
 - Примечания
- Сталинские «люди-самовары»
 - «Обрубки войны»
 - «Продолжают нищенствовать»
 - «Они испытывали муки»
 - Примечания
- Вместо послесловия

- [Приложение](#)
 - [Василь Быков. Цена прошедших боев](#)
 - [Примечания](#)
-

Олег Смыслов
Забутые герои войны. Малоизвестные
страницы истории

© Смыслов О. С., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

От автора

В древнегреческом слово «герой» означает буквально – «доблестный муж, предводитель». Но мы и сами знаем, что герой – это человек исключительной смелости и доблести, совершивший подвиг (выдающийся, героический поступок). Ведь не зря говорят в народе, что в жизни всегда есть место подвигу. Например, в толковом словаре Ушакова слово «подвиг» трактуется как «доблестный, героический поступок, важное по своему значению действие, совершенное в трудных условиях». Поэтому обычно цена подвигу – человеческая жизнь, ибо главное отличие героя от бога в том, что он смертен.

За подвиги в годы Великой Отечественной войны звания Героя Советского Союза были удостоены свыше 11 тысяч человек (часть из них – посмертно). Но кроме этих людей были еще сотни тысяч других героев, оставшихся для нас неизвестными.

Эта книга о героях известных и неизвестных, о Героях Советского Союза и не ставших таковыми по целому ряду причин. Однако всех их объединяет одно: бесстрашием, мужеством и волей они совершили победу над привычными для обывателя страхом и слабостью.

Говорят, что попытка сделать героя бессмертным – устойчивый мифологический сюжет. Что ж, в этом действительно есть истина. Но нельзя забывать и о том, что эти люди совершили свои героические поступки в годы войны, когда стоял вопрос, быть или не быть великому государству и великому народу (территория СССР была территорией исторического государства Российского). Ведь это «было НАШЕСТВИЕ, какого Россия не знала со времен зачатия своего, – напишет в канун очередного юбилея Победы русский писатель Борис Васильев. – По сравнению с ним татаро-монгольское вторжение оказалось всего лишь набегом. Татары не трогали церквей и монастырей...» И пока мы их помним, они действительно остаются в нашей памяти живыми...

В стихотворении, написанном в 1960 году поэтессой Ольгой Берггольц, была рождена поистине знаменитая фраза: «Никто не забыт, ничто не забыто». Впервые ее официально употребили на мемориальной стеле Пискаревского кладбища, где похоронены жертвы Ленинградской блокады. Но в дальнейшем эта риторическая формула-лозунг получила широкую популярность и стала употребляться применительно к подвигу солдат Великой Отечественной войны. Еще какие-то два с лишним десятка

лет назад эти слова являлись для нас незыблемым нравственным законом и даже неким мерилom человеческого бытия. Но за это время многое в нашей жизни изменилось. Изменились и ценности. Одним из таких показателей может служить мемориальный комплекс «Брестская крепость». До развала Советского Союза крепость ежегодно посещали более миллиона гостей из самых разных стран. В середине 90-х таких посещений едва набиралось 40 тысяч в год, а сегодня – не более 150 тысяч. А значит, нам нужно делать что-то сейчас, сегодня, чтобы герои и подвиги Великой Отечественной войны никогда не были забытыми.

Витязь Брестской крепости

Поиск героя

В годы войны в руки советского писателя С. С. Смирнова совершенно случайно попала копия донесения штаба немецкой 45-й дивизии, захваченного весной 42-го в районе Орла. В документе говорилось об обороне Брестской крепости, в одном из укреплений которой советские бойцы и командиры оказали врагу беспримерное героическое сопротивление. Руководителем обороны там значился неизвестный майор. В том же донесении было указано: «Майора и комиссара не нашли. Говорят, они застрелились».

Летом 1954 года Сергей Сергеевич впервые отправился в Брест и, сличив с местностью данные документа противника, сумел найти тот самый «Восточный форт» (земляное укрепление – восточную «подкову»), где шла исключительно упорная борьба под руководством неизвестного командира.

Во вторую поездку в Брест, в феврале 1955-го, Смирнову удалось разыскать одного из защитников «подковообразного земляного укрепления» – командира взвода, лейтенанта Якова Ивановича Коломийца. Он-то и рассказал много интересного об обороне «Восточного форта», которая была, вне всяких сомнений, результатом энергичных действий майора. По словам Коломийца, «это был необычайно волевой человек, прекрасный организатор, испытанный боевой командир, который показывал бойцам пример бесстрашия и мужества и был подлинной душой всей этой обороны, стойко отражавшей натиск фашистов в течение многих дней».

Вот только фамилию майора-героя Коломиец долго вспомнить не мог. Зато ее смог назвать заместитель командира 44-го стрелкового полка по политической части Н. Р. Артамонов: майор Гаврилов, командир 44-го стрелкового полка. При этом, по версии Артамонова, майор Гаврилов погиб в первые минуты войны вместе со своей семьей от попадания авиабомбы в дом командного состава. По версии же Коломийца, майор Гаврилов застрелился, чтобы не попасть в плен.

Но вскоре Смирнов сумел найти еще одного ценного свидетеля. Им оказался военный врач Н. И. Воронович, который лечил раненых. Именно Воронович очень точно запомнил, как 23 июля 1941 года немцы привезли в лагерный госпиталь только что захваченного в крепости майора. Правда, сначала он, как и Коломиец, долго не мог вспомнить фамилии героя. Но,

ознакомившись со списком писателя, подтвердил. Фамилия майора была Гаврилов.

Собрав для дальнейшего поиска все необходимые данные, С. С. Смирнов обратился с ними в Главное управление кадров Советской армии. А уже там писатель узнал: майор Гаврилов Петр Михайлович, командир 44-го стрелкового полка, плененный в районе города Бреста 23 июля 1941 года и освобожденный из плена в мае 1945 года, состоит на учете в Красногвардейском райвоенкомате города Краснодара.

Сергей Сергеевич делает последнее усилие. Он обращается за помощью к одному из участников обороны крепости А. П. Бессонову, работающему в тот момент токарем-шлифовальщиком завода «Краснодарнефть», и просит его зайти в Красногвардейский райвоенкомат Краснодара...

В военкомате Бессонов кратко объяснил суть своего дела. Ответ не мог не порадовать бывшего подчиненного командира 44-го полка: майор Гаврилов действительно состоит на учете в Красногвардейском военкомате. А когда один из офицеров открыл личное дело Гаврилова, где была аккуратно вставлена фотокарточка Петра Михайловича, Бессонов точно убедился, что это он. Записав адрес, бывший солдат решил отправиться к командиру утром.

И вот на следующий день, позавтракав после беспокойной ночи, Анатолий Петрович отправился по указанному адресу. Постояв некоторое время перед дверью, не без волнения постучал. А когда дверь открылась и вышел сам командир полка, вытянулся и непроизвольно доложил:

– Бывший боец 44-го стрелкового полка, которым командовал майор Гаврилов, – перед вами!

После этих слов возникла пауза. На глазах Гаврилова выступили слезы. Его лицо нервно задрожало. Затряслись руки...

22 июня 1941 года

Петр Михайлович Гаврилов в стенах Брестской крепости в тот роковой день оказался случайно. Можно сказать, что так распорядилась сама судьба. А как иначе?

«В субботний вечер 21 июня, – вспомнит командир 44-го полка, – я приехал проведать больную жену и сынишку. Но провести с ними воскресный день мне уже не было суждено. На рассвете дрогнула земля, и мы проснулись от невообразимого шума и грохота: это рвались вражеские снаряды и авиабомбы.

Попрощавшись с семьей и наказав им укрыться где-нибудь в подвале, я кинулся в штаб, где хранились знамя полка и секретные документы. Однако войти туда не удалось, все здание, находившееся в самом центре крепости, было объято пламенем».

...Проект крепости на Буге, разработанный военными инженерами Опперманом, Малецким и Фельдманом, был утвержден в 1833 г. Однако впервые предложение о строительстве оборонительных укреплений у слияния рек Буга и Мухавца возникло задолго до Отечественной войны 1812 г. А в ходе нее подтвердилась и целесообразность строительства крепости. Она была торжественно заложена 1 июня 1836 г., а построена в 1842 г., то есть через шесть лет.

Брестская крепость имела площадь около 4 квадратных километров. Ее мощную основу составила Цитадель, расположенная на острове, омываемом с юго-запада Бугом, с юго-востока – Мухавцом, а с севера – его рукавом. Опоясанная сплошной кирпичной казармой и в то же время оборонительной стеной длиной в 1800 метров, крепость насчитывала 500 казематов с подвалами и сетью подземных ходов и была способна разместить до 12 тысяч человек своего гарнизона, защищенных двухметровыми стенами.

Руслу двух рек прикрывали Цитадель рвами, заполненными водой. Но основой ее прикрытия стал земляной оборонительный вал, тянувшийся более чем на шесть километров, высотой в десять метров по внешней окружности. Кольцо бастионов и других крепостных сооружений прикрывало крепость с внешней стороны. Брестские и Холмские ворота туннелями выводили из цитадели к мостам через Мухавец и далее на бастионы крепости, а Тереспольские находились против моста через основное русло Буга. Всего же к предмостным укреплениям вели четверо

ворот.

В 1864 г. крепость усиливают, а в 1878 г. вокруг нее сооружается оборонительный пояс с 9 фортами в нескольких километрах от кольца бастионов. Форты (отдельные железобетонные сооружения) должны были не просто сдерживать противника, но и не допускать ведения по крепости артиллерийского огня.

В самой крепости находились: Белый дворец, Комендантский дом, крепостная церковь, арсенал и Инженерное управление.

На рубеже XIX–XX веков Брест стал крепостью первого класса и главным форпостом России на западной границе.

В конце августа 1915 г. при отступлении русской армии Брестская крепость была оставлена без боя, а ее некоторые оборонительные сооружения взорваны. В том числе и большинство фортов.

В период Гражданской войны и в начале Второй мировой войны отдельные участки крепости также подвергались разрушению. Частично пострадали здания Белого дворца и Инженерного управления. С 1920 по 1939 г. в крепости размещались войска польской армии. При них-то и были значительно восстановлены казарменный фонд крепости и часть фортов.

Боле того, они построили дополнительно несколько казарм для солдат и жилые дома для офицеров.

Когда Красная армия вошла в Западную Белоруссию, Брестская крепость, по сути, перестала быть крепостью. Более или менее поддерживались казармы, все служебные и жилые помещения, склады и арсенал. «Это привело к тому, – пишет Борис Васильев, – что земляные валы крепости осели, заросли деревьями и кустарниками, многие рвы обмелели и заболотились. Никаких оборонительных сооружений в ней уже не строилось».

Генерал-полковник Л. М. Сандалов вспоминал: «Осмотр крепости оставил у нас не очень отрадное впечатление. Кольцевая стена цитадели и наружный крепостной вал, опоясанный водными преградами, в случае войны создавали для размещавшихся там войск чрезвычайно опасное положение. Ведь на оборону самой крепости по окружному плану предназначался лишь один стрелковый батальон с дивизионом. Остальной гарнизон должен был быстро покинуть крепость и занять подготовляемые позиции вдоль границы в полосе армии. Но пропускная способность крепостных ворот была слишком мала. Чтобы вывести из крепости находившиеся там войска и учреждения, требовалось по меньшей мере три часа...» Тем не менее к началу войны в Бресте скопилось огромное количество войск, не считая госпиталя. Вследствие чего для размещения

личного состава была приспособлена часть складских помещений, а также восстановлены некоторые форты крепости. На нижних этажах казарм даже устраивались нары в четыре яруса, что достаточно четко подчеркивает плотность размещения.

По подсчетам историка Р. Алиева, в ночь на воскресенье, с 21 на 22 июня 1941 года, на территории Брестской крепости находилось около 9 тыс. советских бойцов и командиров. В том числе 1100 несли службу в составе дежурных подразделений. Например, на территории Южного острова находилось около 180 вооруженных бойцов; на Западном острове – 300 пограничников, из которых только половина находилась в состоянии боевой готовности; на Центральном острове – 5000 бойцов и командиров, в том числе 720 были вооружены; на Северном острове – 3400 человек, в том числе около 300 из них в составе дежурных подразделений.

Общее же количество советских войск в Бресте, в его окрестностях и в крепости насчитывало более 32 тыс. человек. Это части и подразделения 6-й и 42-й стрелковых дивизий 4-й армии, 22-я танковая дивизия, 132-й конвойный батальон НКВД, 17-й пограничный отряд и отдельные батальоны.

От полного их разгрома в первые дни войны спасло лишь то обстоятельство, что более половины войск было выведено из города на учебный полигон до 22 июня...

Брестская крепость. 1941 г.

В мемориальном комплексе «Брестская крепость-герой» хранится один весьма ценный экспонат. Это обгоревший будильник, стрелки которого остановились от взрыва на 3 часах 55 минутах. Он самый ценный источник начала войны, буквально доказывающий, что фашисты напали на Советский Союз раньше 4 часов. Ибо первые выстрелы на берегу Западного Буга раздались на 30 минут раньше.

Накануне, «21 июня в Брестской крепости были пойманы переодетые в красноармейскую форму диверсанты. Позже оказалось: в крепость проникло большое число диверсантов. В ночь на 22 июня они резали электрические провода, занимали выгодные позиции для стрельбы...»

«22 июня под утро я поднялась покормить годовалую девочку. Тронула выключатель – лампочка не зажглась. Я прилегла – и вдруг гром, свет, рама упала на пол... Муж, схватив портупею с наганом, успел только поцеловать меня и сказать: «В подвал! Детей держи возле себя. Война...» Больше я его не увидела...» – этот маленький эпизод первой минуты войны В. Песков записал со слов Лидии Михайловны Крупиной, приехавшей из Магадана «навестить места 41-го года».

Примерно так было и с майором Гавриловым... Он оставил семью с первыми взрывами снарядов, успев лишь сказать жене: «Одевай Колю и уходите в убежище!»

«Уже в первые минуты после этого неожиданного разбойничьего нападения гитлеровской Германии многие бойцы были ранены и убиты, – свидетельствует Петр Михайлович. – В предрассветной полутьме, среди густой пелены дыма и пыли я с трудом собрал человек двадцать из своих подразделений и бросился с ними к северной части крепости. Здесь у Северных ворот, которые вели на окраину Бреста, должен был сосредоточиться при боевой тревоге полк, которым я командовал. Но крепость уже была окружена гитлеровскими войсками и отрезана от города.

Вражеские стрелки и автоматчики, залегшие на валу у Северных ворот, вели непрерывный огонь. Нужно было принимать срочные меры, чтобы не допустить их в крепость. В это время мне донесли, что на левой стороне от Северных ворот, там, где располагался 1-й батальон моего полка, в укрытиях находится много бойцов из разных частей. Большинство из них, выбегая из объятых огнем зданий, все же сумели захватить с собой оружие и боеприпасы. Среди солдат находились и два лейтенанта. Я немедленно решил взять на себя командование этим отрядом. Разбил бойцов на две роты, назначил лейтенантов Разина (лейтенант Н. А. Разин – командир минометного взвода 44-го стрелкового полка. Ныне живет и работает в г. Москве. Награжден орденом Отечественной войны I степени, член КПСС) и Яковлева (младший лейтенант М. М. Яковлев – командир саперного взвода 44-го стрелкового полка) командирами, отвел районы обороны и определил секторы обстрела. К этому времени, а оно буквально исчислялось минутами, в Западном форту, в укрытиях также сосредоточилось больше сотни бойцов. Находящемуся с ними старшему лейтенанту Сергееву я приказал разбить бойцов на взводы и держать оборону.

На Восточном валу, еще до моего прихода туда, оборону организовал старший лейтенант Самойлов (младший лейтенант А. Е. Самойлов – заместитель командира пулеметной роты 44-го стрелкового полка). Его бойцы притащили станковый пулемет. Не один десяток гитлеровцев нашел могилу от огня этого пулемета. Я избрал себе командно-наблюдательный пункт в 150 метрах восточнее Северных ворот. Встретив там капитана Касаткина, назначил его начальником штаба.

Около полудня ко мне подбежал боец и сообщил, что в Восточном форту скопилось много людей, они ждут распоряжений. Я и капитан

Касаткин направились в подковообразное укрепление, где действительно увидели около трехсот человек.

Находившиеся с ними лейтенанты Домиенко и Коломиец уже успели подготовить укрепление к обороне. На весьма удачно выбранной позиции была установлена счетверенная зенитная пулеметная установка, имевшая почти круговой обстрел. В метрах полутора от Восточного форта находилось два зенитных орудия, которыми командовал старший лейтенант Шрамко. В ста метрах западнее – две противотанковые пушки, которыми командовал незнакомый мне молодой лейтенант.

Взяв и эту группу под свое руководство, я разбил силы, находившиеся в Восточном форту, на три роты – правого, левого и центрального крыла, двумя из них командовали лейтенанты Марков и Бородич. Вторым кольцом подковообразного укрепления, где находилась счетверенная зенитная пулеметная установка, командовал лейтенант Коломиец.

Здесь же, в подземных укрытиях Восточного форта, мы разместили свой штаб, оставив, однако, один наблюдательный пункт на Северном валу и второй – на другом конце Восточного форта. Воспользовавшись телефонными аппаратами и кабелями, имевшимися у зенитчиков, Касаткин быстро установил помимо живой телефонную связь со всеми ротами. При штабе имелась рация, с помощью которой мы тщетно пытались установить связь с командованием, с внешним миром... Рация пригодилась нам лишь для приема последних известий и сводок о ходе боев. Тут же, в форту, в укрытии был организован и свой «лазарет» – перевязочный пункт, который возглавляла военфельдшер Раиса Абакумова. Начальником продовольственно-хозяйственного и артиллерийского снабжения я назначил лейтенанта Домиенко, а своим заместителем по политчасти – политрука Скрипника.

Важность наших позиций понимал каждый боец. Когда прошли первые минуты неизбежного в подобных условиях замешательства, люди стали уверенно ждать встречи с врагом. Отряд представлял собой силу, которую очень скоро в полной мере испытали на себе вооруженные до зубов наступавшие немецко-фашистские части.

Едва мы успели сколотить подразделения, как противник предпринял новую серьезную атаку. Она была отбита с большим для него уроном. В полдень фашисты атаковали нас вторично, на этот раз при поддержке танков. Надо иметь в виду, что крепость со всех сторон окружена водными каналами. В нашем районе проход в нее был возможен только через Северные ворота. Сюда и пытались ворваться танки противника.

В неравный поединок с вражескими бронированными машинами

вступила группа бойцов во главе с молодым лейтенантом-артиллеристом. Огонь находившегося в укрытии орудия, которым он командовал, не смог преградить путь немецким танкам. Они вырвались к валу и пошли на нас. Тогда лейтенант приказал выкатить орудие на открытую позицию и повел стрельбу прямой наводкой. Уже завертелся на месте один танк, задымил второй... В это время лейтенанта тяжело ранило. Его гимнастерка быстро обагрилась кровью. Но уползти, уйти в укрытие значило дать танкам прорваться. И он вместе с еще одним уцелевшим бойцом остался у орудия. Когда была подбита третья вражеская машина, а остальные повернули обратно, мы увидели, как этот бесстрашный человек упал на землю...

В то время я еще не потерял надежды на соединение со своими войсками и потому приказал начальнику штаба составить приказ о посмертном представлении к званию Героя Советского Союза этого отважного лейтенанта. Все документы тех дней, конечно, погибли, и я сейчас жалею, что не запомнил фамилии лейтенанта-героя.

Уже в первый день нашей обороны, прошедший в непрестанной борьбе, сказались отличная выучка наших солдат и офицеров, их высокий моральный дух. Приходилось не только отражать непрерывные атаки, но и ликвидировать группы противника, то и дело прорывавшиеся в разных местах Кобринского укрепления. В середине дня гитлеровцам, вклинившимся в наше расположение, удалось организовать в северо-западном углу вала свой командно-наблюдательный пункт. Лейтенанту-пограничнику (как пишет участник обороны младший лейтенант Н. Г. Старков, фамилия этого пограничника Ануфриев) с шестью бойцами было приказано уничтожить вражеский командный пункт. Искусно маскируясь, они проползли по-пластунски метров 400 и внезапным штыковым ударом уничтожили группу засевших там гитлеровцев, захватив вместе с их оружием и планшетами несколько ценных штабных документов».

Сегодня нам трудно себе даже представить, что творилось в Брестской крепости в то утро 22 июня 1941 года. Этот день обещал быть ярким и безоблачным. Уже шла война в Бресте, а в Минске еще медленно всходило солнце. С тихих и уютных городских дворишков доносился сладковатый запах жасмина. Легкий утренний ветер шелестел листвой деревьев. Улицы и скверы радовали обывателя океаном цветов. Столица СССР Москва передавала веселые песни, затем – урок утренней гимнастики и передовую статью газеты «Правда».

С утра в почтовых ящиках домов и квартир горожан лежали свежие газеты...

Абсолютно безмятежно отдыхала Москва. Нарком ВМФ адмирал Кузнецов напишет по памяти: «Как всегда в выходные дни, в центре было малоллюдно, редкие прохожие выглядели празднично. Лишь проносились отдельные машины, пугая пешеходов тревожными гудками. Столица еще не знала, что на границах полыхает пожар войны и передовые части ведут тяжелые бои».

Может быть, именно в эти самые минуты на глазах майора Гаврилова смертельно раненный боец М. Яковлев своей кровью писал на стене слова: «Умираю за родину».

О том, что было до...

Петр Михайлович Гаврилов родился 17 (30) июня 1900 года в селе Альведино Пестречинского района Татарской Советской Социалистической Республики в семье казанских татар-крестьян, предки которых при Иване Грозном были обращены в православие. Причем, приняв вместе с верой русские имена и фамилии, они все-таки сохранили многие обычаи, а главное – родной язык. До революции Альведино (Альвидино) значилось как два села: крещеное и русское, так как население первого составляли крещеные татары (кряшены), а второго – русские.

В начале века в Альведино проживало около 700 человек. В селе действовали церковно-приходская школа, два хлебозапасных магазина и три мелочные лавки.

Отец Гаврилова умер в год его рождения, поэтому жизнь его была тяжелой, голодной и проходила в нищете. Подростком он батрачил на баев, а в 15 лет пешком ушел в Казань, где сначала устроился в пекарню, а затем чернорабочим на Алафузовскую фабрику. В 17 лет Петр вступает в отряд Красной гвардии, прочно, по убеждению приняв новую советскую власть. В 1918-м он записывается в 1-й Мусульманский полк, навсегда связав свою жизнь со службой в армии. В Гражданской войне Гаврилов участвует в боях против войск Колчака и Деникина. В дальнейшем служба молодого красного командира, выдвинутого из самой гущи народа, проходит на Северном Кавказе в борьбе с бандитизмом.

В 1922 году Гаврилов вступает в партию, женится на Екатерине Григорьевне и усыновляет мальчика Колю. Осенью 25-го он оканчивает Владикавказскую пехотную школу, а в 39-м – Военную академию имени Фрунзе. Теперь он майор, командир 44-го стрелкового полка 42-й мотострелковой дивизии, которая формируется в Ленинградском военном округе 17 января 1940 г. из отдельных стрелковых подразделений и строительных батальонов Карельского укрепленного района. Уже в феврале она участвует в боях на советско-финском фронте в составе 34-го стрелкового корпуса, после чего ее выводят в резерв. В июне соединение переводят в Эстонию. В июле – в Западный особый военный округ. Весной 41-го – в район Бреста. Так Петр Михайлович Гаврилов оказался рядом с Брестской крепостью, незадолго до 22 июня 1941 года.

К началу войны части 42-й стрелковой дивизии (соединение насчитывало около 8 тысяч человек вместо штатной численности 14 500)

были рассредоточены в самых разных местах Брестского района прикрытия № 4. Например, 459-й стрелковый полк, 472-й артполк, 4-й артдивизион и 3-й медсанбат находились в районе Жабинки. Остальные части и подразделения базировались в Брестской крепости и ее окрестностях.

Забегая вперед, необходимо отметить следующее. После начала войны к местам сбора 42-й дивизии ее личный состав прорывался разрозненными группами и с большими потерями. Например, 393-й зенитно-артиллерийский дивизион вышел из крепости всего с тремя орудиями без снарядов. В район Жабинки организованно вышли только два батальона 44-го и 455-го полков, мотострелковая рота 84-го разведывательного батальона и 7 бронемашин. Остальные из тех бойцов и командиров, кто остался жив, вошли в состав сводных групп, занявших оборону в крепости, или присоединились к отряду бойцов и командиров (3000 чел.) 28-го стрелкового корпуса, который дрался с врагом вместе с танкистами 22-й танковой дивизии под Жабенкой. Части, находившиеся восточнее Бреста (459-й полк и 472-й артполк), занимали оборону на рубеже Жабинка – Хведковичи.

К слову сказать, судьбы многих командиров соединений 4-й армии тогда сложились трагически. Так, командир 22-й танковой дивизии генерал-майор В. П. Пуганов погиб в бою 24 июня 1941 года. Командир 6-й стрелковой дивизии полковник М. А. Попсуй-Шапко был расстрелян 31 июля все того же 41-го. Его обвинили в предательстве за то, что не смог удержать Брест. Не обошли стороной обвинения в предательстве и командира (майора Гаврилова) 42-й стрелковой дивизии генерал-майора И. С. Лазаренко. 17 сентября 41-го Военная коллегия Верховного суда СССР установила: «Лазаренко, будучи командиром дивизии, имея данные, свидетельствовавшие об активной подготовке противника к военным действиям, проявил беспечность, не держал войска в состоянии боевой готовности... В первый же момент нападения... Лазаренко проявил растерянность и бездействие... Вместо решительных мер к организации отпора врагу самовольно выехал в штаб корпуса... оставив части дивизии без надлежащего руководства».

Сначала его приговорили к расстрелу, затем помиловали, а казнь заменили 10 годами условно. Только в октябре 1942 г. полковник Лазаренко снова отправился на фронт, где вернул себе генеральское звание и стал Героем Советского Союза. В конце июня 44-го в ходе Могилевской операции Иван Сидорович Лазаренко погиб от прямого попадания снаряда в машину.

Но это будет потом... А пока командир полка майор Гаврилов целыми

днями буквально живет со своими бойцами и командирами. Подчиненные его называли «въедливым» начальником, потому что он вникал во все мелочи быта. Вникал дотошно, настойчиво, придирчиво. Он готовил их к войне безжалостно, предчувствуя ее приближение. Личный боевой опыт двух войн, строевой опыт и два военных образования, в том числе высшее, давали ему на это полное право. Знающие Гаврилова командиры считали его грамотным, требовательным, трудолюбивым, заботливым и пунктуальным. Говорят, он был лучшим в своей 42-й стрелковой дивизии. Например, офицер запаса И. Гомозов так охарактеризовал Петра Михайловича в своем письме писателю Смирнову:

«Ночью он часто сидит читает книги о Суворове, рано утром он уже следит за подъемом то одного, то другого подразделения, днем проводит занятия с комсоставом полка, часто цитирует суворовские изречения, требует от личного состава глубоких знаний, больше занятий в поле.

Все знали, что от глаза Гаврилова ничего не ускользнет. Если что-то неладно идет в каком-либо подразделении, Гаврилов тут как тут, и все он видит, и все знает. К концу дня часто можно было видеть Гаврилова угрюмым и задумчивым. Это он был недоволен прошедшим днем. Часто можно было слышать от него выражения недовольства, что, мол, мало сделано за день, не с полной целеустремленностью проведены занятия, и так далее. Гаврилову хотелось быстрее подготовить свои подразделения к будущим боям. Он торопился...»

Известный предатель, бывший генерал Власов был младше Гаврилова всего лишь на год. В Красную армию вступил в 1920-м. Академий не заканчивал. Полком стал командовать в 1938-м. А дальше стремительный взлет, о каком майор Гаврилов и мечтать не мог. Командир дивизии, корпуса, командующий армией, заместитель командующего фронтом. Правда, потом плен и измена. Карьера же Петра Михайловича остановилась 22 июня 1941 года. А дальше был подвиг в Брестской крепости и в немецкой неволе. Майор Гаврилов прошел все с честью. Генерал Власов свою честь продал врагу. И вот здесь следовало бы задуматься: а почему так произошло? В чем разница этих двух военных судеб?

А, наверное, в том, что один служил Отечеству верой и правдой, а другой в этом Отечестве делал карьеру. Так все и было, если внимательно проанализировать две жизни и две биографии. Гаврилов оказался мужественным и профессиональным командиром полка, а Власов – трусливым и слабохарактерным генералом, занимающим чужое место. О подвиге Гаврилова узнали случайно, но прошли годы, прежде чем

советский народ услышал об этом витязе Брестской крепости. Образ же Власова как лучшего военачальника Сталина, создававшийся непонятно кем и для чего, рухнул в одночасье.

Если кто-то думает, что сегодня происходит все иначе, то глубоко заблуждается. Власовых на сегодняшний день в России хватает. Но живет ли где-нибудь на ее окраинах очередной Гаврилов, сказать сложно. Об этом мы обязательно узнаем со временем.

Накануне войны майор Гаврилов не раз в своих беседах с бойцами и командирами откровенно говорил, что война вот-вот начнется, так как Гитлеру ничего не стоит нарушить пакт о ненападении. Кто-то из любителей писать доносы на этот раз написал заявление в дивизионную партийную комиссию. Петра Михайловича обвинили в распространении тревожных слухов среди подчиненных. Ему грозило вполне серьезное партийное взыскание. Слушание персонального дела коммуниста Гаврилова было назначено на 27 июня 1941 года. Но гораздо раньше началась война...

Девять дней июня с той стороны

Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан в своих мемуарах точно воспроизводит время начала войны. В 3 часа 15 минут началась артиллерийская подготовка. В 3 часа 40 минут – первый налет пикирующих бомбардировщиков. В 4 часа 15 минут началась переправа через Буг передовых частей 2 немецких танковых дивизий. В 4 часа 45 минут первые немецкие танки форсировали реку.

Через четыре минуты после начала артподготовки штурмовой отряд немцев в составе пехотной роты и саперов на 9 резиновых моторных лодках приступил к выполнению поставленной задачи по захвату мостов. А еще через 11 минут вторая пехотная рота противника с саперами взяла железнодорожный мост через Буг. Всего же немцам понадобилось 45 минут, чтобы с огромными потерями захватить два моста, соединяющие Западный (Пограничный) и Южный (Госпитальный) острова с центральной частью Брестской крепости – Цитаделью. На взятие же крепости военачальники Гитлера планировали не более восьми часов, но неожиданное ожесточенное сопротивление и огромные потери сорвали эти планы.

В течение дня 22 июня германская 45-я пехотная дивизия при штурме крепости потеряла лишь убитыми более 300 человек. Эти потери для нее оказались небывалыми.

В районе Трехарочных ворот оборону возглавил капитан Зубарев, в северной и северо-восточной частях Цитадели – лейтенант Виноградов; у Тереспольских ворот – старший лейтенант Потапов, на Кобринском укреплении – майор Гаврилов.

Командир 45-й пехотной дивизии вермахта генерал-майор Фриц Шлипер только 8 июля 1941 года подпишет боевой отчет о взятии Бреста. День 22 июня в этом документе выглядит так:

«Первоначально ошеломление русских артиллерией и огнем метательных аппаратов и очень энергично осуществляемым нападением пехоты дало в итоге следующие успехи:

1) Железнодорожный мост через р. Буг был взят в результате смелой вылазки, взрывчатка удалена и мост вместе с другим мостом меньшего размера обезопасены. Переход войск по железнодорожному мосту стал возможен.

2) Наступление 130-го пехотного полка южнее крепости и города

Брест-Литовска привело к тому, что до обеда были заняты неповрежденными важные для прохода первой танковой колонны мосты через р. Мухавец юго-западнее и юго-восточнее города; штурмовые лодки 81-го саперного батальона, которые поднялись вверх по течению р. Мухавец, сыграли значительную роль при взятии мостов. Мосты удерживались против русских контрударов, в которых использовались танки, при этом 12 русских танков было уничтожено усиленным 130-м пехотным полком.

3) Мост через р. Буг на южной окраине крепости был быстро наведен; кроме того, 81-й саперный батальон под огнем противника построил 8-тонный временный мост на северной окраине крепости.

Однако очень скоро (около 5.30–7.30) стало ясно, что позади наших прорвавшихся вперед рот русские сформировались и начали очень упорно и стойко защищаться как стрелковым оружием, так и с использованием находящихся в крепости 35–40 танков и бронированных разведывательных машин; при этом выясилось, что они хорошо обучены снайперскому мастерству в стрельбе с деревьев, с крыш и из подвалов и, достигая при этом большой скорострельности, вскоре причинили нам большие потери в офицерах и унтер-офицерах. Страх быть расстрелянным при взятии в плен – как комиссары учили солдат – вероятно, очень способствовал решению защищаться до последнего.

В ранние предобеденные часы стало ясно, что артиллерийская поддержка ближних боев в крепости невозможна, так как наша пехота тесно переплелась с русской и наши боевые порядки в сплетении построек, кустов, деревьев, развалин частью невозможно определить, а частью они даже отрезаны или окружены русскими очагами сопротивления. Многократные попытки действовать отдельными орудиями, танками и легкими гаубицами стрельбой прямой наводкой не удавались из-за недостаточного обзора и из-за угрозы поразить своих солдат и, кроме того, из-за большой толщины стен крепости.

Также ничего не смогла сделать и проходившая после обеда мимо крепости батарея «штурмовых орудий», которую командир 133-го пехотного полка по собственной инициативе подчинил себе. Также и введение в бой новых сил 133-го пехотного полка (до этого резерв корпуса) на Южном и на Западном островах начиная с 13.15 не принесло изменения ситуации: там, где русские изгонялись, выкуривались из подвалов, домов, канализации и других закоулков, появлялись новые и стреляли превосходно, так что наши потери увеличивались.

Для уничтожения русских танков, которые могли прорваться из

крепости в сторону города, и для зачистки города севернее Северного острова в сторону ж/д станции (северо-западнее города Брест-Литовска) был выведен 45-й истребительно-противотанковый дивизион (без одной роты – она была придана 130-му пехотному полку), где дивизион многократно имел возможность поражать русские танки.

Около 13.50 командир дивизии, находившийся в 135-м пехотном полку (Северный остров), лично убедился в том, что ближним (рукопашным) боем крепость не взять, и решил около 14.30 отвести свои войска с тем, чтобы крепость была окружена со всех сторон и затем (ориентировочно после ночного отступления, начиная с раннего утра 23.6) провести тщательно пристрелянный и наблюдаемый разрушительный огонь, который должен изнурить и уничтожить русских. Это решение было в 18.30 вполне определенно одобрено главнокомандующим 4-й армией. Он не хотел ненужных потерь, т. к. движение немецких войск по шоссейной и железной дороге уже сейчас стало возможным; воздействие на них противника допускать было нельзя, а в остальном русских следовало выморить голодом.

Вечером 22.6 были отданы приказы на выход из крепости и ее окружение 133-м пехотным полком с 1-м дивизионом 98-го артиллерийского полка (город Брест) и 2-м дивизионом 98-го артиллерийского полка с запада, юга и востока, и 135-м пехотным полком с 3-м дивизионом 98-го артиллерийского полка с севера, в основном на внешнем валу.

Для ведения поражающего огня упомянутый выше 854-й частично моторизованный дивизион 21-см мортир (12 орудий), находящийся на позициях в районе 31-й дивизии, был подчинен 45-й дивизии. Три стационарных мортиры 34-й дивизии, были также подчинены 45-й дивизии, но из-за недостатка персонала и средств связи они не могли быть использованы; однако их боеприпасы были подвезены и использовались для усиления огня».

Второй день войны – 23 июня: «Ночью части 133-го и 135-го пехотных полков, проникшие в Цитадель, были отведены, согласно приказу, на блокадную позицию. Неприятным при этом было то, что русские тотчас вновь заняли оставленные районы, и далее, что группа немецких солдат (пехотинцы и саперы, сначала, конечно, их число не было известно) осталась блокированной в церкви цитадели (Центральный остров); время от времени с ними существовала радиосвязь. Впрочем, они имели при себе и несколько русских пленных.

С 5.00 ч. по Центральному острову и южному краю Северного острова

велась наблюдаемая стрельба на разрушение, состоящая попеременно из тщательного разрушения артиллерийским огнем тяжелых орудий и сильных огневых налетов, во время огня активность русских стрелков на деревьях убавлялась, чтобы в большинстве случаев немедленно снова настойчиво и успешно оживать при приостановлении обстрела; распознавание стрелков, превосходно скрывааемых камуфляжной формой, было очень трудно.

Примерно в 9.00 ч. от А.О.К.4 прибыл обещаемый автомобиль пропаганды с динамиком, который должен был разъяснять русским бесполезность их сопротивления и призывать их к сдаче в плен. Несмотря на его действия, дивизия пыталась подчинять проходящие мимо танки, так как было видно, что только с их помощью была возможна эффективная зачистка островов, избегая бесполезных потерь.

Между тем продолжалась планомерная стрельба на разрушение. К 14.00 ч. к командному пункту дивизии прибыли сначала малая, затем большая автомашины пропаганды с динамиком; после составления соответствующего текста они в соответствии с господствующим направлением ветра были посланы к I.R.135 (Северный остров) и там, после того как в 17.00–17.15 ч. было проведено сильное сосредоточение огня, должны были призывать русских к сдаче в плен, установленный срок сдачи – через 1,5 часа.

В самом деле, по этому призыву, в то время как артиллерийский огонь молчал, внезапно, с 18.30 ч., сдалось примерно 1900 русских; таким образом, возникало впечатление, что воля русских к сопротивлению существенно ослаблена и что при повторении артиллерийского огня и акции пропаганды Цитадель падет без дальнейших потерь. Поэтому вечером агитационный автомобиль посылался еще к L.R.133 (Южный остров), чтобы там также призывать к передаче. Однако здесь пропаганда не помогла, так как русские с наступлением темноты предприняли мощные попытки прорыва в направлении города на северо-восток и восток и очень сильный артиллерийский и пехотный заградительный огонь со всех сторон заглушал динамики».

Третий день войны – 24 июня: «После попыток прорыва и оживленного огня русских ночью стало ясно, что сдались лишь несколько не желающих воевать частей русских, а другие части, полные решимости продолжать борьбу, отказывались от какой-либо капитуляции; по высказываниям пленника, это были офицеры и комиссары, они то сами давали письменное обязательство сопротивляться до последнего, то принуждали к выдержке своих солдат, угрозой и запугиванием тем, что

немцы расстреляют их в любом случае.

Командир дивизии решил, обеспечивая движение по магистрали и железнодорожному мосту, снова начать артиллерийский огонь, проводимый как медленная стрельба на разрушение попеременно с самыми сильными сосредоточениями огня. Между тем при приостановлении обстрела снова и снова должны были раздаваться призывы к сдаче в плен, чтобы подтачивать русский боевой дух.

Это решение определенно одобрено в беседе командира дивизии с начальником штаба А.О.К.4, передавшего требование командующего не лить бесполезно никакую кровь, необходимо лишь гарантировать движение на танковой магистрали.

Решение продолжать артиллерийский огонь было тяжелым, так как в церкви цитадели еще держались окруженные и при случайной радиосвязи просили о помощи; чтобы уменьшить потери, район вокруг церкви цитадели пришлось оставить свободным от обстрела и отказаться от использования реактивных установок, еще стоящих в боевом положении примерно с 150 метательными снарядами. В течение первой половины дня сдались отдельные русские.

На 11.30–11.45 ч. было предусмотрено новое мощное сосредоточение огня с последующим приостановлением обстрела и призывами к сдаче с использованием динамика. Незадолго до этого с окруженными в церкви цитадели вновь удалась радиосвязь, и стало известно, что там держатся еще минимум 50 солдат, частью раненных и крайне изнуренных. Вследствие этого было быстро принято решение: приказано во время «пропагандистской» отсрочки в 11.45 ч. (в это время артиллерийский огонь должен был стихнуть) сильным налетом штурмового подразделения I.R.133 внезапно прорваться к церкви цитадели, чтобы спасти окруженных.

Используя особенно впечатляющий огневой налет в 11.30–11.45 ч., I.R.133 удалось спасти примерно 50 окруженных и одновременно взять Центральный остров, кроме нескольких зданий; также I.R.135 была взята западная часть Северного острова, позже II/ I.R.133 – Южный остров; при этом взято 1250 пленных.

На Центральном острове русские гнезда сопротивления остались в нескольких частях зданий и так называемом Доме офицеров, а в восточной части Северного острова (восточнее дороги с севера на юг) – в основном вал у Северного моста (укрепление 145) и Восточный форт.

При очистке Центрального острова во второй половине дня русские пытались вырваться силами примерно до роты на восток в район мостов магистрали № 1 над Мухавцом, они были уничтожены. Оживленная

огневая активность русских из их гнезд сопротивления позволяла ожидать ночью новые попытки прорыва. Поэтому для обеспечения слабого места линии окружения между I.R.135 и III/I.R.133 ночью был вдвинут еще 45-й разведывательный дивизион. В самом деле, ночью русские пехотинцы и танки пытались вырваться, но были отбиты.

Дивизионный командный пункт переносился из Тереспоя в Брест-Литовск».

Четвертый день войны – 25 июня: «С раннего утра продолжалась зачистка гнезд сопротивления, причем командиру I.R.135 для зачистки Северного острова были приданы еще II/I.R.130 и Aufkl. Abt.45 с III/I.R.133. Действие артиллерии стало невозможным из-за узости районов. Пехотные средства из-за силы кладки были бесполезны; действия тяжелых танков или штурмовых орудий были бы успешными, однако их не было. Еще исправный огнемет 81-го саперного батальона не мог приближаться к домам без бронированного огневого прикрытия. Поэтому дивизия пыталась привести в боевую готовность несколько захваченных русских бронемобилей, что ожидалось к 26.6. Кроме того, ночью по предложению А.О.К.4 был придан бронепоезд № 28 (3 французских танка Somua), чье использование ожидалось не ранее чем 26.6. Для исключения фланкирования из Дома офицеров на Центральном острове по Северному острову, действовавшего очень неприятно, 81-му саперному батальону с группами подрывников поручили зачистить этот дом и другие районы крепости. С крыши дома были доставлены и подорваны на уровне оконных проемов подрывные заряды; слышали крики и стоны раненных подрывами русских, но они продолжали стрелять. Таким образом, день прошел с постоянными ближними боями и приведением в готовность танков».

Пятый день войны – 26 июня: «На Центральном острове 81-й саперный батальон проводил подготовленный большой подрыв; из дома, боковая стена которого (метровая, из кирпичной кладки) разрушалась, извлекались примерно 450 пленных, которые частично принадлежали к коммунистической школе руководителей. Вместе с тем устранялась фланкировка против Северного острова. Поэтому затем могла проводиться зачистка Северного острова, где как гнездо сопротивления оставался только лишь Восточный форт; к нему нельзя было приблизиться средствами пехоты, так как ведущийся из глубокого рва с многочисленными капонирами и из подковообразного двора превосходный винтовочный и пулеметный огонь сбивал каждого приближающегося.

Оставалось только решение принуждать русского голодом, и прежде всего жаждой, к капитуляции и применять сверх того все средства,

ускоряющие его истощение, кроме всего прочего, такие как постоянный беспокоящий огонь тяжелых минометов (чтобы препятствовать его передвижению по рву или двору), обстрел танками в упор, передача призыва выкриком (мегафон) или метание листов в ров с верхней кромки. Французские и русские трофейные танки еще не были готовы к применению».

Шестой день войны – 27 июня: «Благодаря перебежчику из Восточного форта стало известно, что там защищаются примерно 20 офицеров и 370 рядовых с четырехствольным пулеметом, 10 легкими пулеметами, 10 автоматами, 1000 ручных гранат, имеющих достаточно боеприпасов и продовольствия. Воды мало, однако ее добывают из выкопанных дыр. Также в форту находятся женщины и дети. Душа сопротивления – это майор и комиссар, главные силы окруженных принадлежат 393-му зенитному дивизиону (42-я дивизия).

Наконец, к полудню могли быть задействованы французский танк *Somua* (2 танка бронепоезда № 28 были не готовы к выезду) и русский захваченный танк (второй был исправен только условно из-за частых дефектов мотора); из-за их огня в бойницы и окна русский стал существенно тише, но окончательный успех не был достигнут.

В дальнейшем было восстановлено штурмовое орудие (оставшееся лежать в поврежденном состоянии 22.6 на Северном острове), (частично удаленный замок приведен в исправность), подготовлен к выезду, приготовлен и поднесен необходимый боезапас. Чистились оставшиеся гнезда сопротивления (отдельные русские, которые снова и снова стреляли из самых невероятных убежищ, таких как мусорные ведра, кучи тряпья и т. д.). Из Восточного форта все еще отстреливались».

Седьмой день войны – 28 июня: «Продолжался обстрел Восточного форта при помощи танка и вполне боееспособного теперь штурмового орудия, но безуспешно. Поэтому командир дивизии распорядился установить связь с летчиками на аэродроме Малашевичи, чтобы выяснить возможность бомбардировок. Результат: бомбы могут бросаться, для этого необходим отвод собственных подразделений за внешний вал и до Западного форта. Отвод проводился во второй половине дня под тщательным огневым прикрытием, чтобы из Восточного форта не смог вырваться русский. К сожалению, приближающаяся глубокая облачность сделала бомбардировку 28.6 невозможной. Тесное блокирование Восточного форта было восстановлено; ночью для освещения Восточного форта использовались русские прожекторы (частью из автомобильных фар).

Русский все еще отвечал на каждое неосторожное сближение.

Введенные в бой в цитадели силы уменьшились, чтобы частично позволить подразделениям необходимый отдых».

Восьмой день войны – 29 июня: «С 8.00 ч. летчики бросали несколько 500-кг бомб, не оказавших никакого действия, как и новый оживленный обстрел Восточного форта при помощи танка и штурмового орудия, хотя кладка была несколько разрушена.

На 30.6 подготавливалось нападение с бензином, нефтью и смазочным материалом, который должен был скатываться в бочках и бутылках во рвы форта и зажигаться ручными гранатами или сигнальными боеприпасами.

Во второй половине дня авиация повторяла бомбардировки 500-кг бомбами. Когда при этом была сброшена и 1800-кг бомба, попавшая в угол стены рва и потрясая своим взрывом также и город Брест, русские уступили: выпустив первоначально женщин с детьми, вечером сдались 389 человек – теперь они получили от своего руководителя, майора, разрешение на сдачу. Они не были ни в коем случае потрясены, выглядели сильными и хорошо накормленными и производили впечатление дисциплинированных. Майор и комиссар не были найдены, они были обязаны застрелиться».

Девятый день войны – 30 июня: «Ранним утром Восточный форт полностью осматривался, было извлечено несколько русских раненых и лежащих перед ним мертвых немецких солдат. Было найдено достаточно боеприпасов. Отдельные непросматриваемые помещения были выжжены. На всем протяжении операции командование всегда могло пользоваться кроме радиосвязи также и проводной связью, которую образцово поддерживал 65-й батальон связи, вопреки многочисленным водным преградам и постоянному вражескому огню».

Далее немецкий генерал подводил итоги, констатируя, что с 22 по 29 июня крепость и город Брест заняты в результате тяжелых боев дивизии. Движение на восток по железной дороге и танковой дороге (так они назвали ту нашу дорожную сеть) стало не только возможным, но и надежно прикрытым. И второй итог: крупные силы двух русских дивизий (6-й и 42-й) уничтожены. Только пленными немцы насчитали: 101 офицера и 7122 солдата. Скрупулезно подсчитали они и трофеи:

«а) Оружие:

14 576 винтовок

1327 пулеметов

27 минометов

15 орудий 7,5-см

10 орудий 15-см
5 гаубиц 15-см
3 пехотных орудия
6 зенитных орудий
46 противотанковых орудий
18 прочих орудий

б) Лошади: 780 лошадей

с) Автомобили:

36 танков и гусеничных тракторов, примерно 1500 автомобилей, в большинстве случаев непригодных».

Потери 45-й пехотной дивизии, по ее собственным подсчетам, составили: убитыми и пропавшими без вести – 32 офицера и 421 солдат. Ранеными оказались: 31 офицер и 637 солдат. И все это оправдывалось с немецкой педантичностью, прежде всего сопротивлением противника: «Русские сражались в Брест-Литовске неимоверно выносливо и стойко, показали отличную солдатскую выучку и в большинстве своем проявили заслуживающую уважения готовность сражаться».

«До последней капли крови»

Итак, командир 45-й пехотной дивизии вермахта официально объявил об окончании боевых действий в Брестской крепости 8 июля 1941 года, указав дату 29 июня. Сам майор Гаврилов, по памяти, этот день опишет так: «Рано утром почти вплотную к Северным воротам подъехала немецкая машина с радиорупором. На русском языке нам был предъявлен ультиматум: или капитуляция, или авиация сметет крепость с лица земли... На размышление был дан один час.

На созванное в это время партийное собрание... явились не только коммунисты и комсомольцы, но и все, кто мог, из бойцов. Сообщение мое было кратким:

– Нам обещают, – сказал я, – сохранить жизнь. Перед нами выбор: жизнь в фашистском плену или смерть в бою. Капитулировать – значит изменить Родине. А мы давали присягу сражаться за нее до последней капли крови. Я, майор Гаврилов, коммунист и ваш командир, остаюсь здесь. Пусть свое слово скажут коммунисты...

Каземат, в котором проходило это необычное собрание, наполнился гулом голосов:

- Изменников и трусов среди нас нет!
- Будем драться до конца... <...>

Нам был дан лишь один час, а мы хорошо знали немецкую точность. Рядовой Макаров записывал в протокол фамилии, я, Касаткин и другие члены партии тут же давали рекомендации. В числе тех, кто стал коммунистом: командир роты Терехов, медсестра Абакумова и многие другие, отличившиеся в бою.

Ровно через час, убедившись, что защитники крепости не намерены поднимать белый флаг, фашисты начали новую ожесточенную бомбежку, которая длилась несколько часов. От разрывов крупнокалиберных бомб сотрясалась земля, раскалывались и рушились здания. И хотя наш гарнизон был укрыт в капитальных подземных помещениях, мы понесли большие потери. Едва кончилась бомбежка, как все, кто остался в живых, несмотря на ранения и контузии, вновь оказались на своих местах. Всюду, где было особенно тяжело, появлялись коммунисты, в том числе и те, которые только этим утром вступили в ряды партии.

Гитлеровцы, уверенные в том, что они сломали волю защитников крепости к сопротивлению, ринулись в атаку без обычных

предосторожностей. Но гарнизон жил и боролся. Бойцы Восточного форта открыли по фашистам пулеметный и ружейный огонь, забросали их гранатами. Неприятель снова вынужден был повернуть вспять.

Тогда фашисты пошли на крайнее средство. Они стали сбрасывать в фортовые окопы все, что могло гореть: масло, бензин, поджигали бочки и бутылки с горючим, пустили в ход огнеметы. Так прошел воскресный день 29 июня.

Утром следующего дня нас ждало новое испытание: озверевшие от неудач фашисты стали забрасывать двор и фортовые окопы бомбами со слезоточивыми газами. Но и в противогазах, напрягая последние усилия, наши бойцы продолжали вести ожесточенные бои, не давая врагу добиться своей цели.

Видя всю бесполезность подобных усилий, гитлеровцы решили всерьез сдержать данное ими обещание – стереть крепость и ее защитников с лица земли. В тот же день, 30 июня, была предпринята невиданная до сих пор бомбежка. К исходу дня, когда все вокруг пылало, гитлеровцы ворвались в расположение нашего гарнизона. Те, кто уцелел, в большинстве своем раненые и контуженые, были захвачены в плен. Но некоторым защитникам форта все же удалось укрыться в подземных убежищах. В их числе был и я».

После самой страшной немецкой бомбежки их осталось всего 20 человек с четырьмя пулеметами и с достаточным количеством боеприпасов и гранат. Не хватало только продовольствия. Сто граммов сухарей в день – это все, что могли позволить себе последние защитники Бреста. Начался новый этап борьбы, когда днем они прятались в казематах, а ночью вели прицельный огонь по противнику. При этом Гаврилов и его бойцы все еще надеялись прорваться на северо-восток Бреста к Беловежской Пуще.

Прошло целых десять дней, прежде чем стычка со случайно оказавшимися рядом немецкими пулеметчиками выдала их. Это было 12 июля. Немцы подняли нештучную тревогу и атаковали. В этом бою погибло 9 бойцов.

Воспользовавшись паузой, которая могла закончиться с рассветом, Петр Михайлович с двумя уцелевшими бойцами снова укрылся в подземных щелях. Тогда и было принято решение этой же ночью прорываться сквозь окружение в разные стороны: на юг, на восток и на запад. Но попытка прорыва, когда все одновременно бросили по гранате и пустились бежать, не увенчалась успехом. Гаврилов остался один, пробившись лишь в северозападную часть крепости:

«У меня оставался один выход: вновь укрыться в одном из подземных

казематов и дожидаться, пока фашисты снимут блокаду крепости. После долгих поисков я остановил свой выбор на маленьком угловом каземате близ полковой конюшни с двумя бойницами, дававшими хороший обзор местности и возможность отстреливаться. А чтобы не быть обнаруженным через дверь, я притащил в угол каземата кучу сухого конского навоза и замаскировался.

В этом убежище я скрывался три дня, пока нестерпимый голод не заставил меня отправиться на поиски какой-либо пищи. Так как я находился вблизи конюшни, то решил поискать что-нибудь из фуража. В темноте мне удалось нащупать в одном из помещений куски комбикорма. Я стал грызть их.

Затем по-пластунски дополз до обводного канала и напился. Так продолжалось несколько дней. Но затхлая, стоячая вода и пища, состоящая наполовину из мякины и рубленой соломы, сделали свое дело: у меня начались страшные рези в желудке.

Временами от голода и слабости я впадал в полузабытье. В минуты прояснения сознания передо мной с какой-то необычайной отчетливостью проходила вся моя жизнь. <...>

Лежа с закрытыми глазами в углу каземата, вспомнил десятки родных лиц – бывалых комбатов, опытных командиров, молоденьких лейтенантов, рядовых бойцов и сержантов. Многих, очень многих я знал по фамилии, почти всех – в лицо. Где они сейчас? Что с ними? Чего бы я ни отдал, чтобы оказаться вместе со всеми людьми, разделить с ними общую судьбу, как бы тяжела и трагична она ни была.

Нет, не смерть меня страшила тогда. С мыслью о ней, как о неизбежной, все мы, защитники крепости, давно примирились. Тяжело было умереть безвестным, вдали от своих, окруженным и затравленным врагами. «Только подороже отдать свою жизнь, – размышлял я, – это последнее, что ты можешь сделать для родной страны, для своего народа».

И рука, даже в часы забытья, инстинктивно нащупывала оружие, которое у меня осталось: два заряженных пистолета и пять гранат... С ними я собирался достойно встретить свой смертный час».

Сегодняшний сытый обыватель, сидящий на диване в квартире своих родителей у телевизора или за компьютером в очередном офисе в качестве планктона, скорее всего, покрутит своим белым, мягким и пушистым пальчиком у виска. Ему сложно понять майора Гаврилова. Вот сотрудничество генерала Власова с немцами как-то более доступно современному интеллекту. Понять же человека, умирающего от голода и сражающегося до последнего патрона, до последней капли крови под

ежеминутным страхом смерти в крепости, которая давно взята, это звучит скорее фантастически и как-то совсем за пределами. Но ведь очень многое из нашего прошлого, что когда-то не вызывало не то чтобы удивления, а было той самой нормой именно для русского и советского человека, теперь удивляет. И действительно, есть в жизни доступное одним и недостижимое для других!

Последний бой

Гаврилов не терял надежды выбраться из крепости. Он продолжал бороться за жизнь, но был уверен, что если придется, то отдаст ее как можно дороже.

День за днем Петр Михайлович ел комбикорм, а ночью пил воду из канала до тех пор, пока не началась острая резь в желудке, которая постепенно причиняла ему нечеловеческие страдания. И что он только не делал, чтобы не выдать себя. Удерживаясь от стонов, он кусал губы, но снова впадал в полузабытье, а приходя в себя, с трудом шевелил руками.

Однажды он очнулся от громких голосов: «Гитлеровцы разговаривали совсем рядом и шли прямо в мой каземат. Их, очевидно, привлекли мои стоны: они и меня самого часто заставляли пробуждаться. У моей двери раздались шаги кованых сапог. Значит, наступил мой последний бой. Я собрал остаток сил и, приподнявшись на локте, нажал на спусковой крючок пистолета. По раздавшимся воплям понял, что обойма выпущена не впустую.

Я не помню, сколько времени продолжался этот последний бой: может быть, час, а может быть, и дольше. Снаружи меня укрывали метровой толщины стены, а пулеметные очереди, пускаемые в амбразуры, поразить не могли. Это, конечно, отлично понимали фашисты. То и дело доносились их выкрики: «Рус, сдавайс!» Я молчал. Голоса приблизились к самым амбраурам. Тогда в одну и в другую я кинул по гранате. Одновременно со взрывами вновь раздались истошные крики, проклятья и стоны. Затем все это отдалилось и наконец стихло. Видимо, раненых унесли.

Я весь сосредоточился на одном: как эффективнее израсходовать оставшиеся у меня гранаты и последнюю обойму ТТ.

Герой Советского Союза П. М. Гаврилов

Тишина продолжалась недолго. Гитлеровцы дважды пытались подобраться к каземату с внешней стороны, с тыла, от дверей. У меня в обойме оставалось еще три патрона, но пустить их в ход мне уже не удалось. Неожиданно раздался страшный грохот, по глазам полоснуло пламя, и я потерял сознание».

Пройдут десятилетия, прежде чем в 2012 году Музеею обороны Брестской крепости передадут копии уникальных документов, найденных немецкими историками в Федеральном военном архиве Фрайбурга. Согласно им, майора Гаврилова действительно взяли в плен 23 июля 1941 года солдаты из охранного батальона. Там же говорится, что Петр Михайлович стрелял из пистолета и ранил пятерых немецких солдат. При этом фамилия «Гаврилов» в документах не фигурирует. Там написано, что «арестовали старшего лейтенанта». И еще. Когда командира 44-го полка захватили, Брестская крепость была еще раз прочищена. Кроме семи трупов советских бойцов, там больше никого не обнаружили. Таким образом, можно утверждать, что майор Петр Михайлович Гаврилов был самым последним защитником Брестской крепости.

Плен и после плена

Майор Гаврилов очнулся в немецком госпитале. Рядом с ним лежали раненые советские военнопленные. Лечили их свои же пленные врачи. Именно от них Петр Михайлович и узнал дату своего пленения – 23 июля 1941 года...

Когда Гаврилова привезли в госпиталь, то врач Н. И. Воронович запомнил его таким: «Пленный майор был в полной командирской форме, но вся одежда его превратилась в лохмотья, лицо было покрыто пороховой копотью и пылью и обросло бородой. Он был ранен, находился в бессознательном состоянии и выглядел истощенным до крайности. Это был в полном смысле слова скелет, обтянутый кожей. До какой степени дошло истощение, можно судить по тому, что пленный не мог даже сделать глотательного движения: у него не хватало на это сил, и врачам пришлось применить искусственное питание, чтобы спасти ему жизнь.

Но немецкие солдаты, которые взяли его в плен и привезли в лагерь, рассказали врачам, что этот человек, в чьем теле уже едва-едва теплилась жизнь, всего час тому назад, когда они застигли его в одном из казематов крепости, в одиночку принял с ними бой».

После первого допроса Гаврилова снова принесли в госпиталь, уложили на ту же койку и больше не допрашивали. Но нужно было что-то делать, чтобы Петра Михайловича можно было успеть подлечить. И тогда лечащие врачи Ю. В. Петров и И. К. Маховенко заявили немцам, что пленный майор заболел тифом. Гаврилова тут же перевели в тифозный барак, где он провел несколько недель. Туда фашисты не показывались. Когда же он начал ходить, то те же врачи пристроили его работать в одной из лагерных кухонь. Благодаря им Гаврилов смог поправиться и выжить. А весной 1942 года лагерь для советских военнопленных в Южном военном городке Бреста расформировали, и Петр Михайлович после скитаний по другим лагерям оказался в Хаммельбурге в Офлаге 62 (XIID).

К слову сказать, летом 1941 года вермахт оборудовал всего один лагерь для офицеров Красной армии на территории рейха. Он размещался в районе полигона Хаммельбург в Нижней Франкии к северу от Вюрцбурга, где уже во время Первой мировой войны находился лагерь для военнопленных.

Предположительно во второй половине июля 1941 года в этот лагерь прибыли первые эшелоны пленных. Численный состав там рос быстро: 10

августа в Хаммельбурге находилось 4753 офицера. Поскольку осенью 1941 года среди советских военнопленных разразилась эпидемия сыпного тифа и большинство лагерей было поставлено на карантин, Хаммельбург закрыли. Только с апреля 1942 года туда опять стали прибывать эшелоны с пленными.

В середине августа 1941 года в Хаммельбург прибыла группа сотрудников тайной государственной полиции (гестапо) для того, чтобы выявить среди пленных так называемых «особо опасных элементов» (политработников, интеллигентов и евреев). До лета 1942 года было выявлено и расстреляно в концлагере Дахау не менее 1100 офицеров.

В общей сложности в этом лагере было зарегистрировано 18 000 советских офицеров.

По воспоминаниям одного из советских военнопленных офицеров, в центре Офлага «находилось десятка полтора двухэтажных кирпичных казарм, складов, конюшен и административных зданий, а во все стороны расползались улицы стандартных деревянных, в основном трехкомнатных, барачков. Лагерь был разделен на 9 блоков, из них 3 русских. С прибытием нашей группы население этих русских блоков стало около четырех тысяч человек. Все три русских блока и один блок, где находились казармы немецких солдат охраны, были по одну сторону центральной части, а по другую был лагерь английских, канадских и американских пленников офицеров. Эти блоки были совершенно изолированы...»

В этом лагере немцы пытались использовать и профессиональные знания советских командиров. Например, там был создан военно-исторический кабинет, который возглавлял полковник Захаров. В работе кабинета также участвовали комбриг М. В. Богданов, комбриг А. Н. Севастьянов, полковник Н. С. Шатов, подполковник Г. С. Васильев и еще до 20 полковников и подполковников. Кабинет просуществовал до весны 1943 года, а затем был переведен в Нюрберг. Все участвующие в его работе находились на особом довольствии и получали особый паек.

«С июня 1942 г. всех пленников офицеров Красной армии от младшего лейтенанта до полковника включительно, имевших гражданские специальности, стали отправлять на работу в военную промышленность. Из Офлага Хаммельбург многих офицеров отправляли на авиазаводы «Мессершмитт» в Регенсбурге. В марте 1943 г. на заводе работали две тысячи советских военнопленных офицеров. Примерно треть из них – военнослужащие ВВС Красной армии, в основном авиатехники. Остальные две трети – из разных родов войск, офицеры, призванные из запаса, имевшие среднее или высшее техническое образование».

Петр Михайлович до своего освобождения в мае 1945-го работал в рабочей команде грузчиком на элеваторе. Как он сам напишет впоследствии: «Это были страшные годы...» Но он выдержал с честью и их, потому что сравнительно легко прошел фильтрацию, был восстановлен в звании майора и уже осенью 1945 года получил новое назначение.

«Оно выглядело несколько неожиданным, – подчеркнет в своей книге С. Смирнов. – Этот человек, который только что перенес страшный, истребительный режим гитлеровских лагерей и испытал на себе все бесчеловечные издевательства врага над людьми, оказавшимися в его власти, сейчас был назначен начальником советского лагеря для японских военнопленных в Сибири.

Казалось бы, человек мог ожесточиться там, в плену, и теперь в какой-то мере вымещать все, что он пережил, на прямых союзниках врага. Но Гаврилов... сумел с исключительной гуманностью, образцово поставить дело содержания пленных в лагере. Он предотвратил эпидемию тифа среди японцев, ликвидировал злоупотребления со стороны японских офицеров, через которых снабжались пленные солдаты. Я видел у него документы с выражением благодарности по службе за хорошую постановку дела в лагере.

Однако служить в армии ему пришлось недолго... и он был уволен в отставку, на пенсию. Пенсию ему определили небольшую – в то время бывшим пленным не засчитывали годы войны в срок армейской службы, и жить на эти средства было нелегко».

Да и послевоенная жизнь для Петра Михайловича Гаврилова стала еще одним испытанием на прочность.

Учительница младших классов Альвединской школы Анна Козлова с горечью рассказывала: «Наша первая встреча с Петром Михайловичем состоялась в 1947 году. Послевоенное время было очень тяжелым. Бедность и голод хозяйничали в каждом крестьянском дворе. Петр Гаврилов, встреченный жителями села как враг народа, стал жить в землянке с матерью. Работал пастухом, помогал собирать колхозный картофель. Мы дружили семьями. Он частенько с матерью захаживал к нам в гости, мылись в бане, чаевничали. О войне он говорить не любил. Лишь изредка, после дотошных расспросов, рассказывал, что ему пришлось перенести. Вспоминаю случай. Осень. Идет уборка второго хлеба на колхозных полях. Лошадь тащит за собой телегу, из которой выпадает картофель. Петр Михайлович идет следом и собирает его. А люди, видя это, подкидывают ему еще: мол, «на, ешь, враг народа»! Самые наглые позволяли себе подойти сзади и пнуть его».

Другая жительница села, Анна Богомолова, о Гаврилове вспоминала следующее: «Вернулся он на родину со второй женой Марией. Первую супругу Екатерину Григорьевну и десятилетнего сына Колю он потерял во время бомбежек. Так они и жили в землянке втроем – мать и он с женой. Петра больше всего пугало, что вот-вот за ним прилетит «черный ворон». В 1949 году его вызвали в райцентр к секретарю парткома. «Теперь все кончено, точно заберут», – говорил он. К его удивлению, он был назначен директором кирпичного завода. Проработав в Пестрецах, снова приехал жить в деревню. Через некоторое время Петр уезжает в Казань и возвращается обратно».

В общем, на родине жизнь не сложилась, и пришлось Гаврилову попытать счастья в Краснодаре, где он долго служил в довоенные годы. Именно здесь, отказывая себе во многом, Петр Михайлович построил на окраине города небольшой скромный домик. Именно здесь очень круто изменится и вся его дальнейшая жизнь.

«В Брестской крепости остаемся навсегда»

Письмо бывшего бойца 44-го стрелкового полка А. Бессонова о встрече со своим командиром писатель С. Смирнов получил буквально через неделю и сам тотчас же написал Гаврилову. Он рассказал, как ему пришлось искать его: «Писал, что, по моему мнению, там, в Брестской крепости, он совершил подвиг выдающегося героизма, и я верю – недалеко то время, когда народ узнает об этом подвиге и Родина по достоинству оценит мужество, самоотверженность героя».

А еще через две недели С. Смирнов приехал в Краснодар: «На вокзале вместе с Бессоновым меня встречал Гаврилов. С любопытством вглядывался я в этого человека, о котором столько думал и которого так долго искал. Это был худощавый пожилой человек с несколько изможденным широкоскулым лицом, казавшийся на вид старше своих 55 лет. На нем были старенькая офицерская шинель и ушанка военного образца. Он сразу же повез меня к себе – в маленький саманный домик на дальней окраине Краснодара. Там нас встретила его вторая жена Мария Григорьевна, радушно принявшая меня.

В домике было чисто, аккуратно, но по всему чувствовалось, что хозяева живут далеко не в полном достатке. Этот домик был построен руками самого Гаврилова и его жены, и я догадывался, что им пришлось во многом отказывать себе, чтобы обзавестись своим жильем и кое-каким хозяйством.

Зато гордостью их был большой и заботливо ухоженный виноградник, раскинувшийся около дома. И когда мы сели завтракать, на столе появилось молодое вино собственного изготовления, и, конечно, первый тост был провозглашен за героев Брестской крепости.

А потом мы в течение нескольких дней беседовали с Гавриловым, и я записывал его воспоминания. Он рассказал мне всю историю своей интересной, но нелегкой и сложной жизни».

Сергей Сергеевич Смирнов (1915–1976) лично очень много сделал для увековечения памяти героев войны, а также для восстановления доброго имени бойцов и командиров, попавших в годы войны в плен. Его выступления в печати, на радио и телевидении того времени внесли поистине великий вклад в поиск пропавших в годы войны и ее неизвестных героев. Например, после выхода на радио в 1955 году цикла передач под названием «В поисках героев Брестской крепости» П. М. Гаврилов смог

восстановить членство в партии. Следом в Министерстве обороны будет пересмотрен вопрос о его пенсии, которая будет значительно увеличена. А затем Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 января 1957 года за образцовое выполнение воинского долга при обороне Брестской крепости в 1941 году и проявленные при этом мужество и героизм Гаврилову Петру Михайловичу будет присвоено звание Героя Советского Союза. И в этом же 1957 году выйдет книга С. Смирнова «Брестская крепость», за которую автор в 1965 году будет удостоен Ленинской премии и награжден орденом Ленина.

Но и это еще не все. В 1956 году, когда Гаврилов приехал в Брест на 15-ю годовщину обороны крепости, то одна из жительниц города пришла к нему в гостиницу и сообщила, что его первая жена жива и находится где-то в доме инвалидов в Брестской области. Петр Михайлович нашел Екатерину Григорьевну, четыре года как парализованную, и забрал с собой в Краснодар. В том же 1956 году нашелся и приемный сын Петра Михайловича Николай, который служил в армии.

Так вот однажды жизнь никому не известного защитника Брестской крепости, командира 44-го стрелкового полка майора Гаврилова обрела новое рождение. Он стал активно заниматься общественной работой, совершая поездки по всему Советскому Союзу. Его избрали в депутаты Верховного Совета СССР. Возможно, благодаря этому он прожил достаточно долгую жизнь.

Петр Михайлович Гаврилов скончался в Краснодаре 26 января 1979 года и был похоронен с воинскими почестями на гарнизонном мемориальном кладбище Бреста.

Михаилу Шиманскому, будучи корреспондентом газеты «Известия» по Беларуси, довелось встретиться с Гавриловым осенью 1971 года на открытии мемориального комплекса «Брестская крепость-герой». И он спросил Петра Михайловича:

«...– Вы держались в крепости в течение 32 суток, больше, чем кто-либо другой из ее защитников. Что было для вас тогда самым тяжелым?

– Как вам сказать, – начал неторопливо. – Если говорить о самих боях, то, кажется, тяжелее того, что мы испытали в крепости, для солдата уже и быть не может. Но мы ведь были военными людьми. Через тридцать лет после окончания войны о Брестской крепости известно многое, все восхищаются стойкостью и героизмом ее защитников. Тогда же мы об этом не думали, да и не было времени на такие мысли. Мы честно исполняли свой воинский долг, и я не хочу говорить сейчас пафосно, хотя, понимаю, для вас, журналистов, такие наши слова важны и нужны. Конечно, самое

тяжелое и обидное, что мы в крепости так и не дождалась помощи наших войск, хотя ждали ее каждую минуту. Сейчас-то мы понимаем, что она и не могла прийти, но тогда ведь ничего не знали, что немцы уже далеко на востоке за Брестом...»

Известно, что древнерусского воина-богатыря называли ВИТЯЗЕМ. Петр Михайлович Гаврилов тоже был РУССКИМ ВИТЯЗЕМ Брестской крепости, сражавшимся в ней с 22 июня по 23 июля 1941 года до последнего патрона, до последней капли крови. Поэтому даже враг сохранил ему жизнь...

Все в том же 1971-м Петр Михайлович скажет: «...мы в Брестской крепости остаемся навсегда, иначе и быть не должно...»

И он действительно остался там навсегда.

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Алиев Р. Брестская крепость. М., 2010.

Васильев Б. Живая память. 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1995.

ВА-МА RH 26–45 27 «Meldungen, Gefechtsberichte».

Гаврилов П. М. Личные воспоминания. ОФ МГ ОБК. Оп. 44. Д. 64. Л. 156–171.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998.

Клин Б. Брестской крепости вернули командира. «Известия» от 7 мая 2010 г.

Кузнецов Н. Г. Накануне. М., 1966.

Кульбака А. Последний защитник крепости. «Вечерний Брест» от 22 июня 2012 г.

Малов М. Трибунал для героя со счастливым концом. «Туганайлар» от 30 ноября 2012 г.

Палий П. Н. Записки пленного офицера. Военная литература. Интернет.

Песков В. Война и люди. М., 1970.

Сандалов Л. М. 1941 год. М., 2006.

Смирнов С. Брестская крепость. М., 1964.

Смыслов О. С. Окопная правда войны. 1941–1945 гг. М., 2013.

Татарская энциклопедия в 5 томах. Казань, 2002.

ЦАМО. Картотека ФЗСП и АЗСП.

Шиманский М. В крепости мы остаемся навсегда. «Республика» от 15 октября 2011 г.

Шнеер А. Плен. Иерусалим, 2005.

Русский характер

«Самое настоящее безумие»

Фельдмаршал Эрих фон Манштейн в своих мемуарах «Утерянные победы», собственно, и не скрывает удивления «методами» ведения войны русскими. Именно так военачальник Гитлера называет сопротивление, которое его войскам оказывали на своей территории советские бойцы и командиры. В частности, фельдмаршал пишет: «Уже в этот первый день (22 июня 1941 года) нам пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, отрезанный врагом, был потом найден нашими войсками, он был вырезан и зверски искалечен. Мой адъютант и я много ездили по районам, в которых еще могли находиться части противника, и мы решили не отдаваться живыми в руки этого противника. Позже часто случалось, что советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат».

Эрих фон Манштейн входил на советскую землю во главе танкового корпуса из Восточной Пруссии. Стояли прекрасные летние дни, и ему, видимо, было невдомек, что русские солдаты, отступая под напором вермахта, будут оказывать сопротивление...

Примечательно, что тем, кто пришел в Советский Союз с мечом, кто пришел туда как германское НАШЕСТВИЕ, не нравились «методы» ведения войны его защитников. Генерал-полковник танковых войск Гейнц Гудериан, переправившийся на штурмовой лодке через Буг в 6 часов 50 минут, также был неприятно удивлен подобными методами русских солдат: «Моя оперативная группа с двумя радиостанциями на бронемашинах, несколькими машинами повышенной проходимости и мотоциклами переправлялась до 8 час. 30 мин. Двигаясь по следам танков 18-й танковой дивизии, я доехал до моста через р. Лесна, овладение которым имело важное значение для дальнейшего продвижения 47-го танкового корпуса, но там, кроме русского поста, я никого не встретил. При моем приближении русские стали разбегаться в разные стороны. Два моих офицера для поручений, вопреки моему указанию, бросились преследовать их, но, к сожалению, были при этом убиты».

Абсолютно ничем не отличается и свидетельство генерала (будущего фельдмаршала) фон Клейста: «Часто случалось, что советские солдаты

поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются нам в плен, а после того, как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат».

«Русские не сдаются, – запишет начальник 4-й армии вермахта генерал Г. Блюментрит. – Взрыв, еще один, с минуту все тихо, а потом они вновь открывают огонь...» И вот еще: «С изумлением мы наблюдали за русскими. Им, похоже, и дела не было до того, что их основные силы разгромлены...»

Очень мало солдатам, офицерам и генералам немецкой армии понадобилось времени, чтобы понять: «Русский солдат предпочитает рукопашную схватку. Его способность не дрогнув выносить лишения вызывает истинное удивление». Ведь им было с кем сравнивать: «Поведение русских войск даже в первых боях находилось в поразительном контрасте с поведением поляков и западных союзников при поражении. Даже в окружении русские продолжали упорные бои. Там, где дорог не было, русские в большинстве случаев оставались недосягаемыми».

Атака пятерки советских бойцов целого немецкого батальона 18-го пехотного полка численностью 800 человек, вообще произвела на врага гнетущее впечатление. Впрочем, впечатлений на Восточном фронте было достаточно.

Например, немецкий артиллерист навсегда запомнил картину первых часов войны: «Во время атаки мы наткнулись на легкий русский танк Т-26, мы тут же щелкнули прямо из 37-миллиметровки. Когда мы стали приближаться, из люка башни высунулся по пояс русский и открыл по нам стрельбу из пистолета. Вскоре выяснилось, что он был без ног, их ему оторвало, когда танк был подбит. И, невзирая на это, он палил по нам из пистолета!»

Фельдмаршал Браухич, потрясенный увиденным в июле 41-го, запишет: «Примерно сотня наших танков, из которых около трети были Т-IV, заняли исходные позиции для нанесения контрудара. С трех сторон мы вели огонь по железным монстрам русских, но все было тщетно...

Эшелонированные по фронту и в глубину русские гиганты подходили все ближе и ближе. Один из них приблизился к нашему танку, безнадежно увязшему в болотистом пруду. Безо всякого колебания черный монстр проехался по танку и вдавил его гусеницами в грязь.

В этот момент прибыла 150-мм гаубица. Пока командир артиллеристов предупреждал о приближении танков противника, орудие открыло огонь, но опять-таки безрезультатно.

Один из советских танков приблизился к гаубице на 100 метров.

Артиллеристы открыли по нему огонь прямой наводкой и добились попадания – все равно что молния ударила. Танк остановился. «Мы подбили его», – облегченно вздохнули артиллеристы. Вдруг кто-то из расчета орудия истошно завопил: «Он опять поехал!» Действительно, танк ожил и начал приближаться к орудию. Еще минута, и блестящие металлом гусеницы танка словно игрушку впечатали гаубицу в землю. Расправившись с орудием, танк продолжил путь как ни в чем не бывало».

Из дневника немецкого солдата:

«6 октября. Чертов элеватор. К нему невозможно подойти. Наши потери превысили 30 %.

10 октября. Откуда берутся эти русские? Элеватора уже нет, но каждый раз, когда мы к нему приближаемся, оттуда раздается огонь из-под земли.

15 октября. Ура, мы преодолели элеватор. От нашего батальона осталось 100 человек. Оказалось, что элеватор обороняли 18 русских, мы нашли 18 трупов».

Свидетельство ефрейтора Губерта Коралла не менее красноречиво: «Они сражались до последнего, даже раненые, и те не подпускали нас к себе. Один русский сержант, безоружный, со страшной раной в плече, бросился на наших с саперной лопаткой, но его тут же пристрелили. Безумие, самое настоящее безумие. Они дрались, как звери, – и погибали десятками».

Наводчик орудия зенитной батареи 199-й отдельной танковой бригады Ю. В. Владимиров попал в плен вечером 24 мая 1942 года. Случилось это в Балаклеевском районе Харьковской области, при выходе из котла. Шедший в колонне военнопленных, он наблюдал следующую картину: «В какой-то деревне мы увидели на окраине группу плачущих женщин. На траве лежал мертвый молодой старшина в гимнастерке с четырьмя темно-красными блестящими треугольниками на красных петлицах. Три женщины рыли могилу. Кто-то из пленных сумел узнать, что этот старшина скрывался у местных жителей, но утром он был обнаружен немцами, отстреливался и покончил с собой, выстрелив себе в сердце».

Кто был этот старшина-герой, к сожалению, мы уже не узнаем никогда. Но то, что это был настоящий русский солдат, мужественный и смелый человек, сомневаться не приходится. Его «метод» также не мог понравиться фашистам, потому что само по себе сопротивление одиночек не предвещало врагу ничего хорошего.

Кто-то из немцев таких русских одиночек называл фанатиками, кто-то – настоящими солдатами, но факт остается фактом: их было много и в 1941 году, и в 1942-м. Благодаря им в первую очередь немецкий блицкриг

забуксовал на российских просторах. План молниеносной войны провалился. Ибо все учли немецкие генералы, кроме только одного – русского характера.

Советский танк-одиночка

Начало войны старший сержант-сверхсрочник Малько встретил заведующим хранилищем автобронетанковых запчастей под Минском. На складе также находились два полностью укомплектованных броневика – БА-10 и БА-20 и поступивший из капитального ремонта танк Т-28. Через несколько дней, утром 27 июня, начальник склада майор Денисковский собрал весь личный состав и отдал приказ об эвакуации склада.

«Весь день мы готовили имущество склада, упаковывали его в ящики, останавливали автомобили, спешившие на восток по шоссе, и загружали наиболее дефицитными запасными частями, резиной, – вспоминал Малько. – Семьи военнослужащих отправляли на санитарных машинах.

Горящий советский танк Т-28. 1941 г.

Я попросил у майора разрешения вывезти танк Т-28.

– Так к нему же нет экипажа, – возразил Денисковский. – Как ты поведешь?

– Один справлюсь. Все-таки более трех лет служил механиком-

водителем. А эта машина хорошая, сильная, жаль оставлять.

Меня поддержал политрук Фещенко. Наконец майор сказал:

– Так и быть, готовь машину! Отвечаешь за нее.

– Есть! – козырнул я и побежал к танку. По пути зашел домой, позвал на помощь жену, и принялись вместе за работу. Натаскали воды, принесли и установили аккумуляторы, взяли три сотни патронов и зарядили пять пулеметных дисков. Пока жена ходила за комбинезоном и танкошлемом, я успел залить горючим и маслом пустые баки, проверил все и вывел машину к воротам склада. А там уже выстроилась колонна машин с имуществом – погрузили все, что можно было взять. Впереди поставили броневики с командованием, замыкающим – мой Т-28».

На марше, на Могилевском шоссе, колонну обнаружил и обстрелял немецкий самолет-разведчик. Пришлось рассредоточиться. А когда все снова стали выезжать на шоссе, отказал мотор танка. Пока сержант устранял неисправность, колонна ушла далеко. Все-таки больше часа он исправлял повреждение в карбюраторе.

Оставшись один, Малько к вечеру подъехал к Березине, где присоединился к располагавшейся в лесу части. По приказанию нового командира ходил в разведку и уничтожал вражеский десант. А когда часть направилась дальше, устроил засаду в кустах возле дороги... Именно там, в роще, возле шоссе, у него произойдет судьбоносная встреча, о которой он будет вспоминать и рассказывать всю оставшуюся жизнь: «Только выбрался из машины, услышал громкий голос:

– Здравствуйте, танкист!

Я оглянулся и увидел перед собой группу военных – майора и четырех молодых парней. Майор попросил у меня документы и, удостоверившись, что я и есть старший сержант сверхсрочной службы Малько, сказал:

– По договоренности с командиром части, пославшим вас сюда, вы отныне вместе с танком поступаете в мое распоряжение.

– Есть! – ответил я.

Майор осмотрел машину, обошел ее со всех сторон, даже постучал по броне и удовлетворенно произнес:

– Ничего себе коробочка. Т-28?

Я подтвердил.

– На такой воевать можно. Сильная машина.

Действительно, Т-28 хотя и являлся средним танком, но имел мощное по тому времени вооружение: пушку и четыре пулемета. Короткоствольная 76-миллиметровая пушка была установлена в центральной башне, пулеметы – в боковых и тыльной. Экипаж – 6 человек. Одним словом, это

была довольно грозная бронированная крепость.

Пока майор рассматривал машину, я пригляделся к его спутникам. Все они были курсантами. Познакомиться мы так и не успели. Майор поставил задачу:

– Возле Минска, в болоте, застряли три наших учебных танка. Необходимо их вытащить. Заводите машину!

Я уселся на свое место, майор с курсантами тоже забрались в танк, и мы двинулись в направлении к Минску. Но, когда подъехали к тому району, где должны были находиться застрявшие танки, обнаружили, что их там нет. Лишь развороченные гусеницами колеи указывали, где стояли машины. Их, видимо, уже вытащили.

Отвели Т-28 в лес, переночевали. Дежурство несли по очереди. Меня сменил в середине ночи курсант с артиллерийскими петлицами. Мне спать не хотелось, и я остался на некоторое время с курсантом. Поговорили с ним, познакомились. Курсант назвался Николаем и рассказал, что перед самым началом войны он прибыл в командировку в Минск. Здесь и застала его война. В штабе, куда он прибыл, его оставили в распоряжении майора, который с группой курсантов готовил к отправке учебные танки. Он тоже не знал своих спутников, потому что дел было много и тут уж не до разговоров.

– А как вы думаете, товарищ старший сержант, – спросил меня Николай, – если утром тут появятся немцы, что мы будем делать?

– Будем драться, – ответил я. – Машина наша надежная, да и командир, видать, толковый. Так что не пропадем.

– А вам не приходилось встречаться с фашистами? – допытывался Николай.

– Приходилось, – сказал я. – Еще несколько лет назад – в тридцать восьмом году в Испании.

– Вы были в Испании? – заинтересовался Николай. – Расскажите!

И я рассказал ему о Барселоне и Бильбао, о боях под Теруэлем и Мадридом, о мужестве испанских патриотов и зверствах мятежников, о Глории и ее маленьком Хуане, повешенных фашистами. Николай слушал, и глаза его горели гневом. Потом Николай Педан рассказал о себе, о своем детстве, учебе в школе, работе в колхозе.

Утром майор с двумя курсантами сходил в разведку, а вернувшись, сказал:

– Кругом немцы. Положение наше тяжелое. Надо пробиваться к своим. Можно попытаться пройти по Могилевскому шоссе. А можно прямо на восток, через Минск.

Так и решили. Ворваться на танке в Минск и ударить по немцам неожиданно, пока не успеют опомниться. Тем самым морально поддержать население, проскочить через весь город к Московскому шоссе, а там присоединиться к своим. И стали они готовиться. Майор только спросил:

– Но где же мы раздобудем боеприпасы?

– В военном городке, где наша танковая бригада стояла, – сказал я.

– Может, что и найдем, – ответил Малько.

Городок встретил нас мертвой тишиной. В здании казармы окна были открыты, возле дверей валялись какие-то тюки, ящики. В длинном здании продсклада двери были сорваны. В нем оказалось много ящиков с консервами и пачками галет.

– Провиант есть! – весело произнес майор.

На складе ГСМ среди многих пустых бочек, валявшихся на полу, стояли три нетронутые. Я потер пальцами около пробок, понюхал и сразу уточнил:

– Две с бензином и одна с маслом. То, что надо!

Нашлись и боеприпасы – 76-миллиметровые снаряды и целая гора цинковых коробок с патронами.

Грузились долго, старались взять снарядов как можно больше. Я несколько раз предупреждал:

– Товарищ майор, больше некуда грузить. Кассеты и ниши заполнены.

– Клади на пол, – говорил майор, продолжая подавать снаряды.

Я принял еще несколько снарядов и снова закричал:

– Хватит! Под завязку...

– Ладно, – согласился майор. – Теперь за патроны. Начали загружать все свободные места цинками с патронами, набивать ими пулеметные диски. Всего погрузили более шестидесяти снарядов и около семи тысяч патронов. На обратном пути завернули на продовольственный склад и взяли, сколько смогли уложить, консервов и галет.

Отдохнув немного в лесу, мы выехали на Могилевское шоссе и взяли курс на Минск.

Стоял жаркий полдень 3 июля 1941 года...»

По безлюдному шоссе сержант-сверхсрочник вел Т-28, крепко сжав руками рычаги. Майор вместе с одним курсантом находился в центральной башне. Николай Педан – в правой башне, у пулемета. Широкоплечий курсант – в левой башне. И еще один курсант – у тыльного пулемета.

Вот и окраина Минска. На большой скорости машина врывается в город: «Проехали железнодорожный переезд, пути трамвайного кольца и оказались на улице Ворошилова. Здесь было много предприятий, но все их

корпуса стояли теперь полуразрушенными, с темными проемами дверей и окон. Потом наша машина поравнялась с длинным темно-красным зданием ликеро-водочного завода. Вот здесь мы и увидели первых фашистов. Их было десятка два. Немецкие солдаты грузили в машину ящики с бутылками и не обратили никакого внимания на внезапно появившийся одинокий танк.

Когда до сгрудившихся у грузовика немцев осталось метров пятьдесят, заработала правая башня танка. Николай ударил по фашистам из пулемета. Я видел в смотровую щель, как гитлеровцы падали у автомашины. Некоторые пытались было вскарабкаться на высокую арку ворот и спрятаться во дворе, но это не удалось. Буквально за несколько минут с группой фашистов было покончено. Я направил танк на грузовик и раздавил его вместе с ящиками водки и вина.

Затем мы переехали по деревянному мостику через Свислочь и свернули направо, на Гарбарную, ныне Ульяновскую, улицу. Миновали рынок (там теперь находится стадион), и вдруг из-за угла улицы Ленина навстречу выскочила колонна мотоциклистов. Фашисты двигались как на параде – ровными рядами, у тех, кто за рулем, локти широко расставлены, на лицах – наглая уверенность.

Майор не сразу дал команду на открытие огня. Но вот я почувствовал его руку на левом плече – и бросил танк влево. Первые ряды мотоциклистов врезались в лобовую броню танка, и машина раздавила их. Следовавшие за ними повернули вправо, и тут же я получил новый сигнал от майора и повернул танк направо. Свернувших мотоциклистов постигла та же участь. Я видел в смотровое отверстие перекошенные от ужаса лица гитлеровцев. Лишь на мгновение появлялись они перед моим взором и тут же исчезали под корпусом танка. Те из мотоциклистов, которые шли в середине и хвосте колонны, пытались развернуться назад, но их настигали пулеметные очереди из танка.

За считанные минуты колонна оказалась полностью разгромленной. Пулеметы смолкли, я вывел танк на середину улицы и тут снова ощутил поглаживание руки майора – он благодарил за умелые маневры при разгроме вражеской колонны.

Начался крутой подъем на улице Энгельса. Дома горели, стлался вокруг дым пожарами. Поравнялись со сквером у театра имени Янки Купалы и обстреляли группу фашистов, скопившихся там. Ведя на ходу огонь, мы вырвались наконец на центральную – Советскую – улицу. Повернув направо, я повел танк вперед по узкой улице, изрытой воронками, усыпанной обломками зданий и битым кирпичом.

Когда спустились вниз, возле окружного Дома Красной армии я

получил команду от майора повернуть направо. Свернул на Пролетарскую улицу, которая теперь носит имя Янки Купалы, и вынужден был остановиться. Вся улица оказалась забитой вражеской техникой: вдоль нее стояли машины с оружием и боеприпасами, автоцистерны. Слева, у реки, громоздились какие-то ящики, полевые кухни, в Свислочи купались солдаты. А за рекой, в парке Горького, укрылись под деревьями танки и самоходки.

Т-28 открыл по врагу огонь из всех своих средств. Майор прильнул к прицелу пушки, посылал в скопления машин снаряд за снарядом, а курсанты расстреливали противника из пулеметов. На меня дождем сыпались горячие гильзы, они скатывались мне на спину и жгли тело. Я видел в смотровую щель, как вспыхивали словно факелы вражеские машины, как взрывались автоцистерны и тонкими змейками сбегали с откоса в реку пылающие ручейки бензина. Пламя охватило не только колонну машин, но и соседние дома, перекинулось через Свислочь на деревья парка.

Фашисты обезумели. Они бегали по берегу реки, прятались за деревья, за развалины зданий. Я заметил, как какой-то спятивший от страха гитлеровец пытался влезть в канализационный колодец. Другой втиснулся в сломанную водозаборную решетку и тоже получил пулю. Всюду врагов настигал огонь нашего танка. Пулеметные очереди косили гитлеровцев, не давая им возможности опомниться, прийти в себя, сея панику.

Почти вся вражеская колонна, запрудившая Пролетарскую улицу, была разметана, будто по ней прошелся смерч. Всюду валялись горящие обломки машин, развороченные автоцистерны. И трупы, трупы фашистских солдат и офицеров.

Майор дал команду развернуться. Я снова выехал на Советскую улицу и повернул вправо. Проехали мост через Свислочь, мимо электростанции. Здесь справа, в парке имени Горького, заметили новое скопление противника. Под густыми кронами деревьев стояли десятка два автомашин, несколько танков и самоходов. Возле них толпились гитлеровцы. Они тревожно задирали вверх головы, ожидая налета советских самолетов: со стороны Пролетарской улицы все еще доносились глухие взрывы рвущихся боеприпасов, что можно было принять за бомбежку. Но опасность подстерегала фашистов не с неба, а с земли. Так же как и на Пролетарской, первой заговорила пушка нашего танка, вслед за ней ударили пулеметы центральной и правой башен. И снова, как уже было, начали рваться боеприпасы, вспыхнула факелом бензоцистерна, и густой дым окутал черным шлейфом аллеи старого парка.

- Осталось шесть снарядов! – крикнул заряжающий.
- Прекратить огонь, полный вперед! – скомандовал майор.

Я включил четвертую передачу, и танк понесся по улице. Проехали Круглую площадь, преодолели подъем. Поравнялись с Долгобродской. Укрытые броней, мы не могли видеть, как за действиями нашего танка наблюдали горожане. Но мы сердцем чувствовали, что рейд много значит для попавших в неволю советских людей. И все же я замечал в смотровое отверстие, как кое-где из развалин высовывались наши советские люди, они улыбались и махали нам руками. Танк поднялся на гребень улицы, и я увидел впереди Комаровку – деревянные домики, рынок, развилку дорог. Обрадовался: ведь от Комаровки всего два-три километра до городской окраины. Будет улица Пушкина, а там и Московское шоссе. Мелькнула мысль: «Может, удастся прорваться?»

Но не удалось! В районе старого кладбища я скосил глаза в сторону и в тот же миг заметил у чугунной ограды вспышку выстрела. Вслед за ней почти у самого борта машины плеснулся взрыв. Комья земли, щебень и осколки дождем осыпали машину.

«Противотанковое орудие, – определил я по выстрелу. – Очухались фашисты, поняли, что мы одни, и теперь бьют почти в упор, по борту... Сколько их там?»

По вспышкам определил: до батареи. Фашисты стреляли прицельно. Очередной снаряд ударил в башню, но срикошетил. В этот момент я почувствовал, что майор дергает меня за воротник – просит прибавить газу. Однако прибавлять больше было нельзя. Танк и без того шел на предельной скорости. Я старался выжать из машины все, на что она была способна. Отчаянно маневрируя, в кольце разрывов Т-28 мчался вперед и, казалось, был заговоренным. Я понимал, что необходимо проскочить кладбище, а там дома помешают артиллеристам вести огонь прямой наводкой.

Мы приближались к Комаровке, и впереди уже видна была спасительная развилка дорог. Еще минута-другая... И в это мгновение невероятной силы удар потряс танк. Машина наполнилась дымом и смрадом. Кто-то отчаянно вскрикнул, кто-то зло выругался. Я понял, что случилось: снаряд попал в моторное отделение, пробил кормовую плиту и вызвал пожар. Однако танк, даже объятый пламенем и дымом, продолжал двигаться, пока новый удар не заставил его остановиться окончательно.

Перед глазами у меня поплыли разноцветные круги, уши заложило, а по лицу потекла кровь: осколок снаряда скользнул по голове.

- Покинуть машину! – приказал майор».

А дальше, как в замедленном кинофильме. Майор свой последний бой

принял на Комаровской развилке Минска, отстреливаясь из нагана до последнего патрона. Он погиб как герой. После боя местная жительница Любовь Киреева похоронила его и одного из курсантов. Второй курсант либо сгорел в танке, либо был убит, пытаюсь выбраться из него. Заряжающий курсант Федор Наумов был укрыт местными жителями, ушел в лес, воевал в партизанском отряде, в 1943 году был ранен и вывезен из оккупированной Белоруссии в тыл. Курсант Николай Педан оказался в плену и всю войну провел в концлагере. Малько, раненный осколком в голову, выбрался через передний люк, перемахнул через забор и бросился в сад. В доме какая-то старушка перевязала сержанта и с наступлением темноты проводила дальше. К своим он вышел в районе Рославля.

Примечательно, что во время героического рейда танка-одиночки по Минску его экипаж уничтожил и вывел из строя около 10 танков и бронемашин противника, 14 грузовиков, 3 артиллерийские батареи. Потери же в живой силе противника составили порядка 360 офицеров и солдат.

С. М. Исаченко довелось встретиться и побеседовать с Д. И. Малько спустя годы после войны. Дмитрий Иванович «участвовал в боях под Москвой, Харьковом, освобождал Минск, воевал на польской земле и встретил победу в поверженном Кенигсберге. Закончил войну гвардии старшим лейтенантом, заместителем командира роты по техчасти...

Именной танк Т-28 «Сталин» направляется на Красную площадь для участия в параде

Фамилий товарищей по экипажу Малько не знал. Помнил, что курсанты были якобы из минского пехотного училища – упоминали они училище в разговорах, но как их фамилии, не спросил тогда. Не узнал он имени и фамилии майора, взявшего на себя командование одинокой машиной и принявшего дерзкое решение – прорываться через занятый врагом город...

В разговоре Дмитрий Иванович высказал предположение, что глава их экипажа был не строевым командиром, а, скорее всего, политработником, хотя курсанты и называли его «товарищ майор». Малько слышал, как тот несколько раз упоминал политотдел 3-й армии, которая отходила от границы. К тому же и знаки различия у него – два прямоугольника на петлицах – могли означать «батальонный комиссар».

У Малько осталась обгоревшая топографическая карта, врученная ему майором перед рейдом в Минск».

Подбитый Т-28 простоял в столице Белоруссии всю немецкую оккупацию, напоминая о подвиге русского солдата. Фамилия майора была идентифицирована как Васечкин. У двух же погибших курсантов остались только имена: Сергей и Александр. Вечная им память!

«Битвами испытанный»

Сегодня уже не каждый вспомнит «Рассказы Ивана Сударева», написанные Алексеем Толстым. Это семь коротких историй, объединенных одной темой, одной идеей и одним рассказчиком. Так вот, буквально в каждом рассказе есть рассуждение о русском характере, который проявляется особенно ярко в критические моменты истории. Алексей Толстой предельно точен, когда пишет: «Русский человек – хитро задуманный человек, и не плоскому немецкому ограниченному уму тягаться с трезвым, вдохновенным, не знающим часто даже краев возможностей своих, острым русским умом».

Рассказ «Русский характер» завершает цикл «Рассказы Ивана Сударева» и, собственно, подводит итог рассуждениям о русском человеке: «На войне, вертясь постоянно около смерти, люди делаются лучше, всякая чепуха с них слезает, как нездоровая кожа после солнечного ожога, и остается в человеке – ядро. Разумеется, у одного оно покрепче, у другого послабже, но и те, у кого ядро с изъяном, тянутся, каждому хочется быть хорошим и верным товарищем». По А. Толстому, красота русского характера проявляется прежде всего не во внешней привлекательности, а в душевной глубине. Поэтому в этом рассказе главное – не описание военных событий самих по себе, а создание образа героя войны. Не героя как такового, а человека со всеми присущими русскому характеру качествами. «Да, вот они, русские характеры! – восклицает великий писатель. – Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или малом, и поднимется в нем великая сила – человеческая красота».

Такая сила не однажды поднималась и в этом человеке, о котором должны знать все русские люди...

В июле 1941 года в Москве формировались дивизии народного ополчения. Среди добровольцев были рабочие, инженеры и техники таких предприятий, как «Станколит», «Борец», Комбинат твердых сплавов, студенты и преподаватели Московского института инженеров железнодорожного транспорта и других учебных заведений. Принимали добровольцев в возрасте от 18 до 55 лет. Однако бывали и исключения. Так, бывший комиссар Дзержинского района Москвы М. Н. Сбитнев напишет: «Особенно запомнился день, когда на пункт формирования дивизии народного ополчения Дзержинского района пришел 64-летний Федор Михайлович Орлов. Участник Русско-японской, Первой мировой и

Гражданской войны, унтер-офицер старой армии, Ф. М. Орлов перешел на сторону победившего пролетариата в первые дни Октябрьской революции. В Петрограде он стал одним из командиров Красной гвардии. Был направлен на Северный Кавказ для организации красногвардейских и партизанских отрядов. Вместе с ним выехала его жена Мария Иосифовна с четырьмя маленькими детьми; старшему из них, Володе, тогда исполнилось 9 лет. Так вся семья вступила на нелегкий военный путь.

Ф. М. Орлов во время Гражданской войны командовал частями и соединениями. За боевые отличия и подвиги он неоднократно награждался ценными подарками, в числе их золотым именованным портсигаром. В 1920 году Орлов награжден первым орденом Красного Знамени. Он был соратником М. В. Фрунзе в боях против Врангеля. После разгрома «черного барона» в декабре 1920 года М. В. Фрунзе назначается командующим войсками Украины и Крыма, а Ф. М. Орлов – его заместителем. Позднее он находился на других командных постах. Затем Ф. М. Орлов по состоянию здоровья уволился из армии. Сказались 24 ранения и контузии, полученные им на полях сражений.

По возрасту Федор Михайлович не подходил даже в ополчение, но он просил, настаивал, требовал, и его просьбу пришлось удовлетворить».

Еще 22 июня 1941 года, в день начала войны, Федор Михайлович писал В. М. Молотову и маршалу С. К. Тимошенко: «Я как патриот своей Родины еще раз прошу удовлетворить просьбу. Ибо я буду нервничать и болеть, что не смогу отдать свою кровь и жизнь на разгром вероломных фашистских врагов нашей необъятной Родины». И только после долгих и настойчивых просьб Федора Михайловича взяли в 6-ю дивизию народного ополчения, где назначили командиром роты.

8 июля 1941 года ополченцы формируемой дивизии получали обмундирование, стриглись, мылись в бане. 9-го командир 6-й ДНО полковник Шундеев произвел смотр всех частей и подразделений. 10-го вновь испеченным бойцам и командирам выдали оружие и боеприпасы. А 11 июля ополченцы отправились на фронт. Ночью им подали автобусы, на которых с остановками по команде «Воздух!» довели до Дорогобужа, где наконец-то высадили на ночевку. Дальше путь на фронт продолжался пешим маршем...

23 июля 6-ю дивизию народного ополчения на Смоленщине встретил фронтовой корреспондент, писатель К. Симонов: «В следующей деревне мы встретили части одной из московских ополченческих дивизий, кажется, шестой. Помню, что они тогда произвели на меня тяжелое впечатление. Впоследствии я понял, что эти скороспелые июльские дивизии были в те

дни брошены на затычку, чтобы бросить сюда хоть что-нибудь и этой ценой сохранить и не растряссти по частям тот фронт резервных армий, который в ожидании следующего удара готовился восточнее, ближе к Москве, – и в этом был свой расчет. Но тогда у меня было тяжелое чувство. Думал: неужели у нас нет никаких других резервов, кроме вот этих ополченцев, кое-как одетых и почти небооруженных? Одна винтовка на двоих и один пулемет. Это были по большей части немолодые люди по сорок, по пятьдесят лет. Они шли без обозов, без нормального полкового и дивизионного тыла – в общем, почти что голые люди на голой земле. Обмундирование – гимнастерки третьего срока, причем часть этих гимнастерок была какая-то синяя, крашенная. Командиры их были тоже немолодые люди, запасники, уже давно не служившие в кадрах. Всех их надо было еще учить, формировать, приводить в воинский вид.

Потом я был очень удивлен, когда узнал, что эта ополченческая дивизия буквально через два дня была брошена на помощь 100-й и участвовала в боях под Ельней».

Всего несколько дней спустя, 26 июля 1941 года, командующий 24-й армией передислоцировал 6-ю ДНО на правый берег реки Ужа для прикрытия магистрали Москва – Минск и Старой Смоленской дороги.

В книге «Московская битва в хронике фактов и событий» показан ежедневный ход боевых действий на московском направлении с первого дня войны. Есть там и про 6-ю ДНО и Федора Михайловича Орлова.

15 августа дивизия, совершив марш из района Дорогобужа, заняла позиции севернее Ельни в составе 24-й армии. Противник превратил этот город в неприступную крепость. Но в ходе удара армия прорвала оборону противника и обошла Ельню с севера и юга. Однако продолжить наступление не получилось, так как не хватало свежих пополнений.

Днем «16 августа на участке 120-й стрелковой дивизии была введена в действие наиболее боеспособная пятая рота 6-й ДНО. Командовал ротой командарм 2-го ранга запаса Орлов. Задача роты была – выбить противника из деревни Алексеевка Коробецкого сельсовета. Боевую задачу рота выполнила, деревню Алексеевка освободила, однако в роте осталось лишь пять человек, в их числе и Орлов. Когда немцы пошли в контратаку, на помощь роте пришло другое подразделение».

После этого боя Орлова назначили командиром батальона. И новый комбат проявил себя снова: «6-я ДНО, действуя в составе фронтового резерва, участвовала в наступлении на г. Ельню с юго-запада. В ночь на 3 сентября сторожевые посты разведбатальона 6-й ДНО обнаружили высадку немецкого десанта в районе деревень Еремино, Серебрянка и подняли

тревогу. Командир батальона Ф. М. Орлов ввел в бой взвод пулеметных тачанок и взвод танкеток. Через час бой закончился победой ополченцев. Больше 100 убитых парашютистов осталось на поляне, в штаб дивизии отправлено свыше десятка пленных.

Разведбатальон захватил трофеи: автоматическое оружие, две радиостанции, минометы и другое вооружение».

6 сентября войска 24-й армии Резервного фронта освободили Ельню. 19-го 6-я ополченческая дивизия заняла рубежи на переднем крае полосы обороны армии. А 26-го на основании директивы НКО СССР ее переименовали в 160-ю стрелковую дивизию. Но радость оказалась короткой...

До сих пор неясно, почему Ставка Верховного главнокомандования не смогла разгадать замысла противника на московском направлении. Только по этой причине районы сосредоточения основных усилий фронтов оказались в стороне от направлений главных ударов группы армий «Центр». Что же касается Резервного фронта, то Ставка вообще не обратила на него пристального внимания и не поставила его войскам задачу перейти к жесткой обороне. А 2 октября 1941 года в 5 часов по московскому времени главные силы немцев после короткой, но мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление. Уже на следующий день глубина прорыва немцев достигала 50–200 км. С каждым часом тучи над советскими фронтами сгущались, ибо их оборона была буквально разбита. Только вечером 3 октября начальник Генштаба Красной армии разрешил войскам Западного фронта отходить. Одновременно было принято решение и об отводе в ночь на 6 октября войск Резервного и Брянского фронтов. Началось фатальное отступление в полном окружении, когда обороняться было уже невозможно. При этом сверху бомбили и обстреливали самолеты, а вокруг были слышны уверенные немецкие голоса.

Что же касается 160-й (6-й ДНО) стрелковой дивизии, то, когда немцы со 2 по 5 октября перешли в наступление и фланговым ударом отрезали боевой состав соединения от тыла, части ополченцев были вынуждены разделиться на группы, в результате чего дивизия как боевая единица перестала существовать. Командир 160-й дивизии полковник Шундеев погиб в бою 6 октября. Погиб героически. Он лично водил в атаку своих бойцов... И в эти же дни (6–7) немцы взяли Вязьму, завершив окружение советских войск. Из 12 июльских дивизий московского ополчения 9 погибли на Смоленщине. От 6-й ДНО после выхода из окружения 13 октября 41-го осталось чуть больше тысячи человек. А ведь еще в конце

августа она насчитывала около десяти.

160-я дивизия была переформирована все в том же октябре 41-го в районе станции Гжель Раменского района. Часть командного состава в количестве 68 человек составила ее костяк. Командиром дивизии был назначен Василий Федорович Орлов, вынесший из окружения ее боевое знамя.

В январе 1942 года 160-я стрелковая дивизия походным порядком совершила марш из района формирования через Москву и к исходу 8-го сосредоточилась в районе Наро-Фоминска. Части дивизии, находясь во втором эшелоне армии, заняли оборону на окраине города, в Ново-Федоровке и Бекасове. По свидетельству начальника штаба 2-го батальона В. И. Струнина, «Ф. М. Орлов получил приказ подтянуть как можно быстрее тылы и быть готовым к наступательным боям в ближайшие дни. Самым сложным для командования было решение проблемы повышения боевой мощи частей и подразделений. Дивизия прибыла, имея неполный личный состав, некомплект вооружения и боеприпасов. Стрелковые полки из-за малочисленности имели структуру двухбатальонного состава. 973-й артиллерийский полк имел на вооружении всего 12 орудий. Отдельный зенитный дивизион – четыре 25-мм пушки. Отдельный минометный дивизион матчасти не имел совсем. К тому же, только что прибыв, 1295-й и 1297-й стрелковые полки передали по 175 красноармейцев в 222-ю стрелковую дивизию армии».

С утра 10 января 1942 года 160-я стрелковая дивизия вступила в бой западнее реки Нара. «Командир дивизии Ф. М. Орлов с присущей ему энергией дал указание перейти немедленно к активным действиям, – подчеркивает Струнин. – 1293-му полку, минометному дивизиону, ротам моторазведывательной и мотоциклетной было приказано организовать подвижные разведывательные группы и отряды для проникновения в тыл противника и уничтожения засад, групп и небольших гарнизонов, оставленных в ближайших селениях.

Организованные отряды в течение 15–16 января освободили селения Аграфенино, Маломахово, Рыжкове, Ефаново, Секирино. Как и ожидалось, противник, боясь окружения, начал 16 января отвод своих основных сил с участка против фронта дивизии, оставив в селениях Устье, Татищево, Коровино крупные заслоны, прикрывая их минометно-артиллерийским огнем. Командир дивизии создал оперативный отряд лыжников, усиленный станковыми пулеметами, во главе с командиром моторазведроты старшим лейтенантом И. П. Матрыченко, отряд с утра 16 января направился в район Верховье и Ахматово...

Получив данные, что немцы начали поджигать деревни Коровино, Алферово, командир дивизии Ф. М. Орлов приказал 1293-му полку перейти в наступление на Татищево и Устье. Внезапная атака сбила противника с рубежа реки Исьма, были освобождены Татищево, Спас-Косицы, Устье, Старые Глинки».

При взятии Старых Глинок и Устья от разведки поступило донесение, что все жители окрестных деревень (старики, женщины и дети) согнаны немцами в Спас-Косицкую церковь, где их заперли и заминировали. Около церкви фашисты установили засаду: более 30 солдат с автоматами и пулеметами. Обреченные на смерть без пищи и воды находились там пятый день. С них сняли теплую одежду и обувь. И это при том, что стояли 20-градусные морозы, а здание не отапливалось.

Для спасения мирного населения командир дивизии немедленно ночью бросает на Спас-Косицы лыжный отряд автоматчиков, которому удалось незаметно подобраться к засаде и всю ее уничтожить.

«После уничтожения остатков немцев в населенных пунктах Устье, Татищево и Старые Глинки, где все дома были сожжены, дивизия прошла через также сожженные Коровино, Алферово и Тимофеево без боя, – напишет комиссар 1295-го стрелкового полка Перечников. – Ее авангард вышел к деревне Пафнутовка, где был обстрелян артиллерийским, пулеметным огнем и выстрелами из двух танков. Тов. Орлов велел не губить людей, а оттянуть наши позиции за высоту 200,6, в лес. А затем вызвал к себе начальника артиллерии дивизии майора Климовича и приказал ему с солдатами, местным населением и транспортными службами расчистить узкую дорогу через поля и лесную просеку от Алферова до Тимофеева на расстояние в 7 километров. С помощью транспортных лошадей и местного населения (ограбленного и оставленного под открытым небом) бойцы дивизии расчистили трассу и ночью перебросили в дер. Тимофеево 14 орудий дивизии на расстояние прямой наводки. Тов. Орлов, не дожидаясь результатов рейда автоматчиков на с. Спас-Косицы, сам на санях выехал на позиции с охраной в 5 человек конных разведчиков, вместе с комиссаром полка ст. батальонным комиссаром А. В. Залевским... Военком дивизии полковой комиссар Н. Д. Зенюхин и А. В. Залевский уговаривали тов. Орлова не рисковать и не ехать на самые передовые позиции, но Ф. М. Орлов везде поспевал и часто бывал в первых рядах бойцов, чем показывал пример и воодушевлял подчиненных, любивших его как родного отца. После возвращения из поездки тов. Орлов получил приказ от командарма генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова взять к утру 19 января укрепленный узел Кузьминское –

Афанасьево – Пафнутовка. На что комдив Орлов ответил, что он будет взят не позднее 22.00 18 января, будет взята и Верея.

В селениях Васильево, Кузьминское, Афанасьево и Пафнутовка немцы создали сильно укрепленный узел с устройством дотов, блиндажей. Система дерево-земляных огневых точек была построена в два ряда, в шахматном порядке, с расчетом на фронтальный и косоприцельный удар. Немцы называли этот укрепленный узел «наш маленький Верден». Враг не ожидал, что большевики смогут подойти к укреплениям так близко. И вот в сумерках в 18.00 18 января 1942 г. из всех наших орудий прямой наводкой по позициям врага был открыт ураганный огонь, а в 20.10 пехота уже ворвалась во вражеские позиции. Наши потери составили 6 убитых и 72 раненых. Враг оставил танки, много минометов, орудий и другого имущества. Немцы настолько растерялись, что не смогли организовать ответный огонь. После нашего обстрела они в панике стали взрывать свои боеприпасы, поджигать строения, бросать в огонь оружие, трупы и даже своих раненых, а затем обратились в бегство. По дороге к Верее они вновь попали под перекрестный огонь частей 113-й и 222-й СД. Около 4 тысяч убитых оставил враг в этом укрепленном узле и на прилегающих полях и дорогах. Немногие успели войти в город, а на их плечах в Верею вошла Красная армия, и к утру 19 января город был освобожден. В эту же ночь пал и Можайск».

После Вереи началось наступление на Вязьму...

В конце 1941-го поэт А. Сурков посвятил 160-й стрелковой дивизии стихотворение, в котором есть такие строки:

Битвами испытанный,
Отважен и суров
Водил полки на подвиги
Седой комдив Орлов...

Впоследствии к этим стихам была написана музыка. Именно так появилась песня «Дзержинцы-москвичи», посвященная ополченцам Дзержинского района Москвы. Однако с родной дивизией Орлову все же пришлось расстаться...

Об этом можно узнать из докладной записки командира 160-й стрелковой дивизии, которую он написал 19 февраля 1942 года командующему войсками 33-й армии генерал-лейтенанту Ефремову из госпиталя: «...2. Что же касается моего ранения, то я докладываю Вам, что

нахожусь на пути выздоровления и надеюсь в скором времени прибыть опять в Ваше распоряжение и под Вашим руководством уничтожать фашистскую мразь.

При моем ранении был ранен ряд штабных работников, в том числе был ранен ст. батальонный комиссар – нач. политотдела 160 СД тов. КУРДЕНКОВ Д. П. Первую операцию, как мне, так и тов. КУРДЕНКОВУ Д. П., произвел 432-й медсанбат 133-й СД. После операции через 2 часа поднялась у обоих высокая температура, поэтому встал вопрос о скорейшем отправлении нас в тыловой госпиталь. Самолета подать для перевозки не удалось вследствие сильных воздушных налетов неприятеля, а на машине вывезти тоже было опасно, т. к. деревня Зубово сильно обстреливалась минометным огнем со стороны неприятеля.

3. Дождавшись ночи, меня и тов. КУРДЕНКОВА на 2 машинах вывезли в г. Боровск, где в летучем лазарете Зап. фронта была оказана нам медпомощь с переливанием крови и уколов, вследствие потери пульсов. В Москве в Лефортовском коммунистическом госпитале была срочно произведена операция, в которой выяснилось, что как у тов. КУРДЕНКОВА, и у меня от газовой инфекции получилось заражение крови. Предварительно вновь было произведено переливание крови и введена несколько раз гангрёзная сыворотка. Во время операции вследствие появления газовых пятен рука была сильно вздута, ввиду чего руку разрезали в нескольких частях, чем медицина под руководством профессора – хирурга Зап. фронта тов. БАНАЙТИСА спасла мою жизнь, а тов. КУРДЕНКОВ вечером со мной не дал согласия на ампутацию ноги, лишь только дал согласие утром, когда уже газовые пятна появились в полости живота; и хотя была сделана ампутация ноги, но жизнь спасти было трудно. О смерти тов. КУРДЕНКОВА я узнал лишь 8/ II – в тот день, когда у меня исчезли газовые пятна, т. е. от меня его смерть скрывали».

В своей докладной командующему Федор Михайлович, как всегда, думает не о себе. Он особо подчеркивает заслуги погибших военкома 160-й стрелковой дивизии полкового комиссара Зенюхова, командира стрелкового полка полковника Оглоблина и умершего начальника политотдела дивизии батальонного комиссара Курденкова. В частности он пишет: «Прошу Вас, товарищ генерал-лейтенант, представить посмертно тов. ЗЕНЮХОВА и КУРДЕНКОВА к высшей правительственной награде, как стойких политических руководителей 160-й СД, преданных партии Ленина – Сталина, преждевременно погибших на славном боевом посту за нашу родину и за нашу партию Ленина – Сталина.

Помимо того, еще прошу представить посмертно к правительственной

награде тов. ОГЛОБЛИНА.

К тому же прошу Вашего разрешения перевезти тела убитых ЗЕНЮХОВА и ОГЛОБЛИНА для погребения в Москве или же погребение их по указанию жен.

Одновременно еще прошу войти с ходатайством перед командующим войсками Западного фронта генералом армии тов. ЖУКОВЫМ о выдаче семьям убитых т.т. ЗЕНЮХОВА, КУРДЕНКОВА и ОГЛОБЛИНА единовременное пособие с назначением их семьям персональных пенсий.

Оплакивая безграничную утрату для 160-й СД, я клянусь Вам, что я еще смелее и настойчивее буду мстить врагу за пролитую кровь моих друзей и товарищей.

Тов. Тов. ЗЕНЮХОВ, КУРДЕНКОВ и ОГЛОБЛИН находились в рядах нашей славной, родной Красной армии с первых дней войны против проклятого фашизма.

Семья тов. ЗЕНЮХОВА состоит из жены, 2 малолетних мальчиков и престарелой матери, проживающих в г. Ворошиловске (быв. Ставрополь).

Семья тов. КУРДЕНКОВА состоит из жены, малолетней дочери и престарелой матери, проживающих в г. Омске.

Семья тов. ОГЛОБЛИНА состоит из жены, 3 малолетних дочерей и престарелой матери, проживающих в небольшом городе Куйбышеве Новосибирской области».

В заключение своего письма командир 160-й стрелковой дивизии весьма искренне заверяет командующего: «...пока будет биться в моей груди сердце, я буду с презрением к смерти самоотверженно защищать нашу славную родину и нашу партию Ленина – Сталина и уничтожать фашистских врагов до победного конца, при этом буду рад и безгранично счастлив, когда я смогу дать Вам телеграмму после разгрома проклятой фашистской мрази первым из Берлина».

К сожалению, Федору Михайловичу такую телеграмму дать не довелось. 19 апреля 1942 г. в бою командарм М. Г. Ефремов был тяжело ранен, получив три ранения. В критической обстановке, чтобы не попасть в плен, он застрелил свою жену-мединструктора и себя.

Сам Ф. М. Орлов в первый год Великой Отечественной войны был трижды ранен и дважды контужен. А ведь ему в 42-м было уже 64 года. Тяжелое ранение, полученное на Вяземском направлении в самом конце января, стало 25-м в его военной карьере. Случилось это в районе населенного пункта Гриенки Калужской области в результате налета немецкой авиации. Только поэтому боевой путь Орлова был прерван.

В августе 42-го полковник Орлов, хотя кадры 33-й армии и

ходатайствовали о присвоении ему звания генерал-майора, вернулся в строй. Но только теперь ему позволили служить на тыловых должностях. Тогда же он узнает и о судьбе родной дивизии.

16 марта 1942 года из района Кобелево вышли к своим две группы одного из полков соединения численностью 228 человек, а 18 апреля 19 км южнее Захарова – группа из 17 человек во главе с начальником артиллерийского снабжения 160-й дивизии майором Третьяковым.

20 апреля в полосе 43-й армии вышли еще три человека, а позже командир дивизии полковник Якимов вывел еще 450 человек. 31 августа 1944 года приказом Верховного главнокомандующего И. Сталина 160-й стрелковой Краснознаменной дивизии было присвоено наименование «Брестская».

В 1945-м она будет брать Берлин.

Своим первым боевым орденом Красного Знамени Федор Михайлович Орлов был награжден за взятие Перекопа в должности помощника командующего Запасной Украинской армией (приказ Реввоенсовета республики № 524, 1920 года).

Вторым орденом Красного Знамени Ф. М. Орлова наградили за успешную ликвидацию укреплений противника и освобождение г. Вереи по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 марта 1942 года.

В июле 43-го 65-летнего Федора Михайловича Орлова, как бывшего командира 160-й стрелковой дивизии, к ордену Отечественной войны 2-й степени представит командующий 33-й армией генерал-лейтенант В. Гордов: «Полковник ОРЛОВ Ф. М. с первых дней Отечественной войны вступил в ряды народного ополчения и принимал активное участие в формировании 6-й ополченческой дивизии, преобразованной впоследствии в 160-ю стрелковую дивизию.

С октября 1941 года по 26 января 1942 года, будучи командиром 160-й стрелковой дивизии, участвовал в боях по разгрому немцев под Москвой. В январе 1942 года тов. ОРЛОВ осуществил ряд успешных операций по уничтожению вражеских опорных пунктов под городом Верея. В этих боях 160-й стрелковой дивизией было освобождено 22 населенных пункта, и противник понес крупные потери в живой силе и технике.

В дальнейшем, развивая наступление, в январе 1942 года дивизией было захвачено еще несколько населенных пунктов.

При прорыве вражеской обороны в районе дер. Износки Смоленской области тов. ОРЛОВ был тяжело контужен.

Полковник ОРЛОВ Ф. М. достоин награждения орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ВТОРОЙ СТЕПЕНИ».

В судьбе Федора Михайловича было много потрясений, но всякий раз он находил в себе те самые неведомые силы, чтобы выстоять, и продолжал жить. Его русский характер, по сути, не имеет аналогов. Такие люди рождаются один раз в сто лет, как рождаются люди великие...

С 1920 по 1921 год Орлов был командующим Харьковским военным округом. С 3 декабря 20-го этот округ вошел в подчинение командующего всеми вооруженными силами Украины и Крыма. В мае 21-го в состав округа вошли территории Николаевской и Одесской губерний. Войска округа привлекались для борьбы с бандитизмом на Украине. К слову сказать, именно с Орлова должность окружного военного комиссара (до этого) стала именоваться – командующий.

В 20-е годы большая семья Орловых переехала в Ленинград. Тогда стоял вопрос о зачислении Федора Михайловича в военную академию. Однако в самый ответственный момент сказались 18 ранений и 3 контузии. Орлова парализовало, и с 1924 года он был прикован к постели. Никаких надежд на выздоровление не было. Тогда его жене, кстати сказать, раненой в годы Гражданской войны дважды, пришлось идти простой чернорабочей на Финляндский вокзал. Кроме больного мужа ей нужно было поднимать четверых детей. Мечтая всех их выучить, Мария Иосифовна буквально самоотверженно боролась за жизнь своего супруга. Она заставила его поверить в себя и сделать первый шаг. И случилось невозможное... Чудо... Через семь лет Федор Михайлович встал на ноги. Тогда же Орлов снова стал проситься на службу и получил назначение заместителем начальника особого конструкторского отдела военно-технической пропаганды РККА.

В 1935-м Федора Михайловича свалила очередная болезнь – инсульт. И еще целых три года он был прикован к постели. В 1938 году командарма 2-го ранга запаса Ф. М. Орлова по болезни уволили из Красной армии (с 1924 по 1931 год находился в резерве РККА). Теперь он трудился заместителем начальника 7-го отдела завода № 1 Главного артиллерийского управления РККА.

Неудивительно, что у такого человека была и соответствующая семья. Она действительно идеальный пример великого патриотизма, идеальный пример служению своему Отечеству, идеальный пример беззаветной преданности своей Родине...

Старший сын – капитан Орлов Владимир Федорович, будучи начальником штаба стрелкового полка, погиб в боях под Ленинградом.

Младший сын – полковник Орлов Василий Федорович, – будучи командиром 6-го гвардейского механизированного корпуса, скончался

после тяжелого ранения в марте 1945-го. В своей предсмертной записке жене 29-летний комкор напишет: «Вот и все. О своем отношении к Родине я тебе говорил. Нельзя это повторять много. Я считал это святым и оберегал это... Умер честно и мне не жаль». В апреле 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за умелое командование частями мехкорпуса, образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом героизм и мужество гвардии полковнику В. Ф. Орлову посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Средний сын – капитан Орлов Евгений Федорович, – будучи командиром роты противотанковых ружей, дошел до Берлина и Праги.

Единственная дочь – подполковник Орлова Мария Федоровна, – будучи военным летчиком, воевала в легендарном 587-м бомбардировочном авиаполку под командованием М. М. Расковой.

Что же касается жены и матери – Марии Иосифовны Орловой, – то в 1944 году она стала инициатором постройки на средства семьи Орловых танка Т-34. Личное разрешение было получено у самого Верховного главнокомандующего. Танк получил название «Мать-Родина» в честь Марии Иосифовны. На это пошли все сбережения семьи, в том числе золотой портсигар – именная награда Федора Михайловича. Танк был передан лучшему экипажу 126-го танкового полка 17-й гв. механизированной бригады. За время войны он уничтожил 17 вражеских орудий, 9 танков и 18 автомашин.

Федор Михайлович Орлов только в 1946 году был уволен с военной службы (в 68 лет). Он умер на 76-м году жизни и был похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище. Рядом – могила его жены, младшего сына и дочери. Одна из улиц на северо-востоке Москвы в районе Марфино, недалеко от Ботанического сада, носит название «Улица комдива Орлова».

Но знают ли те, кто каждый день проходит по этой улице, хоть что-нибудь про Федора Михайловича Орлова?

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Бондаренко В. 100 великих подвигов России. М., 2011.

Владимиров Ю. В. Война солдата-зенитчика. М., 2010.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998.

Исаченко С. М. Где-то в Курляндии. Записки военного корреспондента. М., 1977.

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Березовые кресты вместо Железных. М., 2000.

Малько Д. И. За рычагами танка. Рассказывают фронтовики. На земле, в небесах и на море. Выпуск 8. М., 1986.

Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск, 1999.

Московская битва в хронике фактов и событий. М., 2004.

Орлов Ф. М. Докладная записка. Общедоступный электронный банк документов «Подвиг народа». Интернет.

Сбитнев М. Н. Воспоминания военкома. Битва за Москву. М., 1966.

Сборник лиц, награжденных орденом Красного Знамени и Почетным Революционным оружием. М., 1926.

Симонов К. Разные дни войны. Дневник писателя. Т. 1. М., 1982.

Смыслов О. С. Житейская правда войны. М., 2014.

Солдаты Орловы. Фильм. Режиссер Р. П. Сергиенко. М., 1985.

Струнин В. И. Брестская краснознаменная. М., 1995.

Толстой А. Повести и рассказы. М., 1977.

ЦАМО РФ. Ф. 1395. Оп. 1. Д. 14. Л. 11–14.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 7. Л. 79.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 976. Л. 88.

Курсанты 41-го

«Первый в их жизни бой»

1

Белорусский город Борисов стоит на самых живописных берегах реки Березины в 76 километрах от Минска. Это крупный промышленный город Минской области. Именно здесь летом 41-го еще находилось Борисовское танковое училище, курсантам которого пришлось вступить в бой.

Прорыв немецких войск Западного фронта в районе Минска обошелся нам дорого: целых 11 дивизий оказались в окружении. Для многих советских бойцов и командиров война тогда закончилась пленом. В Борисовском же училище со второго дня войны связи со штабом фронта не было, поэтому все сведения о противнике там получали исключительно от отступающих неорганизованной толпой на восток военнослужащих.

Только 26 июня связь с фронтом была восстановлена. Тут же стали поступать приказы и распоряжения. Одним из них комиссар училища И. З. Сусайков был назначен начальником Борисовского гарнизона, а начальником штаба – случайно оказавшийся в городе полковник А. И. Лизюков.

Штабом фронта была поставлена и главная задача: не дать противнику захватить переправу через Березину. «В течение суток – до начала боев – удалось объединить свыше десяти тысяч человек из разрозненных подразделений 13-й армии, отходящих от Минска, пограничников и курсантов, – подчеркивает Б. Платонов. – Район обороны был разбит на четыре участка. Курсантский полк вместе с пограничниками (примерно 1500 человек) занял позиции в районе Северного Борисова и местечка Зембино, где находилась большая переправа. Формировать рубежи и позиции приходилось без технических средств связи, под непрерывной бомбежкой и при обстреле с воздуха. И тем не менее город в кратчайшие сроки удалось подготовить к обороне и управлению разрозненными силами по широкому фронту».

28 июня немцы захватили Минск, а уже отсюда их ударные части устремились на Борисов, через который проходило стратегическое шоссе Минск – Москва. Рассчитывая с ходу форсировать Березину, ударные части противника именно здесь встретили упорное и хорошо организованное сопротивление на широком фронте в несколько десятков километров. И

только там, где были переправы.

Курсанты дрались самоотверженно. Против танков они использовали гранаты и бутылки с зажигательной смесью. На участках прорыва переходили в контратаки. При этом у них не было абсолютно никакого авиационного прикрытия, не говоря уже о средствах ПВО.

В ночь на 1 июля немцам все-таки удалось захватить главный мост и ворваться в Борисов. А на следующий день город был оставлен нашими войсками...

Однако факт остается фактом: продвижение противника было задержано на целые сутки, что дало возможность развернуться 1-й Московской мотострелковой дивизии, подошедшей из-под Москвы.

Свой первый в жизни бой курсанты Борисовского танкового училища выдержали с честью. Действуя храбро и умело, они подбили 15 танков, уничтожили до роты фашистов и захватили трофеи. А самое главное, стояли насмерть, не дрогнув и не покинув поля боя.

Из шестисот мальчишек 192 погибли и пропали без вести, а 68 получили ранения.

Двоюродный брат моей мамы Виталий Григорьевич Суоров в Севастопольское военно-морское училище береговой обороны имени Ленинского комсомола Украины был зачислен курсантом 22 июня 1941 года. А 12 июля Военный совет Черноморского флота возложил на училище задачу по охране и обороне важнейших объектов города и флота. Курсанты стали нести боевое дежурство на береговых батареях главной базы флота и училища. В мастерских училища начали изготавливать 50-мм ротные минометы, пиротехники осваивали правила пользования противопехотных мин, а другая часть курсантов принимала непосредственное участие в строительстве оборонительных и защитных сооружений города.

Когда в конце октября немцы прорвали советскую оборону на Перекопе и вторглись в пределы Крыма, из курсантов ВМУ береговой обороны был сформирован курсантский батальон (1078 чел.) под командованием заместителя начальника училища по учебной части В. А. Костышина. Батальон состоял из роты комсостава, пяти курсантских стрелковых рот (в т. ч. минометной, пулеметной и трех орудийной 76-мм батареи). В ночь с 29 на 30 октября курсанты совершили 35-километровый

ночной марш, заняв оборону в 4 км юго-западнее Бахчисарая.

Свой первый в жизни бой курсанты приняли во второй половине дня 1 ноября, отражая сильные атаки пехоты противника.

Под непрерывным артиллерийско-минометным обстрелом и авианалетами курсанты, преподаватели, командиры и матросы в течение нескольких дней сдерживали армию Манштейна. В этих боях погибло более трети личного состава училища. Курсантские роты воевали с лучшими немецкими войсками до середины февраля 1942 года, поддерживая защитников Севастополя на ближних рубежах крепости в составе Чапаевской дивизии (три курсантские роты были временно переданы в состав 105-го отдельного саперного батальона 25-й Чапаевской дивизии).

Когда поступил приказ командования ВМФ о снятии курсантов с фронта (17.11.41 г. после пополнения линии обороны частями Приморской армии), то в Баку на учебу отправились лишь 112 оставшихся в живых.

19 ноября 1941-го в бою был ранен и курсант Суоров: «Ранение мягких тканей левой руки 19.11. – 1941 г. под Севастополем».

В 1963 году писатель Константин Воробьев написал повесть «Убиты под Москвой». Ноябрь 41-го. Деревня Лотошино в 30 километрах к северо-западу от Волоколамска. Рота курсантов военного училища им. Верховного Совета РСФСР (240 чел. – «рост сто восемьдесят три»), вооруженная самозарядными винтовками, гранатами и бутылками с бензином, сменяет бойцов стрелкового полка московских ополченцев. Но после начала немецкого наступления оказывается в окружении.

«Судьба каждого курсанта... вдруг предстала средоточием всего, чем может окончиться война для Родины – смертью или победой», – говорит командир роты Рюмин. Он и командир взвода Алексей Ястребов стараются быть спокойными и уверенными в себе, ведь только чувство долга и ответственности диктует им требовать прежде всего с себя, а затем уже с мальчишек, чтобы они «испытывали облегчающее чувство безотчетной надежды». Но мальчишки хотят все сами, хотят быть первыми. И это несмотря на то, что их бросили с винтовками, без пулеметов и пищи на произвол судьбы.

Памятник Подольским курсантам в г. Подольск

Курсанты хоронят погибших... Время остановилось для них, но на руке одного все еще идут часы. Жизнь продолжается, продолжается война. Но страшно погибать. Это противоестественно. Это против самой природы человеческой. Особенно когда это напрасно, бесполезно. От отчаяния и бессилия кремлевские курсанты стреляют в горизонт... Так ведь шли мальчишки на фронт, когда война для них еще не началась по-настоящему, но над ними, уже как тень, нависло: «Убиты! Убиты! Под Москвой...»

«На курсантов была вся надежда»

1

В августе 1941 года, наблюдая за полетами немецких разведчиков, в штабе ВВС Московского округа обратили внимание, что они фотографируют дороги, ведущие к столице. В результате оценки данных разведки было установлено, что противник готовит наступление именно по этим дорогам. Тогда командующий ВВС МВО Н. А. Сбытов сразу же принял решение организовать «воздушный контроль обстановки на дорогах московского направления путем регулярных полетов наших истребителей на всех угрожаемых участках фронта. Каждые четыре часа над всеми дорогами проносились двойки истребителей закрепленного за данным направлением авиаполка. Однако долгое время особых результатов такое наблюдение не давало».

На рассвете 5 октября 41-го разведчики доносят: по Варшавскому шоссе, примерно в 50 км от города, безусловно, в нашем тылу, двумя колоннами идут немецкие танки и пехота, – вспоминал генерал-лейтенант авиации Николай Александрович Сбытов. – Информация исключительно важная, поэтому нуждается в тщательной проверке. Был у меня такой майор Карпенко, инспектор по технике пилотирования, человек исключительно храбрый. Посылаю перепроверить. Прилетает назад, докладывает: «Товарищ командующий, точно идут немецкие танки, очень много». Потом оказалось, что целый немецкий корпус в обход фланга наших войск на направлении Москва – Смоленск прошел практически без боя в наш тыл и спокойно движется на Москву.

А у нас никаких резервов нет. Только строительные батальоны и женщины, которые копают окопы для наших войск, которых нет.

Командующий округом Артемьев как раз накануне неизвестно почему уехал в Тулу, поэтому я доложил о немцах Телегину. «Что будем делать?» – говорит. «Давайте поднимать курсантов военных училищ – больше некого. В Подольске два военных училища, хоть немного задержать, а тем временем, может, какие-нибудь резервы подойдут. А я буду создавать авиационный кулак – возьму понемногу отовсюду, откуда можно. Два-три полка наскребу и буду бить с воздуха, опять-таки задержим».

Договорились, решили. Было 7 часов утра с минутами. И напрасно

Телегин в своих мемуарах теперь пишет, что я ему доложил не то в 12, не то в 15 часов. В это время меня уже допрашивал сам начальник контрразведки Абакумов и решался вопрос о моем аресте. Ладно, по порядку. Я по своей линии все распоряжения сделал, авиацию собрал, авиагруппа готовилась уже к 12, максимум к 13 часам нанести удар по немецкой танковой колонне. Вдруг звонок (а мне Маленков кремлевский телефон поставил): Абакумов приглашает меня к себе. Даже, говорит, машину пришлем, если хотите. Нет, говорю, спасибо, я на своей. Ладно, приезжай на Лубянку. Ведут сразу к Абакумову, а у него в кабинете и Меркулов, заместитель Берии, и еще начальник контрразведки штаба ВВС на меня из угла косится, Абакумов сразу же:

– Откуда вы взяли, что немецкие танки идут по Варшавскому шоссе и уже чуть ли не под Юхновом?

Я докладываю: так, мол, и так.

– А если это не немецкие танки, а наши?

Я говорю:

– Летчики проверенные, ошибиться не могли, к тому же я два раза посылал для страховки. Я за эти данные отвечаю.

А Абакумов тогда вообще понес:

– На каком, собственно, основании вы проводите разведку дорог в нашем тылу, а не в немецком? Разведка ведется в тылу противника, а не в своем собственном. А если в своем, то вопрос: для чего это делается? А может, для того, чтобы панику в Москве устроить? И все в таком духе. Сейчас, говорит, проверим! Вызвать сюда Климова, командира шестого авиакорпуса!

Приезжает Климов, говорит:

– Я не посылал самолеты, ничего не знаю.

– Ага! А где у вас, Сбытов, фотографии немецких танков на Варшавском шоссе? Тоже нету?

Я объяснил, что танки обнаружены визуальным наблюдением, фотографирование с боевых истребителей вестись не может, а что самолеты на разведку вылетали, об этом есть записи в соответствующих журналах в штабе. Проверили – записи есть, слава богу.

А Абакумов все равно:

– Вы не можете командовать, мы считаем, что вас надо снять с должности. Поезжайте!

– Куда ехать?

– Как куда? К себе!

– А я думал, в Бутырку.

– В Бутырку еще успеете.

Приезжаю к себе, у кабинета уже часовой стоит, Телегин поставил. Я вошел в кабинет, достал маузер, положил рядом автомат, думаю: придут забирать – будем воевать.

Телегин, оказывается, никаких мер, о которых мы утром договорились, не принял.

Тут вскоре приезжает Артемьев, и мы стали звонить начальнику Главного оперативного управления штаба Василевскому. Тот говорит, что наших танков там быть не может. Значит, точно немецкие. Но мер никаких не принял. И Артемьев не принял. А время уже 18 часов. Практически темно. Авиацию использовать сегодня уже нельзя. Значит, одни сутки потеряны.

Только Абакумов что-то делает: прислал полковника с протоколом допроса, а там написано, что я специально хотел устроить провокацию с целью создать в Москве панику, бегство ответственных работников и так далее. Я взял ручку и написал: «Последней разведкой установлено, что немцы к исходу дня займут Юхнов», – и подписал. А потом думаю: зря подписал. Они подпись поставят, остальное выведут как-нибудь, и все, ничем не отмоешься. Ну ладно, сижу жду. Звоню в секретариат Сталина, там говорят: «Идет заседание ГКО, приказано никого не соединять». Так и сидел, как пень, до утра».

Пока Сбытов «сидел как пень до утра», на фронте работали опергруппы НКВД СССР, направленные туда с целью выяснения истинного положения дел. По первым результатам было написано соответствующее донесение, в котором говорилось: «К 18 час. 5 октября противник силой до одного батальона при 12 танкетках с минометами, заняв Юхнов, вышел на рубеж р. Угра и оседлал Варшавское шоссе, где вступил в бой с находившимся в этом районе авиадесантным батальоном нашей 53-й авиабригады. После того как противник просочился в стыке 33-й и 43-й армий, тыловые части этих армий начали панически бежать и 5 октября с раннего утра растянулись по шоссе до самой Москвы... Между Юхновым и Медынью 5 октября около 15 час. капитаном 53-й авиабригады Сорокиным был взорван железный висячий мост через р. Шань, что находится примерно в 8 км западнее Медыни. В результате взрыва моста, с одной стороны, затруднен отход нашим частям и автотранспорту; с другой – создано препятствие для продвижения наших частей навстречу противнику. Из-за создавшейся паники 5 октября на участке Юхнов – Малоярославец были сняты все посты ВНОС и зенитные батареи. Снятие их было произведено в результате того, что лейтенант Сорокоумов, который

командует постами ВНОС на этом участке, неправильно информировал командира полка ПВО Васильева в г. Москве и добился от него распоряжения о снятии постов ВНОС. Самолеты противника усиленно обстреливали пулеметным огнем и производили бомбометание днем и ночью 5–6 октября на участке шоссе от Малоярославца до Юхнова».

Побывавший с проверкой в Подольске начальник кафедры авиации Академии имени Фрунзе полковник Власов в своем докладе констатировал:

«1. Непосредственная оборона Москвы внушает большие опасения, т. к. в ее системе отсутствуют организационное руководство и управление теми подразделениями, которые предназначены для выполнения этих задач, и губительное для нас зло – неорганизованность – до сих пор продолжает процветать.

2. Наиболее показательно это выявилось в обстановке 6–7 октября, что мне пришлось наблюдать лично и через подчиненных мне командиров. Так, в ночь с 5-го на 6-е по тревоге за 70 км от Москвы, к юго-западу от Подольска, в районе Лукошкино, Вороново, Кресты была выброшена рота в составе слушателей Военной академии им. Фрунзе и в район Лопасня – рота в составе слушателей Артиллерийской академии им. Дзержинского. Обе эти роты были подчинены своим начальникам академий и коменданту города Москвы. Мне было приказано организовать пункт сбора донесений от этих рот в Подольске и информировать коменданта города Москвы и начальника Академии им. Фрунзе о положении на участке действий этих рот. Задача этих рот – прикрыть подступы к Москве и вести разведку до р. Нара. На месте, в районе Подольска, мною установлено, что внутри города, кроме двух милиционеров, никакой военной охраны нет, на дорогах к Подольску только посты проверяющих проходящие автомашины. И в это время, когда, по сообщению комиссара авиачасти и начальника штаба этой авиачасти капитана Таран, в районе аэродрома Подольск вечером техники этой части видели, как были сброшены 8 парашютистов, но в которых они не стреляли и даже не видели, куда они скрылись.

Посланный мною на аэродром для проверки обороны аэродрома старший лейтенант Никулин прошел весь аэродром, ходил около самолетов, дошел до самого начальника штаба капитана Таран, и никто его не остановил и не проверил. В этой обстановке безответственности и неорганизованности невозможно было установить, действительно ли были сброшены парашютисты.

3. Оборона Подольска, этого одного из главных направлений на подступах к Москве, также неорганизованна, и никто этим до сих пор не занимался и не хотел, видимо, заниматься... Вследствие этого

командование округа, комендант города Москвы и начальники академий, не зная фактической обстановки на подступах к Москве, дополняют эту неорганизованность, выбрасывая две роты слушателей академий вперед имеющихся там частей, и сами за 70 км управляют этими ротами через пункт связи в Подольске – разговорами по городским телефонам открытым текстом... Эта неорганизованность дополнялась еще и тем, что в лесу в районе Белоусово скопились остатки частей 43-й и 33-й армий, имевшие более 200 автомашин, абсолютное большинство красноармейцев без винтовок; в лесу у Лукошкина – 500 человек артполка во главе с комиссаром и десятки автомашин. Помимо этого в Подольске было задержано более 50 автомашин и около 350 человек рядового и 40 человек начальствующего состава, прибывших разными путями в Подольск с фронта.

О мобильности работы штаба округа можно судить хотя бы по тому, что два батальона пехотного училища в Малоярославец были направлены по железной дороге через Москву, когда их можно было перебросить на автомашинах, которых было в Подольске более сотни без дела. Погруженные вечером, эти батальоны к утру следующего дня еще не прибыли в Малоярославец...»

Таким образом, только утром 6 октября Сбытову позвонил начальник штаба ВВС генерал Ворожейкин и сказал: «Сообщаю тебе, что ГКО на своем заседании твои действия одобрил! Это, безусловно, немцы идут. Немедленно собери все силы, которые только можно собрать, и бей!»

«А у меня уже со вчерашнего дня все собрано и готово, – вспоминал Сбытов. – Начали бить. Сразу же уничтожили примерно 100–120 танков, около 300 машин пехоты. Но к этому времени немцы сами немного подзадержались. Я думаю, они неладное заподозрили. Ведь не было никакого сопротивления, как на прогулке шли. И они подумали, что их заманивают в мешок. Пошли осторожно, прощупывая разведками местность. Юхнов заняли, как я предсказывал, вечером 5 октября. После нашего авиаудара вообще рассредоточились с главной дороги, чтобы затруднить действия нашей авиации. И тем не менее упорно шли вперед, темпом примерно 10 км в сутки.

Поступил приказ Сталина: задержать наступление немцев любой ценой. Минимум на 5–7 суток. А чем задержать, неизвестно. Я организовал командный пункт около Подольска, рядом с ним создал оперативный склад снабжения штурмовой авиации. На пути немцев мы смогли поставить только тех же подольских курсантов всего лишь с двумя противотанковыми пушками и мои самолеты, штурмовавшие наступающие немецкие войска

по несколько раз в день».

Подольское артиллерийское училище было сформировано в сентябре 1938 года, а Подольское пехотное – в январе 1940-го. Артиллерийское училище (1500 курсантов) готовило командиров взводов противотанковой артиллерии. Оно состояло из 4 артиллерийских дивизионов, по 3 учебных батареи (120 курсантов) и 4 взвода в каждом.

Пехотное училище готовило командиров стрелковых взводов (4 учебных батальона).

В 2010 году на стене одного из хранилищ на территории Центрального архива Министерства обороны, где в 41-м размещалось Подольское артиллерийское училище, было найдено важное историческое свидетельство: «Это была записка, нацарапанная иголкой в... 1941 году. Послание очень короткое и волнующее, не имеет ни начала, ни конца, ни подписи. В нижней строке стоит только дата – 12 июля 1941 года. Вот ее текст дословно: «Стояли мы, а папы уже там. На фронт отсюда мы ушли. Странное чувство у нас. 12.VII.41 г.»

Но зря переживали мальчишки за страну, за то, что отцы ушли на передовую и что их туда не пускают. Ведь они даже не могли и предположить, как мало им осталось ждать этого момента...

«Сто шестой день войны. Воскресенье, 5 октября 1941 года, – вспоминал бывший курсант Петр Лебедев. – Примерно в три часа пополудни заместитель командующего Московским военным округом генерал-лейтенант Никольский по указанию Ставки поднял по тревоге оба военных училища (пехотное и артиллерийское), расположенные в подмосковном Подольске.

Задача – срочно сформировать отряд, усиленный дивизионом артиллерии, и на машинах выдвинуться по Варшавскому шоссе навстречу наступающим частям противника. Остальному составу училищ – к 8 октября занять южный участок Можайской укрепленной линии в районе Малоярославца. Варшавским называлось шоссе, подходящее к Москве с юго-запада через Юхнов, Медынь, Малоярославец, Подольск...

Оказалось, что сформировать в училище даже один артдивизион для действия в передовом отряде не так-то просто. Из учебного арtpарка и даже классов выводились более или менее пригодные для боя орудия. Среди них я видел даже давно списанные английские противотанковые

пушки двадцатых годов. Батальоны пехотного училища были на оборонительных работах под Подольском, и собрать удалось одну роту. Главное затруднение – транспортные средства.

Артиллерийское училище было на конной тяге, машин мало. Так же обстояло дело и у наших соседей. Скоро в военный городок стали прибывать гражданские машины вместе с пожилыми водителями, уже мобилизованными, но еще в гражданской одежде. Эти невзрачные на вид мужички, как скоро выяснилось, были не только опытными, хорошо знающими свои потрепанные машины шоферами, но и очень добросовестными и мужественными людьми...

Командиром передового отряда был назначен командир роты пехотного училища старший лейтенант Мамчич, нашим сводным дивизионом командовал капитан Россиков, а комиссаром был поставлен старший политрук Постнов, который только накануне проводил с нами занятие по истории партии.

Насколько помню, были сформированы две батареи: одна – из 45-миллиметровых противотанковых орудий, другая (куда попал и я) – из 76-миллиметровых пушек образца 1927 года, в просторечье именуемых полковушками. Орудийными расчетами командовали офицеры (тогда «средние командиры»). <...>

...Уже в темноте наша колонна вышла из Подольска и на марше присоединилась к роте Мамчича, составлявшей ядро передового отряда. Машины с погашенными фарами медленно, как бы на ощупь, двигались по шоссе. Холодный, перемешанный с дождем и снежной «крупой» ветер сечет лица, насквозь пронизывает наши щеголеватые, в обтяжку, курсантские шинели. Озябшими руками придерживаем ерзающую по мокрому настилу кузова «полковушку». И одна мысль не оставляет ни на минуту: что нас ждет впереди?»

По словам бывшего курсанта Подольского артиллерийского училища Николая Щенникова, «идти курсантам на фронт пришлось пешком. Необходимо было за сутки дойти до Ильинского оборонительного рубежа. Одеты они были в длинные кавалерийские шинели, на сапогах шпоры, ведь они были артиллеристами на конной тяге. И были у них большие прочные ранцы. В них все вошло – и патроны, и гранаты, и сухой паек на три дня. Вооружены они были самозарядными винтовками Токарева».

Создание Можайской линии обороны (от Тулы, через Калугу, Ильинское, Бородино, Ярополец) началось с постановления Государственного комитета обороны, принятого 16 июля 1941 года. Работы планировалось завершить к 25 ноября. Однако в ходе начавшейся немецкой операции «Тайфун», самой крупной операции с обеих сторон в мировой истории, немцы взяли Вязьму и завершили окружение войск четырех советских армий. На полях боев остались около 400 тысяч бойцов и командиров, 685 тысяч были пленены, и только 85 тысячам удалось вырваться из котла.

Всего же перед столицей были построены две линии укреплений. Первой стала Вяземская, эшелонированная в 3 ряда от Брянска через Ельню и Вязьму до Осташкова. Можайская была второй. Но в 5 часов 30 минут 5 октября в ходе прорыва немцы заняли Юхнов, оказавшись в тылу двух советских фронтов: Западного и Резервного. Теперь до Москвы оставалось ровно 190 километров, всего несколько часов хода для немецких танков. Именно поэтому наших войск на Можайской линии обороны практически не было.

А в это время к Москве по Варшавскому шоссе беспрепятственно двигался целый моторизованный корпус: две сотни танков, две тысячи пехоты с артиллерией и под прикрытием авиации. Опасность, что немцы пройдут Можайскую линию без боя, была явная. Именно по этой причине вспомнили про курсантов подольских училищ, которым было необходимо срочно занять линию укреплений и продержаться на ней несколько дней, до подхода формируемых частей.

Линия обороны в районе Ильинского Малоярославецкого укрепрайона проходила по восточному берегу р. Выпрейки, разделяющей его пополам, через место расположения музея «Ильинские рубежи» и далее через современное кладбище. Затем она поворачивала направо от современного моста по берегу Лужи и тянулась аж за Бородино Можайского района. В этом районе было построено всего около 30 артиллерийских и пехотных дотов. Это более чем в три раза меньше, чем всего по линии Малоярославецкого укреп района.

«На курсантов была вся надежда», – говорил член Военного совета Московского военного округа К. Ф. Телегин. И это были не пустые слова...

Вспоминает Д. Панков: «Нужно было во что бы то ни стало закрыть брешь, образовавшуюся на малоярославецко-подольском направлении, и задержать гитлеровцев до подхода резервов Ставки к Можайской линии обороны. И вот тогда было принято продиктованное чрезвычайными обстоятельствами решение – послать в бой курсантов Подольских

пехотного и артиллерийского училищ, которые находились ближе всех к линии фронта. Мне запомнился приказ № 257 по нашему училищу: «В соответствии с указаниями командующего Московским военным округом полагать училище выбывшим на фронт в качестве отдельной боевой группы действующей армии».

Вечером этого же дня мы сосредоточились на платформе затемненной станции Подольск, где уже ждали товарные вагоны. Руководство училища информировало командиров и комиссаров о предстоящей задаче. Почти все курсанты пехотного (свыше 2500 человек), а также артиллерийского (около 1000 человек) училищ отправлялись в район Малоярославца. Еще днем на 24 автомашинах к Юхнову был выдвинут передовой отряд под командованием старшего лейтенанта Л. Мамчича и политрука Я. Киселева. В его составе был и сводный дивизион артиллерийского училища во главе с капитаном Я. Роскиковым и старшим политруком М. Постновым.

Уже ранним утром 6 октября курсанты-подольцы вошли в подчинение командира авиадесантников И. Старчака, столкнулись с врагом на реке Изверь у деревни Воронки и отбросили его к реке Угре. Результатом героических усилий передового отряда было то, что фашистам понадобилось целых 5 дней, чтобы пройти 25 км по шоссе до переднего края Ильинского сектора Малоярославецкого боевого участка Можайской линии обороны. К этому времени его уже заняли главные силы курсантов.

Одна группа под командованием начальника пехотного училища генерал-майора В. Смирнова заняла Ильинский оборонительный рубеж, перекрыв Брестское шоссе, а другая (ею командовал подполковник П. Медведев), получившая название Южной, перекрыла малоярославецкое направление со стороны Калуги».

Из заметок, сделанных в ходе боев одного из командиров подольских курсантов:

«5 октября 1941 года.

Наше пехотное училище поднято по тревоге. Мы еще не знаем, куда предстоит ехать, но знаем одно – на фронт, знаем еще, что идем защищать Москву. На малоярославецком направлении нависла угроза прорыва фашистов непосредственно к столице. Наши войска оказались в окружении, не было сплошной обороны. Чем закрыть образовавшуюся брешь? Людей в резерве нет. Командование решило бросить пехотное и артиллерийское училища навстречу немецким псам, чтобы любой ценой задержать врага, пока не подойдет возможная помощь. Поздно ночью проезжали мимо Медыни, где полыхал сильный пожар. Вот что оставляют

немцы после себя – смерть и разрушения...

6 октября 1941 года.

Осматриваемся на местности. Заметив отсутствие должного усердия у курсантов в оборудовании окопов, командир 6-й роты Мамчич сказал: «Десять метров окопа лучше, чем метр могилы». Еще не успели окопаться – уже в бой. Отбросили немцев от реки Изверь к реке Угре. Выиграли еще один драгоценный день. Ребята наши – молодцы. Спасли снаряды».

По свидетельству бывшего курсанта П. Лебедева, колонна передового отряда только глубокой ночью достигла Малоярославца: «Здесь находился комендант укрепленного района, у которого наши командиры должны были уточнить задачу.

Запомнились зловещие тени высоких деревьев, видимо, городского парка, белеющие за ними стены большого собора, сполохи дальнего пожара. И острое чувство тревоги. Как же далеко зашел враг! В самую глубину исконно русской земли! Как потом рассказывали, комендант района, знавший обстановку весьма приблизительно, подтвердил задачу отряда – как можно быстрее продвигаться к рубежу реки Изверь, где, по его данным, обороняется группа авиадесантников неизвестной численности.

На восточном берегу этой речки мы действительно встретили десантников. Выяснилось, что в этот район выдвинулась группа немецких мотоциклистов с несколькими броневиками. Видимо, немцы решили переждать до утра. Вели они себя довольно беспечно, наверное, не рассчитывая на серьезное сопротивление. В самый раз атаковать их. Так и решили наши командиры.

Еще не рассеялся туман, вперед пошли курсанты-пехотинцы вместе с десантниками. Их поддержали огнем наши орудия. Находясь с командиром батареи на наблюдательном пункте, я видел, как в тумане продвигается цепь курсантов вслед за возникающей впереди зыбкой рощицей наших разрывов. Немцы были не только отброшены за Изверь, но и отошли на западный берег реки Угры. За темной полоской холодной воды виднелись очертания города Юхнова, уже занятого крупными силами немецких танков и мотопехоты. Продвигаться дальше было, конечно, невозможно.

Но и достигнутое вызвало у нас бурю ликования. Надо же! Первый бой – и такой успех. Знай, немец, красных юнкеров! Скоро выяснилось, что для большой радости оснований не было. Видимо, немецкий передовой отряд и не имел задачи упорно сопротивляться неожиданно возникшим русским».

Бывший подольский курсант И. В. Аверин никогда не забудет свой

первый бой: «Нас отправляют примерно 200–250 человек в первой группе, которая должна принять первый бой на свои плечи. И ехали, как будто разобьем немца за несколько часов и он дальше не сделает шагу...

И когда готовились к бою, были чувства и желание скорее вступить в бой, а о смерти и в голову не приходило мысли.

Было решение выбить немцев из деревни и гнать за реку. Для немца было неожиданно, как ураган. И немцы не знали, что за войска. Ворвавшись в расположение противника, пошли в ход штыки, приклады, гранаты и просто физическая сила. Каждый курсант первый раз шел в атаку, до этого ходили мы на учебе. Во время самого боя страх пропадает, чувства делаются немыми, и видишь только врага. Я даже первый раз в атаке не слышал, стреляют или нет, только видишь – падают люди. После первого боя я себя не видел в лицо, но Виноградов <выглядел> так, что трудно описать: глаза горели каким-то страшным огнем, винтовку из рук трудно было выпустить – они не разжимались, и добиться слова несколько минут <было> нельзя.

И в этом бою мы поняли, что можно бить немцев, хотя они вооружены до зубов»

...Очень часто проезжая на троллейбусе мимо памятника подольским курсантам, что находится в городе Подольске на пересечении улицы Кирова, Парковой улицы и Архивного проезда, я не мог не задуматься о подвиге этих восемнадцати-девятнадцатилетних мальчишек, отдавших свою жизнь в тяжелейших боях осени 41-го из-за преступных просчетов, глупости и бездарности военачальников и руководителей той страны, за которую они погибли.

Командир взвода подольских курсантов И. И. Кривой в 2008 году скажет без всякого пафоса: «Подольские военные училища воевали героически. Все атаки в несколько раз превосходящих мотомеханизированных и танковых частей немецко-фашистских войск разбивались о стойкую оборону курсантских батальонов».

Из заметок одного из командиров подольских курсантов:

«7 октября.

Фашисты двинули танки и бронетранспортеры с пехотой. Мы занимаем выгодную позицию, так что враг, как бы ни пытался, не пройдет.

Какие у меня хорошие бойцы! Хоть молоды, да сердиты. Истинные патриоты, бились как львы, в сердце каждого одно – не пропустить фашистских гадов к столице. Курсант Войцех вместе с сержантом Звадой открыли огонь из миномета по вражеским силам, таким образом лишили противника возможности ударить по незащищенным участкам обороны. Достоинно выдержали боевое крещение огнем. Улыбаются – живы».

Бывший подольский курсант П. Лебедев свидетельствует: «Следующий день начался с сильной бомбежки. Около тридцати пикирующих бомбардировщиков с пронзительным воем сирен устремились на наши позиции. Казалось, все вокруг было перерыто разрывами бомб. Над мокрой землей стлался туман. Признаюсь, что переживание первой в жизни бомбежки было столь сильным, что до конца войны я больше всего страшился самолетов, хотя не раз испытал массированный огонь артиллерии, лежал, прижатый к земле пулеметами, ощущал на себе хищное прицеливание снайпера...

После бомбежки и короткого огневого налета артиллерии немцы перешли в атаку – силой, как можно было предположить, не менее батальона. Их встретили огневые точки наших подразделений, разрывы наших снарядов. На некоторых участках бой перерастал в рукопашную схватку. Продержавшись до вечера, мы были вынуждены отходить под покровом темноты. Потом тогдашний член Военного совета фронта Телегин писал в воспоминаниях, что, задержав врага на Угре, курсанты выиграли «еще один день, имевший особо важное значение для защиты столицы».

Через два дня непрерывных боев на промежуточных рубежах передовой отряд, понесший большие потери, поступил в распоряжение 17-й танковой бригады, оборонявшей город Медынь. Как вспоминал Г. Жуков, именно в те дни, пытаясь выяснить создавшуюся на этом направлении обстановку, он посетил эту бригаду, которой командовал его боевой товарищ полковник И. Троицкий. Еще через пару дней генерал армии вступит в командование Западным фронтом, который ему, по существу, пришлось восстанавливать заново.

Побывал ли Жуков у подольских курсантов, утверждать не могу (хотя в киноэпопее о Московской битве есть такой эпизод). Но нам было сказано, что Жуков передал даже не приказ, а просьбу Сталина продержаться еще несколько дней.

После упорных боев немцы все-таки взяли Медынь. Попытки вернуть город успехом не увенчались, но выигрывались дни и часы, чтобы подходящие из глубины резервы могли занять Можайскую укрепленную,

которая была главным остовом обороны столицы.

10–11 октября остатки нашего передового отряда вышли в район Ильинского сектора Малоарсланецкого боевого участка Можайской линии, присоединившись к своим училищам. К тому времени мы потеряли десятки товарищей. Среди них – командир дивизиона Россиков и комиссар Постнов. Только через много дней, уже после освобождения этих мест наступающими войсками, их неопознанные в большинстве останки будут похоронены в братских могилах».

В течение нескольких дней подольские курсанты (было им по 18 и очень немногим за 20 лет) сдерживали наступление немцев, отбив 11 октября атаку многократно превосходящих сил немцев, а 13 октября – атаку с тыла. Пятнадцати немецким танкам и нескольким бронемашинам удалось прорваться с южной части и зайти по Варшавскому шоссе, со стороны Кудинова курсантам в тыл. Для маскировки немецкая бронетехника двигалась с красными флагами и сначала была принята за подкрепление. Только благодаря сохранившемуся резерву, который и опознал немецкие танки, орудия быстро развернули, и в течение 8 минут колонна противника была полностью разгромлена.

Из заметок одного из командиров подольских курсантов:

«8 октября 1941 года.

Утро. Мы находимся в деревне Чернышовка. Пошли в наступление. В течение дня продвинулись до рубежа Пушкино, но попали под сильный огонь. Нет возможности там оставаться. Надо отступать. К вечеру отошли за Изверь.

9 октября 1941 года.

Враг увеличил свои силы. Придется нелегко. Под командованием лейтенанта Дерюгина отбросили противника на противоположный берег Извери. К вечеру фашисты подтянули свои силы. Мои ребята подорвали склад с горючим на станции Мятлево. Взрыв смел противника. Прожит еще один день.

10 октября 1941 года.

Слышен гул самолетов. Видно, интересуют фашистов наши позиции. Без знания противника бой сложно выиграть. Первая курсантская рота, защищая мост через реку Шаню, попала в окружение и со значительными потерями вырвалась из вражеского кольца. Отступают все, моя рота тоже. Сколько фашисты забрали сегодня жизней, пока неизвестно. Но мы ничего

не забудем, не простим.

Отступили в район Ильинского сектора Малоярославецкого боевого участка.

11 октября 1941 года.

Наконец свои! Передовой отряд курсантов полностью выполнил свою задачу. Дорогую цену заплатили мы за это выигранное время. Передохнем – дальше нас ждут еще большие испытания.

Сейчас подошел один из моих курсантов и сунул мне два печенья. Откуда он их достал, не знаю. Но не съел, а принес мне!

12 октября 1941 года.

Строим укрепления под непрекращающимся огнем противника. Не успеваем достраивать, события разворачиваются слишком быстро. Идет бой. Стрельба, грохот танков, рассчитывать не на что, кроме винтовок и плеча товарища. Бомбят. Немцы сбрасывают на ребят с самолетов все, что попадает под руку: бочки, обрубки металла. Звери! В мешке, который упал на нас сверху, оказался труп с запиской: «Вот вам председатель колхоза». Приложу все силы, чтобы доказать фашистской сволочи, на что способны советские солдаты.

13 октября 1941 года.

С громким зловещим свистом проносятся бомбы, оглушительные взрывы сотрясают воздух, грохочет артиллерия. Тяжко приходится бойцам, но не падают они духом. Курсант Гаврилов после полученной контузии частично потерял зрение. Не ушел с поля боя, продолжал сражаться. Вот этим мы сильнее врага!!! А курсант Симонов? Сбил самолет, с группой курсантов забросал гранатами немецких саперов, восстанавливающих мост через реку Лужу. Тоже контузило.

Ненависть к врагу так сильна, что, как говорят бойцы, даже трофейные сигареты фашистом пахнут. Нечего их жалеть, ребята... Были б люди, а то...

14 октября 1941 года.

Бои продолжаются. Только что с дежурства вернулись курсанты Никитин и Кореневский. С большим удовольствием пожал им руки. Смутились. А ведь герои. Фашисты решили провести наши войска: переоделись в шинели, которые сняли с убитых курсантов. Думали пронюхать расположение. Надеялись, не пойдем. Врагов в любом обличье

узнаем!

Иду проверять посты».

В этот день у деревни Ивановка немцы устроили самую настоящую «психическую атаку». Шли, как на параде. Впереди колонны ровной линией двигались бронетранспортеры, оглашая все вокруг воем сирен. Д. Панков хорошо запомнил эту жуткую картину 14 октября: «Сидевшие в кузовах солдаты держали портреты Гитлера, плакаты, полотнища со свастикой. Из-за флангов вышли, занимая место в боевом порядке, танки с крестами.

И тогда последовала команда: «По фашистским гадам, огонь!»

Было видно, как упали первые гитлеровцы. Загорелся танк, подбитый полубатареей артиллерийского училища.

Но враг все ближе и ближе.

– Рус, капут! – кричали из колонны. Огонь курсантских винтовок, пулеметов становится интенсивнее. Артиллеристы подожгли еще один танк, будто о невидимую преграду споткнулись два бронетранспортера. Еще некоторое время фашисты двигались на наши позиции, а затем, не выдержав огня, стали пятиться назад».

В этот же день И. А. Авдышев отбивал немецкую атаку несколько раз: «Здесь пошел слух, что мы окружены и Малоярославец уже взят. Это было 14 октября. С позиции нас сняли – один политрук сказал, что есть только одна дорога на Москву, и по ней нас повел. Шли один день и одну ночь. В одной деревне остановились посушиться. Ночью в деревню вошла немецкая стрелковая дивизия. Политрука они расстреляли, а нас забрали в плен.

Нас погнали в Малоярославец – из взвода нас осталось человек 16».

И в этот же день один из командиров подольских курсантов наконец-то допишет свое длинное... письмо: «Очнулся от страшной боли. Кто-то нес меня на себе. Это был курсант Палыгин, который пишет сейчас под мою диктовку. Продержался я на этой войне недолго, жаль!

Еще много во мне сил и знаний, которые пригодились бы в борьбе с врагами. Какая ненависть кипит в крови! Я никогда не был трусом в бою, никогда не поддавался панике, поэтому и смерть встречаю спокойно. Я счастлив, что был бойцом в этой великой битве за Москву, за Родину.

Закрываю глаза и вижу свою улицу, зеленые деревья, цветы в саду, яркие-яркие...

У вас, мои родные, после войны будет жизнь такая же яркая, красочная, как эти цветы, счастливая... За нее умереть не страшно. Наденька, милая, не плачь. Хорошо умирать, когда знаешь, что о тебе

помнят, тебя любят и никогда не забудут.

Алеша! Помни: жить для Родины, для русского свободолюбивого народа, бороться за честь и свободу его – в этом вся прелесть жизни. Ты мой заместитель, мой сынок, с матерью вы одни остаетесь. Не бросай ее, помогай ей – она тебе лучший друг и советчик.

Очень хочу, чтобы ты был настоящим моим сыном, таким, каким бы я хотел тебя видеть... Верю в это...

Через смерть, через небытие я обнимаю вас, мои дорогие, я целую вас как живой и родной вам папка и муж! Прощайте!»

16 октября немцы захватили оборонительные рубежи на Ильинском боевом участке. «Подольское пехотное училище, – сообщалось в оперативной сводке № 118 штаба 43-й армии 16.10.41 к 23 часам. – На участке Подольского военного училища противник силою до двух рот, усиленных автоматами, 8–10 станковыми пулеметами и минометами 15.10 прорвался на участке БОЛ. и МАЛ. ШУБИНКА и занял ЧЕРКАСОВО, совхоз КУДИНОВО. ИЛЬИНСКОЕ, КУДИНОВО удерживается Подольским пехотным училищем. ЧЕРКАСОВО и шоссе зап. ЧЕРКАСОВО удерживается противником».

Но курсанты держались... И это несмотря на то, что «...с выходом из Подольска горячей пищи не получали. До 40 % артиллерии выведено из строя огнем автоматчиков, гранатометчиков и артиллерии. Тяжелая 152-мм артиллерия осталась без снарядов. Эвакуация раненых и подвоз боеприпасов и предметов хозяйственного снабжения прекращены».

Курган Славы с памятником Подольским курсантам. Пос. Ильинское, Калужская область

17 октября командный пункт подольских курсантов был перемещен в Лукьяново. Еще в течение двух дней мальчишки обороняли Лукьяново и Кудиново. В этот день вечером 17 танков противника проскочили на Малоярославец через Черкасово. «Вести борьбу с танками нам было нечем, – свидетельствуют курсанты. – Командование полка решило пропустить танки, а пехоту задержать. Бутылок с КС и керосином у нас не было. Пехоту мы задержали и оттеснили в Черкасово. Танки прошли в Малоярославец и через некоторое время стали проходить обратно». Когда были обнаружены 40 бутылок с КС, тут же организовали группу подрывников. Первый танк удалось повредить при помощи связки гранат, однако все бутылки были брошены неудачно... Все же немцы ушли, утащив за собой на буксире поврежденный танк.

19 октября курсанты были окружены в Кудиново, но сумели выйти из кольца. В этот же день в Москве было объявлено осадное положение. А на следующий день, после приказа командующего 43-й армией, поступившего в 16 часов, оставшиеся в живых мальчишки начали отходить на соединение с войсками, занимавшими оборону на реке Наре.

Командир взвода курсантов И. И. Кривой в своих воспоминаниях подчеркивает: «Не добившись успеха в лобовых атаках вдоль Варшавского шоссе и потеряв до 5 тысяч убитых и раненых солдат и офицеров и около 100 танков, гитлеровцы обошли Ильинский укрепрайон и устремились в наш тыл на Москву.

Подольские училища еще три дня вели боевые действия в полном окружении и только 19 или 20 октября 1941 г. получили приказ на выход из окружения. По лесам, в распутицу, окруженные со всех сторон фашистами, курсанты выходили из окружения, неся на себе многих тяжелораненых своих товарищей и командиров, а также вооружение и боевую технику. В этих боях я впервые услышал залп дивизиона «катюш» и увидел опустошающие результаты его залпов.

23 октября 1941 г. Подольское пехотное училище вышло из окружения и к исходу дня 24 октября 1941 г. возвратилось в Подольск; а в дальнейшем училище маршем ушло в г. Иваново для продолжения учебы, а офицеры, прикомандированные к училищу, были отправлены в распоряжение коменданта г. Подольска».

Из 3,5 тысячи подольских курсантов выжил (примерно) один из десяти. И на сегодняшний день цифры потерь мальчишек неточные: погибло 80 %, погибло более двух тысяч, погибло две с половиной тысячи... Почему? Да, потому что погибшие курсанты были похоронены частью только в декабре, а частью весной и летом аж 1942 года, когда опознать их уже было уже невозможно. Большинство подольских курсантов по документам навсегда остались «пропавшими без вести»! Но ведь они выполнили фактически невыполнимую боевую задачу, продержавшись на указанных им высшим командованием рубежах не пять-шесть дней, а почти целых ТРИ НЕДЕЛИ! И в том числе ОНИ, ПОДОЛЬСКИЕ КУРСАНТЫ, заставили, как говорил маршал М. Катуков, «ЗАБУКСОВАТЬ МОЩНУЮ ВОЕННУЮ МАШИНУ ВРАГА».

Д. Панков пишет: «Более двух тысяч курсантов погибли в тех боях. Среди них были подлинные герои, подвиги которых удивляли даже бывалых воинов.

Рота курсантов во главе с командиром В. Иваниным почти вся полегла на своем боевом рубеже, сражаясь до последнего.

Взвод лейтенанта М. Симкина, находясь в боевом охранении, трое суток сдерживал врага, отбивая атаку за атакой.

Курсант В. Супонин проник в занятое фашистами село и выпустил из хранилища бензин, оставив танки врага без горючего.

Лейтенант А. Мирошниченко, уничтожив немецкого мотоциклиста,

захватил портфель с важными документами 34-й пехотной дивизии врага.

Санитарка пехотного училища М. Карпова осталась в лесу с нетранспортабельными ранеными, чтобы облегчить им последние минуты, и погибла, до конца выполнив свой долг...»

Они все были героями!

В своем, как оказалось, последнем письме командир курсантов предельно откровенно, но в то же время чрезвычайно трогательно напишет своему сыну Алеше: «В минуты затишья так хочется поговорить с тобой, сын. Сейчас глубокая ночь. Сажу в большой избе. Вокруг меня спят мои дорогие товарищи. Они спят в полной выкладке: в шинелях, затянутые в ремни, обнимая винтовку и пулемет; спят так, чтобы по тревоге немедленно, не теряя времени, броситься на оборонительные рубежи. Мне не спится, под тусклым светом ночника пишу тебе эти строки. За столом напротив меня – комиссар. Он так же, как и я, не спит четвертую ночь.

Сегодня особенно много думал о тебе, сынок, хотя не забывал тебя в эти страшные дни ни на минуту.

Москва в опасности. До нее, а значит, и до тебя, Алеша, – около 200 километров. Если удержим врагов на подступе к столице, значит, ты будешь жить, значит, сохраним Родину (а без нее у тебя нет будущего).

Пять дней я был в ужаснейшей переделке, а рядом со мной моя рота, мои курсанты, чуть старше тебя, с детскими лицами, но глазами взрослых, выдавших жизнь людей; необстрелянные, не подготовленные к кочевым военным условиям, они стойко переносят все трудности. Не все ребята вернулись из боя, многие остались лежать в сырой земле. От личного состава осталось 13 человек...

Помнишь, ты часто приходил ко мне в училище и мечтал стать одним из курсантов? Помнишь того рыженького паренька, который восхищал тебя своей выправкой? Веселый был парнишка. В минуты недолгого отдыха он смешил нас, вспоминал ЧП нашего училища и их виновников: танцора Котова, запевалу Королева, Лабушева, тянувшего в строю ногу так, что всегда разрушал этот самый строй. Разорвавшийся фашистский снаряд не пощадил его. Он умер у меня на руках. Пока немцы раздумывали, как сломить оборону курсантов, мы похоронили бойца в березовой роще. Там было светло. Курсант умер, не успев сказать ни единого слова, ничего не передал своей матери и беловолосой маленькой сестренке, похожей на одуванчик в пуху. Он часто показывал нам ее фотографию, хвастался, какой красивой она будет, когда подрастет. Жаль, не увидит он этого.

Эх, молодые! Красивые! Жить да жить! Хочется рваться в бой, но не для славы, не для того, чтобы блеснуть своей храбростью, хочется

разгромить эту фашистскую нечисть, которая заставляет гибнуть молодых. Но как это будет? Ценой скольких жизней?

Больше всего я люблю жизнь, но больше жизни я люблю тебя, мой сын, и твою мамку. И, зная, какой ужас, какие издевательства вас ждут, если победит Гитлер, как будут мучить вас, как будут издеваться над вами, я, любя вас, должен стоять здесь, на передовой, до конца, до победного конца».

Они действительно так думали. Они действительно верили в победу. Они честно, в прямом смысле этого слова, умирали за Родину. И когда с немецких самолетов их забрасывали листовками, призывающими к сдаче в плен, то там можно было прочесть не только откровенную ложь, но и чистую правду: «Доблестные красные юнкера! Вы мужественно сражались, но теперь ваше сопротивление потеряло смысл... Через день-два мы войдем в Москву...» Вот только в нашу столицу фашисты не войдут никогда!

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Воробьев К. Убиты под Москвой. М., 1994.

Кривой И. И. Воспоминания командира московских ополченцев, подольских курсантов. «Дуэль» №, 48, 2008.

Крылов В. Сердюков собирается снести казармы подольских курсантов, 2011. Обозники. Интернет.

Лебедев П. Воспоминания-мемуары одного из курсантов. Ильинские рубежи. Оборона подольских курсантов 06–09 октября 1941 года. Интернет.

Панков Д. Они помогли выиграть время. «Военный вестник», № 5, 1985 г.

Письмо сыну Алеше. Письмо домой одного из командиров училища. Ильинские рубежи. Оборона подольских курсантов 06–09 октября 1941 года. Интернет.

Платонов Б. Это было в 41-м на Березине. «Наука и жизнь», № 7, 2006.

Подвиг подольских курсантов. Фрагменты передачи на радио «Свобода». Интернет, 28 октября 2006 г.

Подольские курсанты – последний резерв Ставки. Ильинские рубежи. Оборона подольских курсантов 06–09 октября 1941 года. Интернет.

Смыслов О. С. Награды Великой Победы. М., 2010.

Смыслов О. С. Генерал Абакумов. Палач или жертва? М., 2012.

Смыслов О. С. Житейская правда войны. М., 2014.

Зоя погубла за счастье...

«Ее задание было поджигать дома»

Еще несколько десятков лет назад Зоя Анатольевна Космодемьянская была символом подлинного героизма советских людей в Великой Отечественной войне. 16 февраля 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ей было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Так она стала первой женщиной, удостоенной этого высокого звания в годы войны. В послевоенное время образ Зои Космодемьянской отражали в художественной литературе, публицистике, кинематографе, живописи, монументальном искусстве, музейных экспозициях. Но пройдет время, и появятся публикации, ставящие под сомнение подвиг русской девушки, ее героизм. Этим самым их авторы еще раз подтвердили давно известное утверждение: и мертвых можно легко втоптать в грязь, потому что они уже никогда не смогут ответить...

Осенью 1991 года «Аргументы и факты» опубликовали статью писателя А. Жовтиса, который якобы пересказал историю, которую услышал от покойного на тот момент писателя Н. И. Анова (Иванова). Анов, собираясь написать повесть о Зое, поехал в Петрищево, где одна учительница «между нами» рассказала ему следующее: «Немцы заняли Петрищево во время общего наступления на Москву. Они назначили старосту и ушли. Староста поддерживал контакт с оккупационными властями, располагавшимися в другом населенном пункте. Однажды ночью в деревне загорелась изба, пожар уничтожил ее дотла. Люди пришли к заключению, что это был поджог, и на следующую ночь выставили караульных. Через день или два поджигатель был пойман с поличным: неизвестная девушка с помощью тряпок, смоченных в керосине, пыталась поджечь другую избу. Зима была суровая, одна семья, потерявшая кров, ютилась у соседей, жители деревни были обозлены и разъярены. Караульные зверски избили девушку, затем втащили ее в избу к Лукерье, а утром староста отправился к властям и доложил о случившемся. В тот же день девушка была повешена прибывшими в Петрищево солдатами спецслужбы... Немцев на постое здесь не было, и, следовательно, не было никаких немецких конюшен, которые, согласно официальной версии, партизанка якобы подожгла. После прихода наших войск многие жители деревни были арестованы и увезены неизвестно куда. Отсюда непроходящий страх оставшихся перед возможными репрессиями...»

По мнению Жовтиса, «трагедия в подмосковной деревушке явилась

результатом того, что, срочно создавая партизанские отряды из готовых к самопожертвованию во имя правого дела мальчиков и девочек, их, видимо, ориентировали на осуществление тактики «выжженной земли».

К слову сказать, Александр Лазаревич Жовтис (1923–1999) – советский и казахстанский писатель, литературовед, переводчик, педагог. Доктор филологических наук, профессор Алма-Атинского университета им. Абая. Член международного ПЕН-клуба. Автор научных исследований в области теории поэтической речи. Переводчик корейской классической поэзии. Родился в еврейской семье адвоката Лазаря Борисовича Жовтиса и его жены Розалии Исааковны. В 1942 году вся семья оказалась в эвакуации в Казахской ССР, где осталась в послевоенные годы.

Пройдут годы, и в декабре 2006-го в зарубежном альманахе «Лебедь» появится еще одно творение – «Мифы войны» («Баллада о школьнице и писателе») В. С. Батшева: «Итак, мы вплотную подошли к одному из популярных мифов советско-германской войны. Заодно мы коснемся и другого.

Что такое миф? Почти всегда он несет с собой не только событие, но и героя.

В нашем случае герой – московская школьница, страдающая психическим расстройством. Перед войной, зиму 1940/41 года, она лечилась от него в психиатрической больнице имени Ганнушкина в Москве.

В воспоминаниях ее матери мы прочтем, какой она была хорошей девочкой, активной пионеркой и комсомолкой, как училась, что читала, какие отметки получала. Но вот попала девочка в больницу (которую мама кокетливо называет санаторием).

Лечил школьницу психиатр Коганович. (Фамилию врача мне любезно сообщил М. Шенкман, за что приношу ему искреннюю благодарность.)

И – о радость! – в больнице лежит любимый писатель школьницы! Автор популярных среди советских школьников романтических книжек про голубые чашки и мальчиков-барабанщиков, про дальние страны и школу мужества.

Писателя доставили в больницу с «белой горячкой». Говорят, что он пил с той поры, как публично отказался от своей арестованной жены. А может, и с того времени, как мальчишкой, но с партийным билетом командовал карательным отрядом, который справлялся с непокорными алтайскими крестьянами. Затем будущий писатель стал командиром полка внутренних войск ВЧК – ОГПУ, но во время боя с повстанцами получил рану в голову, и с тех пор... Да-да! С тех пор, как рассказывали его сын и

внук, будущего писателя стали посещать мальчики кровавые. Но, думаю, это все-таки неправда, а позднейшие литературные напластования.

Странный у нас получается клубок. Не правда ли, читатели? Сплошной узел карательной машины советской страны, психически неполноценных людей (не забудем, что и Сталин, по утверждению академика Бехтерева, страдал паранойей), писатель, школьница...

Так вот, писатель и школьница подружились, насколько могут подружиться два неполноценных человека в условиях психиатрической больницы.

Впрочем, мне их отношения представляются больше отношениями поклонницы и таланта.

Разумеется, писатель много разглагольствовал о судьбе подрастающего поколения, о его путях и судьбах, о предназначении и т. п. Тогда-то, вероятно, в силу обстоятельств он и сказал, что надо и жизнь отдать за идею, если потребуется.

Только не уточнил, кому потребуется.

Они расстались в марте 1941 года, чтобы больше не увидеться. <...>

А школьница?

Да, где же школьница, роман с которой ожидали наши читатели, но намеков на который у меня нет и которых я даже не нашел, как ни старался (а хотелось!).

А школьница «попала под приказ» № 0428.

В октябре она отправилась в городской комитет комсомола и стала требовать, чтобы ее взяли добровольцем на фронт.

Сначала ей отказывали, потом какой-то чекист заметил сумасшедшинку в глазах и предложил ей «специальную работу» в тылу врага.

Надо ли говорить, что школьница немедленно согласилась!

В те дни молодчики Судоплатова добровольно-принудительно сформировали около 20 диверсионных молодежных отрядов под руководством кадровых чекистов. Почти все эти молодые люди, обманутые грязными чекистами, полегли на подмосковных просторах, многие не успев даже один-единственный раз в жизни выстрелить.

В один из отрядов была зачислена молодая девушка, Нина Костерина, дочь писателя Алексея Евграфовича Костерина. Писатель в 1937 году был осужден ОСО и гнил на сталинской каторге. Что же, его дочь не знала о том? Знала. И потому пошла в диверсанты. Руководящие товарищи заявили ей, что только таким образом она сможет облегчить участь отца. Нина

Костерина пишет об этой альтернативе в своем дневнике откровенно – она кладет свою молодую жизнь не за чуждого и ненавистного ей кремлевского людоеда, а за своего отца.

Жертва Нины оказалась напрасной – она погибла при переходе линии фронта, а отец вышел на волю только в 1954 году.

Дневник Нины Костериной, опубликованный в 1960 году в «Новом мире», стал своеобразной литературной сенсацией своего времени.

Но вернемся к московской школьнице. За пару недель молодчики из управления Судоплатова научили стрелять, кидать гранаты, основам топографии и с группой таких же юных энтузиастов по первому снегу перебросили в тыл медленно наступающих немецких войск.

Ее задание было поджигать дома, в которых жили немцы и конюшни, в которых стояли кони немецких солдат. Для этого ей дали три бутылки с зажигательной смесью (который немцы называли «коктейль Молотова») и револьвер системы «наган».

Она попыталась поджечь конюшню – это было просто. Но вышедшие люди заметили ее и сумели погасить пожар. Тогда она убежала.

Но население насторожилось – объявился поджигатель.

Когда на другой день она попыталась поджечь избу, в которой жили солдаты, ее поймали.

Схватили ее простые русские крестьяне, избу которых она хотела спалить и оставить на морозе семью с маленькими детьми.

Крестьяне не могли допустить, чтобы кто-то это сделал. Это была их собственная изба, в которой находились на постое трое немецких солдат.

Немцы стали допрашивать школьницу.

– Кто вас послал? – спросили ее.

– Меня послал Сталин! – закричала она, вспоминая лик своего божества.

– Где Сталин? – удивились немцы.

– Сталин в Кремле! – кричала она в экстазе.

Ее стали бить, но она впала в каталепсию и боли не чувствовала.

По законам военного времени на другой день ее повесили.

В январе 1942 года журналист Петр Лидов приехал вместе с наступающими частями 20-й армии генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова в деревню Петрищево.

– А у нас тут немцы девушку повесили, – рассказал ему кто-то из жителей.

– А как ее звали? – спросил журналист.

– Не знаем, – признались жители. – Может, Катя... Может, Таня...

На другой день на газетных страницах родился миф про героическую русскую девушку, которая призывала советский народ бороться за Сталина. (В психиатрическую больницу имени Ганнушкина немедленно был послан наряд НКВД, который изъял историю болезни З. Космодемьянской. Врачу Когановичу пригрозили сроком за разглашение, и до середины 50-х годов он молчал.)

Дальше – ясно.

Дальше взошла звезда Зои Космодемьянской

Что еще?

Ах, писатель...

Фамилия его была Голиков. Печатался под псевдонимом Гайдар. Аркадий Гайдар.

Вот так.

P.S.

После выхода в 2002 году моей книги «Власов» – нет, не в России, любезные читатели, там ее издавать упорно не хотят, – где приводится эта история, российская газета под соответствующим названием «Московский комсомолец» высказала свое недовольство. Меня обвинили в искажении фактов, в переписывании истории и т. п. (Это было до того, как Путин заявил, что «мы не позволим переписывать историю Великой Отечественной войны».) Но газета на манер всем известной унтер-офицерской вдовы сама себя высекла, опубликовала фотографию Гайдара в сумасшедшем доме (ныне психбольница № 3 им. Ганнушкина).

Новоявленный разоблачитель, Владимир Семенович Батшев, который называет себя русским писателем, родился в 1947 году. В апреле 1966-го был осужден на 5 лет за тунеядство. Отбывал ссылку в селе Большой Улуй Красноярского края. Под давлением издательства «Посев» освобожден уже в 1968-м. С 1968 по 1975 г. участвовал в диссидентском движении. В феврале 1995 г. эмигрировал в Германию. С тех пор оттуда и пишет свои «баллады» (лиро-эпические произведения, т. е. рассказы, изложенные в поэтической форме, исторического или героического характера)...

«Отбирали лучших комсомольцев»

15 октября 1941 года Государственный комитет обороны принял решение о срочной эвакуации из столицы иностранных миссий, Наркоматов обороны и ВМФ, Генштаба и правительства. Видя нередко убегающих начальников, москвичи решили, что город сдают врагу. В Москве началась самая настоящая паника. Ее жители устремились на восток, в городе грабили магазины, избивали эвакуированных начальников, отбирали транспорт. Но были и те, кто в эти жуткие октябрьские дни готовился к уличным боям. Например, многие москвичи записывались в коммунистические, рабочие батальоны, боевые дружины, занимавшие оборону в городе. В каждом районе создавались отряды истребителей танков, парашютистов, подрывников и снайперов.

Комсомолка Зоя Космодемьянская была среди тех, кто остался тогда в Москве. М. М. Горинов пишет: «Во второй половине октября в Москве отбирали лучших комсомольцев для работы в тылу врага. Их вызывали в райкомы, где им вручали путевки. Затем в здании ЦК ВЛКСМ с каждым беседовали секретарь МГК комсомола А. Н. Шелепин и руководители разведывательно-диверсионной войсковой части № 9903. Как вспоминал Д. М. Дмитриев, 26 октября около 30 юношей и девушек вызвали в горком. Разговор в кабинете Шелепина был кратким и жестким. «Родине нужны бесстрашные патриоты, способные перенести самые тяжелые испытания, готовые на самопожертвование, – говорил Шелепин. – Хорошо, что все вы согласились пойти в немецкий тыл сражаться с врагом. Но может случиться, что 95 % из вас погибнут. От фашистов не будет никакой пощады: они зверски расправляются с партизанами. Если кто-то из вас не готов к таким испытаниям, скажите прямо. Никто вас не осудит. Свое желание биться с врагом реализуете на фронте». Однако «отказников» не оказалось. Но брали не всех. У кого-то были нелады со здоровьем (требовалось предъявить медицинскую справку), кто-то слишком нервничал при разговоре, и возникали сомнения, как он поведет себя, если попадет в плен. Поначалу отказали и Зое, выглядевшей слишком юной и хрупкой».

З. А. Космодемьянская

31 октября 1941 года в 9 часов Зоя Космодемьянская вышла из своего дома и направилась напрямик к кинотеатру «Колизей» (ныне театр «Современник»), где был назначен сбор добровольцев, отобранных для действий в тылу врага. А отобрали около 2 тысяч человек. Всех их (девушек и юношей) обучали разведывательному и диверсионному делу только три дня, по ускоренной программе.

Уже через час после приезда, как вспоминала К. А. Милорадова, «начались занятия. В комнату принесли гранаты, пистолеты... Три дня ходили в лес, ставили мины, взрывали деревья, учились снимать часовых, пользоваться картой».

4 ноября первые две группы перебросили в район Волоколамска, где предстояло перейти линию фронта и выполнить специальное задание в пунктах, занятых врагом. Первое задание Зои и ее товарищей стало минирование дороги в тылу противника. Группа выполнила его успешно и без потерь вернулась в часть.

17 ноября Сталин и маршал Шапошников подписали приказ Ставки Верховного главнокомандующего № 0428, в котором говорилось:

«Ставка Верховного главнокомандующего приказывает:

1. Разрушать и сжигать дотла все населенные пункты в тылу немецких войск на расстоянии 40–60 км в глубину переднего края и на 20–30 км

вправо и влево от дорог. <...>

2. В каждом полку создавать команды охотников по 20–30 человек каждая для взрыва и сжигания населенных пунктов, в которых располагаются войска противника. В команды охотников подбирать наиболее отважных и крепких в политико-моральном отношении бойцов, командиров и политработников...»

М. М. Горинов совершенно точно подчеркивает: «В начале 1990-х гг. много писалось о неоправданной жестокости, бесчеловечности данного приказа. Конечно, местных жителей, которые после поджога их домов среди зимы оставались без крова, можно только пожалеть. Но не нужно забывать, что гитлеровцы ставили задачу уничтожить русскую государственность и превратить всех оставшихся в живых русских в бесправных рабов арийской расы. <...>

Русские должны были или победить – любой, самой страшной ценой, – или через какое-то время перестать существовать на этой земле как народ. Третьего было не дано».

Ведь это было самое страшное нашествие, какого еще не знала русская земля за всю свою многовековую историю. Вспомним 1812 год, нашествие Наполеона. Тогда население в 500 тысяч жителей целиком бежало из Москвы. Бежало в чем попало, оставив самое ценное. Город же подожгли. Как позднее рассказывал граф Ростопчин, еще до вступления в Москву неприятеля в разговорах с купцами, мастеровыми и людьми из простого народа ему «приходилось слышать следующее выражение, когда они с грустью заявляли опасение, что Москва может достаться в руки неприятеля: лучше ее сжечь! Во время моего пребывания в Главной квартире князя Кутузова я видел многих москвичей, спасшихся из столицы после пожара, которые хвалились тем, что сами сожгли свои дома».

И еще одно свидетельство: «Москва, из своего пепла восставшая, – говорил один из боевых деятелей 1812 года, – прекрасная, богатая, новою вечною славою великой жертвы озаренная, конечно, всегда будет помнить вместе с целой Россией свои дни скорби и запустения, но помнить с тем, чтобы гордиться ими: ибо пожар ее, над головой вторгнувшегося в нее врага зажженный, если был делом немногих, то был мыслью всех. И с нею вместе обращались в прах и все надежды завоевателя на мир и на победу».

Словом, абсолютно ничего криминального не было в приказе Ставки. Сама наша история тому подтверждение...

По одним данным, 18 ноября, по другим, 20-го командиры диверсионных групп части № 9903 П. С. Проворов и Б. С. Крайнов получили задание сжечь 10 населенных пунктов, среди которых была

деревня Петрищево. Срок на выполнение – 5–7 дней. На задание группы уходили все вместе. Среди бойцов группы Проворова – Зоя Космодемьянская, Вера Волошина, Клавдия Милорадова и другие. В деревне Головково диверсанты наткнулись на немецкую засаду. Началась перестрелка, в ходе которой группы были рассеяны. Часть бойцов погибла, а Вера Волошина тяжелораненой попала в плен. Ее зверски пытали, а потом всю истерзанную повесили.

После неудачного задания остатки диверсионных групп были объединены в небольшой отряд под командованием Крайнова. «В Петрищево, находившееся в 10 км от совхоза «Головково», – пишет М. М. Горин, – они пошли втроем: Крайнов, Зоя Космодемьянская и Василий Клубков. Как вспоминала Клавдия Милорадова, «они вышли из леса. Василий пошел перелеском к школе, Зоя поползла к конюшням, Борис – к штабу. Крайнов видел вспыхнувшее пламя, слышал стрельбу и крики в деревне... Он ожидал их в условленном месте... Ни Зоя, ни Василий так и не вернулись».

Как выяснилось впоследствии, Зое удалось поджечь три дома. Однако после этого она не вернулась на условленное место, а, пересидев день в лесу, на следующую ночь (или, по показаниям одного из очевидцев, через ночь) вновь пошла в село. Именно этот поступок... лежит в основе позднейшей версии о том, будто бы «она самовольно, без разрешения командира направилась в деревню Петрищево». «Без разрешения» она пошла туда только во второй раз. И пошла не «самовольно», а для того, чтобы до конца выполнить данный диверсионной группе приказ – «сжечь населенный пункт Петрищево».

Что же касается конкретно деревни Петрищево, то поджечь ее было необходимо прежде всего потому, что там разместились часть немецкой радиоразведки, которая перехватывала радиопередачи советских войск и устраивала в эфире помехи. Только поэтому требовалось разыскать и вывести из строя узел связи противника. Более того, немцы надежно охраняли деревню, и поэтому все диверсионные группы несли потери и возвращались ни с чем. Не удалось выполнить задание и группе Зои.

«Выждав, когда стемнеет, – продолжает свой рассказ М. М. Горин, – Зоя вновь пошла в деревню. Немцы были настороже. После событий предыдущей ночи староста, два немецких офицера и переводчик собрали сход местных жителей, на котором велели им охранять дома. Некоторым выдали белые повязки стражников, в том числе С. А. Свиридову. У того на квартире стояли 4 офицера и переводчик. Возможно, именно поэтому Зоя направилась к его усадьбе. Когда партизанка стала поджигать сарай с

сеном, Свиридов ее заметил и побежал за немцами. Подразделение солдат окружило сарай. Зоя была схвачена. Свиридову благодарные оккупанты подарили бутылку водки. На основании этих обстоятельств пленения Зои Космодемьянской в начале 1990-х гг. была сконструирована сенсационная версия о том, что в Петрищеве-де не было немцев, а партизанку схватили сами местные жители, дома которых она собиралась поджечь.

Между тем в Петрищеве и сейчас живут очевидцы тех драматических событий. Их возмущает ложь об отсутствии в селе фашистов. «Теперь пишут, – говорила в 1991 г. в беседе с корреспонденткой «Комсомольской правды» Л. Овчинниковой Н. Н. Седова (в 1941 г. ей было 9 лет), – что и немцев-то в Петрищеве не было. Но ведь можно людей спросить. Немцы нас из домов прикладами выгоняли. В каждой избе было их набито. Мама и четверо детей – мы ютились в кухне на соломе».

А. Хинштейн в книге «Подземелья Лубянки» совершенно точно подмечает: «Именно так описывался в советской историографии подвиг Зои Космодемьянской: комсомолка-партизанка, пойманная при поджоге конюшни. В действительности ничего этого не было: ни группы «комсомольцев-партизан», ни конюшен.

А была специальная команда охотников-диверсантов из разведотдела Западного фронта – в/ч 9903. Был приказ Ставки, названный в просторечии «огненной землей»...

И еще – может быть, даже самое главное. Зоя Космодемьянская была схвачена немцами не случайно. Они охотились за ней намеренно, специально, ибо знали, кто она такая и зачем пожаловала в Петрищево...»

Случилось это 28 ноября 1941 года.

«Всего ей дали больше 200 ремней»

Впервые о Зое Космодемьянской написал П. А. Лидов. Его очерк о казни фашистами в подмосковной деревне Петрищево девушки-партизанки под названием «Таня» (тогда еще не было известно подлинное имя Космодемьянской) был напечатан в «Правде» 27 января 1942 года. 18 февраля все тот же Лидов продолжил начатую тему очерком «Кто была Таня». Именно тогда вся страна узнала настоящее имя убитой немцами девушки. Ее по фотографии узнали одноклассники по школе № 201 Октябрьского района Москвы. И чуть позже в редакцию «Правды» принесли фотографии, найденные в кармане убитого немца. На пяти снимках были запечатлены моменты казни Зои Космодемьянской...

Когда Зою задержали, то сначала ее повели в дом Седовых: «Ее привели к нам три патруля, вели ее рядовые. Откуда ее привели, я не знаю. Одета она была в меховом пиджаке коричневого цвета, сапоги у нее были холодные, подшлемник серый. На плечах у нее была сумка, на руках – овчинные варежки зеленого цвета, обшитые брезентом. Я сидела на печке, мама – в кухне. Они открыли дверь и ввели ее. Один держал ее руки сзади... Все трое – немцы. По-русски говорить не умеют. Они ее прижали к печке (один из них взял за грудную клетку и прижал), а двое стали обыскивать. Во время обыска были и другие солдаты, которые жили в хате (15–20 человек). Они были в другой комнате и смеялись... Сняли сумку зеленого цвета (рюкзак) и поставили возле печки. Потом сняли сумку с отделениями для бутылок, которая висела через плечо. В этой сумке нашли 3 бутылки, которые открыли, нюхали, затем положили обратно в чехол. Затем нашли у нее под пиджаком на ремне наган, который рассматривали.

Я слезла с печки и ничего больше не видела. Как говорит моя сестра Нина (8 лет), которая осталась сидеть на печке, ее раздели, раздевали ее трое... Осталась она в защитных теплых брюках, в носках и белого цвета кофточке с воротничком. Обыскивали и раздевали, ей вопросов не задавали, а переговаривались между собой и ржали. Потом старший из них (погоны и 2 кубика) скомандовал: «Русь, марш», и она повернулась и пошла со связанными руками... Больше я ничего не знаю, куда их повели. При допросе переводчика не было. С ней не разговаривали, вопросов ей не задавали. При обыске она стояла с опущенной головой, не улыбалась, не плакала, ничего не говорила», – свидетельствовала девочка Валя Седова, 11 лет.

Ее мать к рассказу дочери лишь добавила: «Привели ее вечером, часов в 7 или 7.30. Немцы, которые жили дома у нас, закричали: «Партизан, партизан»... Держали ее у нас минут 20. Слышно было, как ее били по щекам – раз пять. Она при этом молчала. Куда увели ее, не знаю. Волосы у нее короткие, черные, завитые, красивые, чернобровая, лицо продолговатое, красивая девушка, губы толстенькие, маленькие».

Затем Зою Космодемьянскую перевели в дом Ворониных. В нем размещался немецкий штаб. А. П. Воронина, женщина 67 лет, расскажет: «...Привели ее после Седовых. Я топила печь. Смотрю – ведут. Они мне кричат:

– Матка, это русь, это она фу – сожгла дома.

Она при этом молчала. Ее посадили возле печки. Привели ее 5 человек, и еще у меня были немцы – 5 человек. Когда ее обыскивали, то меня позвали и сказали:

– Вот, мать, чем дома подождены.

Показали ее бутылки, и опять повесили ей на плечи... Мне они приказали лезть на печку, а дочь посадили на кровать.

Начальник стал спрашивать по-русски:

– Ты откуда?

Она ответила:

– Я из Саратова.

– Куда ты шла?

– На Калугу.

– Где ты фронт перешла? – Весь ответ я не расслышала.

– Прошла я фронт за 3 дня.

– С кем ты была?

– Нас двое было. Вторая попала в Кубинке.

– Сколько ты домов сожгла?

– Три.

– Где ты что еще делала?

Она сказала, что больше ничего не делала. Ее стали после этого пороть. Пороли ее 4 немца, 4 раза пороли ремнями... Ее спрашивали и пороли, она молчит, ее опять пороли. [В] последнюю порку она вздохнула:

– Ох, бросьте пороть, я больше ничего не знаю и больше ничего вам говорить не буду.

Когда пороли, то начальник несколько раз выходил из комнаты и брался за голову (переживал). А те, кто порол, ржали во время порки. Всего ей дали больше 200 ремней. Пороли ее голой, а вывели в нижней рубашке. Крови не было...

Держала она себя мужественно, отвечала резко. Привели ее к нам часов в 7 вечера. Была она у нас часа три... При допросе переводчик не присутствовал. Он появился тогда, когда ее вывели. Был он минут 10 и ушел. Когда я у него спросила, что с ней будет, он ответил, что завтра часов в 10 будет виселица. Немцы прибежали (человек 150), смотрели и смеялись. Куда ее увели, я не знаю. Увели ее от нас часов в 10 вечера...»

Уже избитую Зою перевели в следующую избу. Молодая женщина П. Я. Кулик, 33 лет, вспомнит: «Откуда ее вели, я не знаю. В эту ночь у меня на квартире было 20–25 немцев, часов в 10 я вышла на улицу. Ее вели патрули – со связанными руками, в нижней рубашке, босиком и сверху нижней рубашки мужская нижняя рубашка. Мне они сказали: «Матка, поймали партизана».

Ее привели и посадили на скамейку, и она охнула. Губы у нее были черные-черные, испекшиеся и вздутое лицо. Она попросила пить у моего мужа. Мы спросили: «Можно?» Они сказали: «Нет», и один из них вместо воды поднял к подбородку горящую керосиновую лампу без стекла. Но затем разрешили ее попить, и она выпила 4 стакана. Посидев полчаса, они ее потащили на улицу. Минут 20 таскали по улице босиком, потом опять привели. Так, босиком, ее выводили с 10 часов ночи до 2 часов ночи – по улице, по снегу босиком. Все это делал один немец, ему 19 лет. Потом этот 19-летний улегся спать, и к ней приставили другого. Он был более сознательным, взял у меня подушку и одеяло и уложил ее спать. Немного полежав, она попросила у него по-немецки развязать руки, и он ей руки развязал. Больше ей руки не связывали. Так она уснула. Спала она с 3 часов до 7 часов утра.

Утром я подошла к ней и стала с ней разговаривать.

Я спросила:

– Откуда ты?

Ответ – московская.

– Как тебя зовут? – промолчала.

– Где родители? – промолчала.

– Для чего тебя прислали?

– Мне было задание сжечь деревню.

– А кто был с тобой?

– Со мной никого не было, я одна.

– Кто сжег эти дома в эту ночь (а в эту ночь она сожгла три жилых дома, где жили немцы, но они выбежали)?

Она ответила:

– Сожгла я.

Она спросила:

– А сколько я сожгла?

Я ответила:

– Три дома, и в этих дворах сожгла 20 лошадей.

Она спросила, были ли жертвы? Я ответила, что нет. Она сказала, что вам нужно [было] давно уехать из деревни от немцев. При беседе были немцы, но они не знают русский язык.

Утром она у меня просила дать во что-нибудь обуться. Немец спросил у нее: «Где Сталин?» Она ответила: «Сталин на посту». И после этого отвернулась и сказала: «Я больше с вами разговаривать не буду». Переводчика еще [не] было. Жгла она дома. Дома сожгла граждан: Кареловой, через три дома – Солнцева и через два дома – Смирнова. Я с ней говорила минут 15–20. Затем мне сказали: «Уходи». Я пошла топить печку. Ее перевели на нары. Она легла, и опять приходили сотни немцев (это было утром, в 8 часов). Они смеялись. Она молчала, смотрела на них.

Часов в 9 утра пришли 3 офицера, переводчик и стали ее допрашивать, а меня, мужа выгнали на улицу. В доме, кроме немцев, никого не было. Я вышла в соседнюю избу. О допросе ничего не знаю. Допрашивали ее часа полтора.

Когда пришли офицеры, то она сказала: «Вот ваши немцы оставили меня раздетой, оставили меня в рубашке и трусах». Ноги и таз у нее были избитыми, синими-синими.

Когда я с ней говорила, она мне сказала: «Победа все равно за нами. Пусть они меня расстреляют, пусть эти изверги надо мной издеваются, но все равно нас всех не расстреляют. Нас еще 170 миллионов, русский народ всегда побеждал, и сейчас победа будет за нами».

В 10 часов 30 минут ее вывели из дома на улицу. Вышла вместе с офицерами, ее держали 2 немца под руки, так как она шаталась. Одета она была в ватные темно-синие брюки, в темной рубашке, носках серых, на голове ничего, и повели к виселице. Расстояние от нашего дома до виселицы – 4 дома. Вели до виселицы под руки. Я ушла, не дождалась даже, пока доведут ее до виселицы, так как не могла смотреть на эту картину».

О том, что было дальше, рассказал ее муж В. А. Кулик, 39 лет: «... Вывели ее из дому, при этом было человек 100 немцев только при нашем доме, а всего их было очень много: и пешие, и конные. Между виселицей и домом, в этом расстоянии, ей повесили табличку (на которой было написано по-русски и по-немецки «Поджигатель»). До самой виселицы вели ее под руки. Шла ровно, с поднятой головой, молча, гордо. Довели до

виселицы. Вокруг виселицы было много немцев и гражданских. Подвели к виселице, скомандовали расширить круг вокруг виселицы и стали ее фотографировать... При ней была сумка с бутылками. Она крикнула: «Граждане! Вы не стойте, не смотрите, а надо помогать воевать! Эта моя смерть – это мое достижение». После этого один офицер замахнулся, а другие закричали на нее. Затем она сказала: «Товарищи, победа будет за нами. Немецкие солдаты, пока не поздно, сдавайтесь в плен». Офицер злобно заорал: «Русь!»

«Советский Союз непобедим и не будет побежден», – все это она говорила в момент, когда ее фотографировали...

Потом подставили ящик. Она без всякой команды стала сама на ящик. Подошел немец и стал надевать петлю. Она в это время крикнула: «Сколько нас ни вешайте, всех не перевешаете, нас 170 миллионов. Но за меня вам наши товарищи отомстят». Это она сказала уже с петлей на шее. Она хотела еще что-то сказать, но в этот момент ящик убрали из-под ног, и она повисла. Она взялась за веревку рукой, но немец ударил ее по рукам. После этого все разошлись. Возле виселицы в течение 3 дней стояли часовые – 2 человека... Повесили ее в центре села, на перекрестке дорог, на виселице, которая была в 50 м от домов, посреди слободы».

3. А. Космодемьянская перед казнью. 1941 г.

Окоченевшее тело Зои висело в Петрищеве целый месяц. Немецкие солдаты, проходившие мимо, нередко развлекались с ним: тыкали палками под обший и гнусный смех. Под Новый год, перепившись шнапса, они в очередной раз окружили виселицу, стащили одежду и стали колоть тело ножами. А потом отрезали грудь. Только вечером 1 января переводчик приказал спилить виселицу, и юное тело зарыли под березой в мерзлой яме на отшибе деревни.

Уже потом, на следствии, выяснится, что Зою Космодемьянскую истязали не только немцы. Одна из жительниц Петрищева избивала ее руками, а другая злобно кричала: «Бей! Бей ее!», оскорбляя последними словами. Потом, когда уже Зою привели на виселицу, одна из них на глазах всех ударила девушку по ногам деревянной палкой, продолжая оскорблять измученную и приговоренную к смерти.

Кстати сказать, женщины, участвовавшие в избиении Космодемьянской, будут приговорены к высшей мере наказания. Сам же факт избиения будет засекречен на долгие десятилетия.

«Реабилитации не подлежит»

Но вернемся немного назад и вспомним, что Зоя Космодемьянская отправилась на задание не одна. Их было трое: старший группы и два бойца. Борис Крайнов вернулся один. Зою поймали немцы. Но был еще третий – Василий Клубков, который тоже не вернулся, и судьба его оставалась неизвестной до поры до времени...

Красноармеец Клубков появился для всех как-то неожиданно. Ровно через четыре дня после присвоения Зое звания Героя Советского Союза – 20 февраля 1942 года. И где? В штабе разведотдела Западного фронта. Его совершенно случайно встретил кадровый разведчик Абрамов, проходивший службу в той же части № 9903. Абрамов проговорил с Клубковым всю ночь напролет и заподозрил неладное. На следующий день с бойцом пообщался командир подполковник Спрогис и передал его офицеру особого отдела капитану Селиванову. 28 февраля 42-го Клубкова арестовали. Так началось следствие, которое длилось меньше месяца, но проводилось весьма тщательно и с соблюдением всех необходимых в этом случае формальностей. Примечательно, что только посмертное присвоение звания Героя Советского Союза Зое Космодемьянской заставило должностных лиц заняться делом Клубкова. До этого события о нем почему-то забыли.

Первым делом как свидетель был допрошен Борис Крайнов:

«Вопрос: Когда Космодемьянская была направлена в тыл немцев и с кем?»

Ответ: В конце ноября 1941 года Космодемьянская, Клубков Василий Андреевич и я были направлены в тыл немцев со спецзаданием. Старшим группы был я.

Вопрос: Где и при каких обстоятельствах вы оставили Космодемьянскую?»

Ответ: Перейдя линию фронта, я, Космодемьянская и Клубков направились поджечь деревню Петрищево. Я приказал направиться каждому в отдельности, с определенной стороны.

После того как был подожжен участок деревни, отведенный Космодемьянской и мне, я явился на сборный пункт, где ожидал часов 10 времени, но ко мне не явились ни Космодемьянская, ни Клубков. Клубков своего задания не выполнил, его участок деревни подожжен не был...

Вопрос: Какие были взаимоотношения между Клубковым и

Космодемьянской?

Ответ: Взаимоотношения Космодемьянской с Клубковым были обостренные; почему-то они все время ругались, даже за всякую мелочь.

Вопрос: Какое настроение Клубкова было в момент направления его на задание?

Ответ: На задание Клубков шел неохотно, один идти не хотел и пошел только лишь под моим нажимом...

Вопрос: Возвратившись из плена, Клубков рассказывал вам что-либо о Космодемьянской?

Ответ: Клубков, возвратившись из плена, в разговоре со мной ничего о Космодемьянской не рассказывал и ее судьбой не интересовался, даже не спросил у меня, где она и что с ней». Этот факт особенно заинтересовал следователей.

Первую свою объяснительную записку Клубков написал 21 февраля. Тогда в ней он указал следующее: «В конце ноября, 26–27, по приказанию Крайнова я, Космодемьянская Зоя и он, Крайнов, ночью подожгли деревню. Я поджег один дом, где ночевали немцы. На других участках я увидел 2 зарева. После того, как я побежал на сборный пункт в лес. В лесу были немцы, которые набросились на меня и взяли в плен». Затем он изложил обстоятельства своего пленения и побега из него: «Утром 27-го меня повезли в штаб в Можайск. Допрос не проводили, а посадили в амбар. Ночью 28.11.1941 мы проломали пол и бежали. Двадцать девятого, заночевав в стогу соломы, пошел на Москву. В пути меня задержали немцы и повезли в лагерь в гор. Можайск, где находились около 2000 человек.

В лагере я пробыл до 12 декабря 1941 г., откуда поездом повезли в Смоленск. 16 числа прибыли в Смоленск и разместились в лагере военнопленных. В начале января перевели на работу на ж-д, где грузили уголь. Проработал 6 суток и сбежал. Снова начал пробираться к Москве.

В г. Оболгино на 9–10-е сутки (16–20 января) нас задержали полицейские и привели к старосте села. В этих же числах (число не помню) через 2–3 часа на машине отправили в Смоленск. Я спрыгнул из кузова и пошел по направлению к Москве. <...> 20 февраля я прибыл в Москву». А в самом конце Клубков указал: «О Зое Космодемьянской я ничего не знаю с тех пор, как разошлись для поджога деревни, занятой немцами».

А. Хинштейн в своей книге обращает внимание на следующий факт: «Нехитрая арифметика: если верить словам Клубкова, за четыре месяца он трижды бежал из плена. Это в лютые-то морозы! Избитый и полуголый!» И тут же поясняет: «Подобным везением может похвастаться только какой-нибудь герой Жюль Верна. Целые дивизии – да что дивизии! Армии! –

оказываются в плену. Не возвращается практически никто. И только Клубков, словно птица Феникс, неизменно возрождается из пепла».

Латыш полковник Артур Карлович Спрогис (1904–1980) в годы Великой Отечественной войны был начальником штаба латвийского партизанского движения и командиром войсковой части № 9903 (уполномоченный Генштаба по организации активной разведки на Западном фронте). Впоследствии начальник диверсионно-разведывательной школы.

Личность весьма колоритная. Во время Гражданской войны в Испании был военным советником 14-го армейского корпуса (под именем майора Артуро), где организовал взрыв порохового завода франкистов. Герой романа «По ком звонит колокол» Эрнеста Хемингуэя, который писал о совместном рейде со Спрогисом: «И все, чему меня обучал Спрогис, он сам взял от него – Яна Карловича Берзина. Многие из нас погибли, так и не узнав, кому они обязаны своим кодексом разведчика, своими навыками, своей выучкой...»

За несколько месяцев до смерти он передал свою записную книжку с именами разведчиков, которых он лично готовил и отправлял в тыл врага, бывшей разведчице Елизавете Паршиной. В той книжке есть данные и о судьбе всех разведчиков. Есть там и такая запись: «Клубков Василий А. (группа Проворова). Предал Зою». Как вспоминала Е. Паршина, Спрогис ей рассказал, «что Клубков сопровождал Зою на операцию и должен был подстраховать ее. Он был схвачен немцами первым, не подал Зое сигнала тревоги и проявил крайнюю трусость, подтвердив ее принадлежность к партизанской группе при очной ставке. Его показания должны находиться в Смерше. Через два месяца после гибели Зои он явился к Спрогису и сказал, что при аресте ему удалось сбежать и что он скрывался в лесу. Спрогис «расколол» его в течение десяти минут, так как одежда Клубкова исключала возможность прятаться в лесу хотя бы несколько дней – он был одет по-осеннему, когда на улице уже давно была зима».

Дальше с Клубковым работали особисты. Им и пришлось ломать его красивую и необидительную легенду. А это, как известно, дело времени...

3 апреля 1942 года состоялось закрытое судебное заседание Военного трибунала Западного фронта по обвинению красноармейца в/ч 9903 Клубкова В. А., 1923 г.р., уроженца деревни Богородицкое Чернявского района Рязанской области. На суде Клубков рассказал все как было в надежде на смягчение приговора:

«26 ноября 41-го года я с группой красноармейцев Крайновым и Космодемьянской получил задание перейти линию фронта в тыл немецких

войск в дер. Пепелище, поджечь дома, в которых были размещены немецкие войска.

27 ноября в деревне Пепелище я разошелся с Крайновым и Космодемьянской, пошел один в деревню, где размещен штаб немецких войск, а Космодемьянская и Крайнов пошли поджигать с другой стороны деревни дома, в которых также были немецкие войска.

Не доходя дома, где был размещен штаб немецких войск в дер. Пепелище, я был замечен немецкими солдатами. Чтобы не задержали меня, я побежал в лес, но навстречу мне из лесу вышло 3 немецких солдата и задержали меня. Солдаты привели меня в тот дом, который я хотел поджечь. Это был штаб немецких войск. Немецкий офицер меня начал допрашивать, с какой я части, чем часть занимается и где она расположена, зачем я пришел и с кем. Я немецкому офицеру рассказал, что я вместе с Крайновым и Космодемьянской прибыл по заданию разведотдела Зап. фронта с диверсионными заданиями, сказал, где находится штаб Западного фронта и РО. Я отвечал немецкому офицеру, и все то, что я знаю, рассказал ему. Через несколько минут после моего допроса привели в штаб к немецкому офицеру Космодемьянскую. Немецкий офицер спросил меня, знаю ли я эту девушку. Я сказал офицеру, что это Зоя Космодемьянская, прислана вместе со мной с заданием диверсионного характера. Немецкий офицер в присутствии меня начал допрашивать Космодемьянскую, но Космодемьянская ничего офицеру не отвечала. Когда Зою начали избивать, то последняя сказала: «Убейте меня, но я ничего не скажу». Зою раздел офицер наголо и избивал ее до потери сознания, после чего ее вынесли из штаба, и я больше Зою не видел. Офицер у Космодемьянской спрашивал, откуда она, с кем пришла и для чего, но Космодемьянская ничего так офицеру и не ответила.

Когда Зою Космодемьянскую без сознания вынесли из помещения, то мне офицер сказал: «Ты будешь теперь нашим разведчиком». Я согласился стать немецким разведчиком, и через 2–3 дня я был направлен на курсы разведчиков в Красный Бор. Это под гор. Смоленском. Прошел десятидневные курсы разведчиков-диверсантов с 20 декабря 1941 года по 3 января 1942 года, которые окончил с оценкой «хорошо». Я получил задание перейти линию фронта и в тылу Красной армии собрать следующие сведения:

1) Установить, сколько разведотдел Зап. фронта готовит для переброски в тыл немецких войск диверсионных групп, куда они должны будут пойти и с каким заданием.

2) Собрать сведения о расположении частей Красной армии в районе

Борятино, их вооружение и численность.

3) Устроиться в разведотделе на работу и вместе с отправляющимися группами в тыл немецких войск прибыть и передать собранные сведения немецкому офицеру, а также рассказать, кто и куда пошел из участников диверсионных групп и с какими заданиями.

Когда я прибыл на территорию Красной армии, то задание, полученное от немецкого офицера, я выполнять не хотел.

Перешел линию фронта я 7 января 1942 г. и был задержан красноармейцами. Меня доставили в штаб одной дивизии, где я рассказал о том, что я вышел из окружения, а свою принадлежность к немецкой разведке я скрыл. Я был направлен на пересыльный пункт в гор. Москву. В гор. Москве я встретил одного знакомого из разведотдела Зап. фронта, который меня взял в РО. Но в разведотделе я был арестован 23 февраля 1942 г.».

В своем последнем слове подсудимый заявил: «Я признаю себя виновным в предательстве Зои Космодемьянской и в измене своей Родине. Свою вину осознал и прошу суд сохранить мне жизнь». Однако Военный трибунал Западного фронта «приговорил Клубкова Василия Андреевича на основании ст. 58–1 п. «б» УК РСФСР к высшей мере уголовного наказания – расстрелу, без конфискации имущества за отсутствием». Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал и был приведен в исполнение 16 апреля 1942 года.

Пройдут десятилетия, и в Главной военной прокуратуре России возьмутся за пересмотр «Уголовного дела НН-1644», по которому напишут следующее заключение: «Преступные деяния военнослужащего Красной армии Клубкова, сообщившего немцам сведения, составляющие военную и государственную тайну, выдавшего им красноармейца Космодемьянскую и ставшего агентом немецкой разведки, правильно квалифицированы по ст. 58–16 УК РСФСР как измена Родине... В связи с этим Клубков Василий Андреевич реабилитации не подлежит».

Доказательств этому оказалось более чем достаточно.

«Она была выносливой и терпеливой»

Зоя Анатольевна Космодемьянская родилась 13 сентября 1923 года в селе Осиновые Гаи (также Осинов Гай, или Осиновые Гаи – «осиновая роща») Тамбовской области. К слову сказать, Космодемьянские – это старинный род священников, которые служили в православных храмах Тамбовской губернии. Сама же фамилия происходит от имен двух почитаемых в народе святых – Козьмы и Демьяна (Космы и Дамиана). Они прославились не только своими лекарскими талантами, но еще и тем, что никогда не брали за это платы.

Дедушку Зои, священника Знаменской церкви села Петра Иоанновича Козьмодемьянского, вывели из дома в роковую ночь с 26 на 27 августа 1918 года. Все это происходило на глазах жены и трех младших детей. Священника избили до полусмерти, а потом, привязав за руки к седлу, проволокли по селу и сбросили в Сосулинские пруды. Только весной тело обнаружили: «было оно неиспорченным и имело восковой цвет» и похоронили на кладбище вблизи церкви Знамения. Старожилы рассказывали, что будто бы перед смертью Петр Иванович говорил о каких-то двух ангелах, что придут, но и уйдут, так и не сумев заблудших людей образумить.

Отец Зои Анатолий Иванович Космодемьянский учился в духовной семинарии, но обучение не окончил. Женился он на местной учительнице Любви Чуриковой. Но в 29-м началась коллективизация, и вся семья отправилась в Сибирь. По одним данным, Космодемьянские бежали туда, спасаясь от доноса. Примерно через год благодаря хлопотам сестры матери Зои, служившей в Наркомпросе, Космодемьянские переехали в Москву. Анатолий Иванович до переезда в столицу сменил несколько мест работы, в Москве устроился в Тимирязевскую академию. Вскоре семье выделили квартиру. Но семейное счастье длилось недолго. В 1933 г. отец Зои умер. В. Креславский называет несколько причин этой смерти: «Сведения о причинах его смерти довольно противоречивые. По одним, он скончался от туберкулеза, но тогда почему о болезни не было известно раньше? По другим, умер Космодемьянский от какой-то инфекции, полученной на работе... Третья версия гласит, что сведения о непролетарском происхождении Космодемьянских дошли и до Москвы, и, чтобы отвести репрессии от близких, Анатолий покончил жизнь самоубийством». Однако существует свидетельство, что отец Зои умер после операции на

кишечнике.

В школе Зоя училась весьма прилежно. Особенно она увлекалась историей и литературой. Ее мечтой был Литературный институт. В своей жизни она «искала высоких человеческих чувств, благородных порывов, идеальных стремлений». Кто знает, но, может быть, эта возвышенность души досталась Зое от своих предков-священников? Этот поиск человеческого совершенства. Этот поиск чистоты и справедливости. Иначе откуда все это?

«Зоенька, не суди людей так строго, – писала Космодемьянской свое пожелание на новый, 1939 год ее одноклассница. – Не принимай все так близко к сердцу. Знай, что почти все люди эгоисты, льстецы, неискренние и полагаться на них нельзя. Слова, сказанные ими, оставляй без внимания».

Прочитав эту записку, Зоя тогда отчетливо сказала:

– Если так думать о людях, то зачем жить?

А вскоре осознание этой горькой истины привело ее к первому в ее жизни нервному срыву.

В 1938 году ее избрали комсомольским группоргом. Избрали в расчете на то, что лучше других преуспевающая в литературе и истории, но отстающая по математике, на ответственной работе обязательно подтянется. Однако отнимающая огромное количество времени общественная работа не помогла Зое. Зато привела к острейшему конфликту с одноклассниками. И во второй раз Зою не переизбрали. Как вспоминал В. И. Белокунь, «эта история очень нехорошо подействовала на Зою. Она стала как-то постепенно уходить в себя. Стала менее общительной, больше полюбила уединение. В 7-м классе за ней еще чаще стали замечать, как нам казалось, странности... Было заметно: что-то накапливает у этой девушки. Она не находила себе места, но не с кем было поделиться, некому было открыть душу.

Из девочек близких подруг после ссоры не было, а из мальчиков оставался один брат Шурик, которого она хотя и очень любила, но задумчиво поговорить боялась – мог не понять. Мы тоже не понимали эту девушку, и она не могла среди нас найти себе друга. Слишком загадочными были для нас ее молчание, всегда задумчивые глаза, а порою некоторая рассеянность. И непонятная Зоя становилась еще непонятнее. В середине года мы узнали от ее брата Шуры, что Зоя больна. Это произвело сильное впечатление на ребят. Решили, что в этом виноваты мы».

По свидетельству Любви Космодемьянской, «Зоя болела нервным заболеванием с 1939 г., когда переходила из 8-го в 9-й класс... У нее... было нервное заболевание по той причине, что ее ребята не понимали. Ей

не нравилось непостоянство подруг: как иногда бывает, сегодня девочка поделится своими секретами с одной подругой, завтра – с другой, эти поделятся с другими девочками и т. д. Зоя не любила этого и часто сидела одна. Но она переживала все это, говорила, что она – одинокий человек, что не может подобрать себе подругу».

В 1940 году Зоя перенесла острый менингит, после которого проходила реабилитацию в санатории по нервным болезням в Сокольниках, где познакомилась и подружилась с лежавшим там же писателем Аркадием Гайдаром.

Мать Зои об этом свидетельствует следующее: «...При переходе из 9-го в 10-й класс в 1940 г. Зоя болела менингитом в острой форме. Сначала врачи говорили, что надежды на выздоровление нет, но она попала к профессору Маргулису, который спас ее... Врачи даже удивились, когда ее выписывали из больницы. Она терпела такие болезненные уколы в спинной мозг! Зоя была в памяти и говорила, что уколы были очень болезненными. Она была выносливой и терпеливой... В санатории по нервным болезням в Сокольниках (где она приходила в себя после менингита) Зоя дружила с одной медсестрой».

Из санатория, в котором Зоя находилась с 24 января по 4 марта 1941 г., ее выписали с заключением: «По состоянию здоровья больная приступить к учебе может, но без утомления и перегрузки». Хоть до конца учебного года и оставалось меньше трех месяцев, все же она смогла окончить 9-й класс средней школы.

После болезни ее хорошо встретили одноклассники. Сама же она рассказывала своей матери: «Даже как-то удивительно хорошо, как-то бережно. Как будто я после болезни стала стеклянная и вот-вот разобьюсь... Нет, правда, было очень приятно видеть, что мне рады».

Примечательно, что после развала Советского Союза «болезнь» Зои стала краеугольным камнем в обосновании ее подвига. Злые языки и подлые души очень легко нашли тому объяснение. Так вот почему она выдержала нечеловеческие пытки, воскликнет обыватель. Потому что «страдала острой формой шизофрении и лежала перед войной в сумасшедшем доме». Но все это по меньшей мере махровая ложь.

А вот что рассказала мать Зои о дружбе дочери с А. Гайдаром: «Катались вместе на коньках, ходили на лыжах, вместе пели песни по вечерам и разговаривали о прочитанных книгах. Зоя читала ему свои любимые стихи, и он сказал мне при встрече: «Она у вас великолепно читает Гете»...

В другой раз, незадолго до отъезда из санатория, Зоя рассказала:

«Знаешь, мама, я вчера спросила: «Аркадий Петрович, что такое счастье? Только, пожалуйста, не отвечайте мне, как Чуку и Геку: счастье, мол, каждый понимает по-своему. Ведь есть же у людей одно, большое, общее счастье?» Он задумался, а потом сказал: «Есть, конечно, такое счастье. Ради него живут и умирают настоящие люди. Но такое счастье на всей земле наступит еще не скоро». Тогда я сказала: «Только бы наступило!» И он сказал: «Непременно!»

На прощание Гайдар подарил Зое на память свою книгу, на титульном листе которой написал хорошо ей знакомые слова из повести «Чук и Гек»: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовется Советской страной».

Что же касается болезни Гайдара, то и здесь существует много домыслов и банальной грязи. Аркадий Гайдар ушел на фронт в 14 лет. На войне он стрелял и убивал. Отдавал жестокие приказы. А в 19 лет его демобилизовали или, попросту, выкинули на улицу. У него нет ни образования, ни профессии. А еще тяжелейшие последствия контузии, мучившие внезапными приступами безумной головной боли. Эта боль приходила всегда внезапно, и тогда у Гайдара начинал заплетаться язык и не слушались ноги. В таких случаях резался бритвой, чтобы болью перешибить боль...

Аркадий Петрович Гайдар во время Великой Отечественной войны находился в действующей армии в качестве корреспондента «Комсомольской правды». Написал военные очерки «У переправы», «Мост», «У переднего края», «Ракеты и гранаты». После окружения в сентябре 1941-го частей Юго-Западного фронта в районе Умань – Киев Аркадий Петрович Гайдар попал в партизанский отряд Горелова, где был пулеметчиком. Погиб он недалеко от села Лепляво Каневского района 26 октября 1941 года.

Младший брат Зои – гвардии старший лейтенант Александр Космодемьянский, командир батареи самоходных артиллерийских установок – погиб в 20 лет при штурме Фирбруденкруга в Земландии 13 апреля 1945 года. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза, как и родной сестре. А в 46-м в Осиных Гаях снова была открыта церковь. Как подчеркивает В. Креславский, «... она почти не пострадала – все, вплоть до серебряных подсвечников, было возвращено сельчанами в храм. На могиле отца Петра поставили крест со склоненными у его подножия двумя ангелами. И сельчане не сомневаются, что, умирая,

священник предвидел мученическую смерть своих собственных внуков».

И действительно, мать Зои Любовь Тимофеевна вспоминала, что ее малолетнюю дочурку в Осиных Гаях односельчане сравнивали с ангелочком... Что означает «вестник», «посланец», дух, выражающий волю Бога и обладающий сверхъестественными возможностями. Не зря же Библия называет ангела служебным духом. И правда, есть над чем задуматься и нам...

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Батшев В. С. Мифы войны. «Лебедь», № 504, 3 декабря, 2006.

Горинов М. М. Зоя Космодемьянская. «Отечественная история», № 1, 2003.

Жовтис А. Уточнения к канонической версии. «Аргументы и факты», № 38, 1991.

Креславский В. Правда о Зое и Шуре. «Наше время», № 19, 2006.

Легенды Великой Отечественной. Зоя Космодемьянская. 13 апреля 2005. СМИ.Ru. Интернет.

Литовская М. Преждевременная война Аркадия Голикова. Аркадий Гайдар. Виртуальный музей. Интернет.

Лубянка в дни битвы за Москву. По рассекреченным документам ФСБ РФ. Составители: Виноградов В. К., Жадобин А. Т., Жилев В. И., Марковчин В. В., Перемышленникова Н. М., Сигачев Ю. В. М., 2002.

Москва прифронтовая. 1941–1942 гг. Составители: Тесемникова Н. А., Кудрявцев И. И., Месяц И. С. М., 2001.

Фырнин М. Подвиг Москвы. Отечественная война 1812 года. Известные и малоизвестные факты. «Знание – Сила». М., 2012.

Хинштейн А. Подземелья Лубянки. М., 2005.

ЦА ФСБ РФ. Арх. № Н-16640. Л. 66–70.

Генерал Доватор – живая легенда

«Обстоятельства гибели»

Его именем названы улицы в Москве, Ставрополе, Новосибирске, Иркутске, Казани, Челябинске, Ростове-на-Дону, Витебске, в других городах и даже в Израиле!

В 2001 году во Владикавказе одна из крупнейших улиц города – 40 лет Победы – была переименована в проспект его имени.

Во время Великой Отечественной войны в его честь называли советскую военную технику. Один из именных танков Т-34–76 был поднят поисковым отрядом «Арьергард» в 2001 году в Псковской области.

Его именем был назван трехпалубный теплоход 588-го проекта. В настоящее время переименован в «Арабеллу».

В белорусском городе Витебске каждый год проводят Республиканский турнир по греко-римской борьбе его имени...

Говорят, перед своей гибелью Лев Михайлович Доватор отпустил своего последнего коня. Генералу было всего 38, когда недалеко от населенного пункта Палашкино, что находится в 12 километрах от Рузы, его буквально прошило пулеметной очередью. Он стоял в полный рост...

Это случилось 19 декабря 41-го, когда советские войска уже перешли под Москвой от оборонительных сражений к контрнаступлению. В тот день он осматривал местность перед боем: «Казачи находились за спиной командира – в метрах 700. Генерал отпустил коня и снял бурку, которая на фоне заснеженного поля и редких деревьев была хорошей мишенью».

Как вспоминает дочь генерала Рита Львовна, накануне, за день до трагедии, Доватор получил шифровку от командующего Западным фронтом Жукова: «В этой шифровке Жуков сообщал, что он отцом недоволен, поскольку считал, что тот топчется на месте. По воспоминаниям очевидцев, это сообщение очень расстроило отца, он находился в подавленном состоянии. Но понятно и желание командующего как можно быстрее выгнать немцев из наших деревень».

Бывший командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал армии И. А. Плиев так описывал смерть Доватора: «...После я узнал обстоятельства гибели Доватора и Тавлиева. 19 декабря, в то время когда 3-я и 4-я дивизии втянулись в бой с вражескими заслонами на берегу реки Рузы, штаб корпуса, двигаясь в голове 20-й дивизии, находившейся во втором эшелоне, вышел по лесной тропе на шоссе Волоколамск – Руза, в районе Захряпина.

Доватор выехал с Тавлиевым на опушку леса и заметил в районе Дьякова движение пехоты и обозов противника.

– Михаил Петрович, – обратился он к Тавлиеву, – развертывай быстро дивизию – и рысью в обход. Артиллерию выводи на прямую наводку к деревне Захряпино.

Пока полки подходили и развертывались для боя, Доватор приказал комендантскому эскадрону атаковать Захряпино. Вражеские автоматчики оказали ожесточенное сопротивление. Оставив комендантский эскадрон на месте, Доватор повел 20-ю кавдивизию на деревню Палашкино.

На подходе к этой небольшой, немногим более десятка дворов, деревне разведчики доложили Доватору, что ее гарнизон начал отход. Прошло не менее часа, прежде чем командир корпуса и сопровождающие его офицеры управления 20-й кавалерийской дивизии достигли реки Рузы. Доватор, очевидно, решил, что этого времени вполне достаточно, чтобы фашисты удрали из Палашкина. Не уточнив обстановку, Доватор направился по санному пути через реку Рузу. Он благополучно преодолел ее и углубился в перелесок, за которым на открытом заснеженном пространстве лежало Палашкино. За ним последовали командир дивизии Тавлиев и остальные офицеры. Ничто не выдавало присутствия в селе гитлеровцев. Но стоило группе показаться из перелеска, как из крайних домов полоснул сильный пулеметный огонь. Доватор упал. К нему бросился его адъютант Тейхман и не добежал. Пуля сразила и кинувшегося к генералу старшего политрука Карасева. А недалеко впереди лежал убитый подполковник Тавлиев. Многие смельчаки, пытавшиеся вынести своих командиров, погибли.

Когда я подъехал к Палашкину, уже начало смеркаться. Но с опушки я все же увидел тела погибших. Они лежали совсем близко. С наступлением темноты мы вынесли их с поля боя...»

Немецкий историк Пауль Карель в своем труде также не обошел стороной смерть русского генерала-кавалериста: «252-я пехотная дивизия – дивизия «Дубовый лист» из Силезии – оказалась в числе тех соединений, которым пришлось пробиваться с боями к реке Руза. Эта дивизия сумела отомстить казакам Доватора и заставить генерала заплатить за свою победу самой высокой ценой – собственной жизнью.

19 декабря 1941 года 252-я дивизия перешла реку Руза севернее города с тем же названием. Но туда прибыл и Доватор. Он не хотел выпускать 252-ю дивизию (вермахта) из сжимавшихся тисков. Генерал приготовился развернуть решающую атаку... Бой завязался между двумя маленькими селами Дьяково и Палашкино...

День выдался серым и холодным. Когда уже совсем рассвело и утро переходило в день, начался легкий снегопад... Снежное покрывало ложилось на трупы лошадей, разбитую и брошенную технику и погибших в боях солдат...

1-й эскадрон Доватора поскакал из леса... За село Толбухино, вниз к реке. В этот момент застрочили немецкие пулеметы.

Эскадрон немедленно рассеялся, всадники слетели с коней и попадали в снег. Атака не удалась.

Это разозлило генерала Доватора. Вместе с комполка майором Линником он поскакал по проселку на север по шоссе... Там находились головные части 20-й дивизии...

Эскадроны поскакали галопом. Но не успели они выехать из леса, как попали под мощный пулеметный огонь... Спешившие всадники из советского 22-го кавалерийского полка были прижаты к земле...

– Надо помочь им выбраться!.. – закричал генерал. Он вытащил из кобуры пистолет, передернул затвор и большими, похожими на прыжки шагами побежал к реке. Его адъютант, политрук штабного эскадрона, дежурный офицер и штабной охранник побежали за ним.

Менее 20 метров отделяло генерала от прижатых огнем противника на середине реки кавалеристов. Тут с правого конца села застрочил немецкий пулемет. Доватор остановился как вкопанный, точно чего-то внезапно испугался, затем тяжело опустился на наст... Адъютант подбежал к генералу. Но пулемет не смолкал. Немецкий ефрейтор не снимал пальца со спуска. Фонтанчики снега там, где падали пули, помогали солдату прицеливаться. Он сразил и адъютанта... Очередь зацепила также и полковника Тавлиева, рухнувшего рядом с командиром корпуса...

Политрук Карасев подбежал к Доватору и приподнял его. Но тут на снегу вновь заплясали фонтанчики, и пули настигли политрука. Мертвый, он повалился на лед.

Наконец двум лейтенантам удалось подползти к генералу. Под непрекращающимся пулеметным огнем они вытащили своего генерала...»

По мнению дочери Доватора Риты Львовны, «версий обстоятельств гибели отца от неожиданной, буквально расстрельной пулеметной очереди почти столько, сколько рассказчиков о ней. Самое странное, что не было очевидцев – они были убиты вместе с ним. Это случилось в разгар битвы за Москву, когда войска Западного фронта под командованием Г. К. Жукова севернее и южнее столицы развивали контрнаступление. Доклад Жукова Сталину о гибели Доватора лаконичен: «19 декабря 1941 года в районе деревни Палашкино (12 километров северо-западнее г. Руза), во время

атаки, после проведенной личной рекогносцировки убиты командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-майор товарищ Доватор и командир 20-й кавалерийской дивизии подполковник Тавлиев. Во временное командование корпусом вступил командир 3-й гвардейской дивизии генерал-майор товарищ Плиев. Тела Доватора и Тавлиева направляются в Москву. Учитывая особые заслуги и большую личную храбрость, ходатайствуем о присвоении тов. Доватору посмертно звания Героя Советского Союза. 19 декабря 1941 г. Жуков, Булганин».

«Лесник»

Лев Михайлович Доватор родился 20 февраля 1903 г. в деревне Хотино Витебской губернии. Белорус. Учился в церковноприходской школе. В 14 лет уехал в город Витебск, где устроился рабочим на льнопрядильную фабрику. После Октябрьской революции с головой окунулся в водоворот ее событий. В 21-м окончил школу 2-й степени, а в 22-м был направлен в партийную школу, после окончания которой стал председателем Хотинского комитета бедноты (1923), занимаясь организацией товарищества по совместной обработке земли. В Красную армию вступил в 1924-м и сразу же был аттестован на младшего командира: проходил службу при штабе 7-й кавалерийской дивизии Западного военного округа в Минске, где занимал должность заведующего складом. С февраля по июнь 25-го обучался на военно-химических курсах в Москве. По окончании был назначен химическим инструктором и временно исполняющим должность командира химического взвода 7-й кавдивизии. С осени 26-го – курсант Борисоглебско-Ленинградской кавалерийской школы. После выпуска, с октября 1929-го, – командир взвода 27-го кавалерийского полка 5-й кавалерийской дивизии. Через четыре года назначен политруком 1-го кавалерийского полка 1-й колхозной кавалерийской дивизии в пограничный с Монголией городок Троицкосавск. С мая 35-го – комиссар отдельного разведывательного батальона 93-й стрелковой дивизии. Ровно через год в звании капитана направлен на учебу в Военную академию РККА им. Фрунзе.

22 ноября 1938 г. Доватор пишет очередную автобиографию, где подчеркивает: «За границей не был. Под судом и следствием не находился». Однако А. Осокин и А. Корняков уточняют: «Во-первых, это не соответствует действительности, а, во-вторых, вопреки тогдашним нравам, скорее именно пребывание за границей спасло Доватора от ареста, ибо многие его товарищи по учебе были репрессированы в 1937–1938 гг. Нигде так и не сказано, зачем, когда и куда он ездил. Но его близкие все поняли и так. Вдруг стал учиться завязывать шнурки на ботинках. Эта наука давалась ему с трудом, ведь он никогда в жизни не носил ботинок – только сапоги. Потом он на полгода уехал в дальнюю командировку, и семья регулярно получала от него письма, не имевшие обратного адреса и почтовых штемпелей на конверте. Были они теплыми, но довольно похожими: «жив-здоров, много работы, люблю-целую». Позже выяснилось,

что, как и у других, побывавших в Испании, письма были написаны заранее, а потом их регулярно подкладывали под дверь – чтобы семья не волновалась. «Потом отец вдруг вернулся и привез всем заграничные подарки: мне – курточку с невероятно длинной молнией и плиссированную юбку; маме – отрез коричневого шелка, из которого она сшила вечернее длинное платье, – вспоминает Рита Львовна. – Себе же он вез и не довез набор патефонных иголок, но оказалось, что их ввоз в СССР был запрещен, поэтому перед досмотром он высыпал их в море, осталась только красивая коробочка с картинкой собаки, слушающей граммофон».

Зато у него вдруг появилась штатская одежда – рубашки, брюки, пиджак и даже несколько галстуков. Правда, хорошо завязывать на них узел он так и не научился, что видно на фото, сделанном в выходной день на борту речного трамвайчика. Позже как-то он обмолвился, что на родину плыл морем, что их судно бомбили фашистские самолеты, и даже показывал, как это происходило, используя утюг в качестве корабля. Судя по всему Доватор был в Испании, куда многих слушателей академии отправляли на полгода на стажировку. Судя по ставшей известной позже его кличке Лесник, Доватор был в группе «товарища Альфреда» (Станислава Алексеевича Ваупшасова), старшего военного советника командарма 14-го Партизанского корпуса. Группа, работая со спецшколами 14-го корпуса и сама участвуя в боях, «обучала рядовой и офицерский состав корпуса подрывному и диверсионному мастерству, разрабатывала планы боевых операций, перебрасывала партизанские отряды в тыл вражеских войск. В их обязанности входило и обеспечение безопасности членов Политбюро ЦК Испании». Доватор изучал и тактику применения франкистами в боях марокканской кавалерии, которая превосходила республиканскую как по численности, так и по тактике. Оказалось, что марокканская кавалерия добивалась значительных успехов в боях только в сочетании с мотопехотой, бронемашинами и мотоциклами с пулеметами. Такие части там назывались «быстрыми», и, возможно, именно они дали Доватору подсказку будущих рейдов, позволяющих эффективно использовать кавалерию в современной маневренной войне. Во всяком случае, вскоре после его возвращения из Испании тяжелые кавалерийские корпуса Красной армии стали расформировываться».

Л. М. Доватор

Академию Л. М. Доватор окончил с красным дипломом, получив назначение сначала начальником штаба кавалерийского полка (январь 1939 г.), а затем начальником штаба 1-й отдельной особой кавалерийской бригады имени Сталина Московского военного округа (ноябрь 1939 г.). «Об этом периоде его службы вскользь упоминают, но не объясняют, что это элитарная бригада, возможно, даже «кремлевская», – комментируют это назначение А. Осокин и А. Корняков. – Она происходила из Первой конной армии, считавшейся кузницей сталинских военных кадров, и не случайно носила его имя. 17 ноября 1939 г., в день 20-летия Первой конной, была награждена орденом Красной Звезды. Она всегда была на виду, ходила на парады на Красной площади (в 1940 году Доватор дважды даже возглавлял колонну кавалеристов), снималась в кино. Располагалась в Хамовнических казармах, напротив находились конюшни, учебное поле и манеж, где шли занятия по верховой подготовке и джигитовке. В них Доватор был подлинным мастером, поэтому его во главе лучших кавалеристов даже привлекали к съемкам конных эпизодов фильмов, которые порой велись и на учебном поле кавдивизии». <...>

«Высшее начальство страны, в котором особое место занимали ветераны Первой конной, любило бывать в Особых полку и бригаде, для них устраивались показы верховой езды и вольтижировки, а Доватору то и

дело приходилось показывать свой высший класс. Тем более что Доватор с семьей жили в особняке рядом с казармами. По торжественным дням и датам комбриг Калмыков любил устраивать парады, порой даже с «покраской травы» – когда через трафареты опилки манежа раскрашивались и превращали его в огромный цветной ковер или плакат с призывами или поздравлениями. Любили «конармейцы» также посещать «выезды», т. е. полевые учения и маневры дивизии. Приезжали и они, и другое высокое начальство на тренировки в манеже – и мастеров посмотреть, и самим посидеть в седле. Завсегдатаем манежа был обожавший коней Василий Сталин, от которого Доватору порой приходилось просто прятаться. Все это очень напрягало Доватора, но имело и положительную сторону – вся часть и ее молодой начальник штаба должны были постоянно находиться в полной форме и в полной боевой готовности. И находились».

Что же касается участия Л. М. Доватора в картине «Александр Невский» (дублирование главного героя), то впервые об этом поведал в начале семидесятых известный писатель В. Б. Шкловский. Близкий друг Эйзенштейна, он хорошо знал великого советского режиссера на протяжении многих лет и внимательно следил за его творчеством. Однажды Шкловского спросят: «На чем основывается его утверждение о том, что Черкасова дублировал Доватор?» И писатель ответит: «Мне рассказывал об этом Сергей Михайлович Эйзенштейн...»

Но впоследствии выяснится, что все было не совсем так. Об этом рассказал генерал К. Г. Калмыков, один из непосредственных участников тех событий. Именно он восстановил все подробности съемок знаменитой сцены «Ледовое побоище»: «Съемки батальных сцен в «Алекサンドре Невском» были очень сложны. Трудность заключалась в том, что на крошечном участке нужно было по всем правилам военного искусства разыграть «Ледовое побоище», эпизод, который потом в фильме займет около сорока минут – время колоссальное. Потрудиться нам пришлось тогда немало. Все шло хорошо, пока снимали статичные планы Черкасова. А когда приступили к батальным сценам, выяснилось, что кавалерист из нашего любимого актера, наверное, не получился бы. И если на крупных планах, как, скажем, в сцене въезда Невского в Псков, снимался сам Черкасов, то в батальных эпизодах мы, конечно, не рискнули сажать его на лошадь.

Кто его дублировал? Нет, не Доватор. У нас хватало других забот. Я был консультантом у Эйзенштейна, Доватор готовил войска к съемкам, работал он с увлечением, съемки ему нравились, но в кадре его нет. Да и не

мог он дублировать Черкасова по одной простой причине: слишком разного роста они были. Ну, Черкасова вы представляете, а Доватор – среднего роста.

Дублера для трюковых съемок – драки, скачки – мы отыскали в массовке. Им оказался один из наших кавалеристов – молодой старший лейтенант, обладавший прекрасным ростом, великолепной фигурой, посадкой. Звали его Бучилев. Мы рискнули: на одной из съемок подменили Черкасова – сняли на общем плане дублера, посмотрели на экране, никто не заметил нашей «хитрости». А дальше уже снимался в сложных сценах Бучилев. Кстати, в знаменитой сцене поединка русского князя с магистром в роли противника Александра тоже снимался наш офицер, Сурков. Войну он закончил генералом танковых войск. Прекрасно тогда справились со своей задачей наши кавалеристы. К сожалению, потом судьба разбросала нас на долгие годы в разные стороны и мы уже не встречались».

«Все задачи главнокомандующего выполнил»

Накануне войны, в марте 1941 года, Лев Михайлович Доватор был назначен начальником штаба 36-й кавалерийской дивизии. Новое соединение было сформировано на базе 1-й Особой кавалерийской бригады МВО и базировалось вблизи западной границы. Молодой и перспективный начальник штаба дивизии хоть и проживал в городе Волковыске, однако частенько приезжал в Москву по делам. Готовилась к переезду и его семья. А. Осокин и А. Корняков рассказывают: «С каждым приездом все мрачнее становились его прогнозы о неизбежной войне. Несмотря на это, семейные сундуки с вещами были упакованы и отправлены на запад. Сохранилось удостоверение от 1 июня 1941 г. на проезд всей семьи в Волковыск. Рита Львовна утверждает, что где-то на учениях вблизи границы отец простудился и во второй половине июня лежал с острым радикулитом в военном госпитале в Серебряном переулке на Арбате. Внезапно мать получила телеграмму из Волковыска от его нового командира дивизии генерал-майора Зыбина: «Лев Михайлович семью не привозите тчк квартира занята». Семья считает, что это был условный знак для того, чтобы не везти семью навстречу неизбежной войне. Мы же считаем, что и лечение в госпитале, и эта телеграмма были прикрытием задержки Доватора в Москве для поручения ему спецзадания в случае немецкого нападения, что и произошло».

Началась война, а уже к концу июня 3-я и 2-я танковые группы противника соединились восточнее Минска и отрезали пути отхода 3-й и 10-й армиям, отходившим от Гродно и Белостока. Войска этих армий и части 6-го кавалерийского корпуса, куда входила 36-я кд, были окружены в районе Налибокской пущи. Остатки их выходили из окружения мелкими группами через реки Неман и Березина в Полесье. Многие погибли, а те, кто остался в тылу, развернули партизанскую борьбу с оккупантами. 6 июля 36-я кавдивизия была расформирована. Лев Михайлович Доватор в первые дни войны находился на лечении в госпитале в Москве и только поэтому к своей дивизии добраться не смог. В июле 41-го его зачислили в распоряжение командующего войсками Западного фронта. Именно в этом качестве он участвует в обеспечении переброски войск фронта через р. Днепр в районе поселка Красный Смоленской области.

Речь идет о Соловьевой переправе, одной из пяти переправ на реке Днепр, через которые поддерживали коммуникации с тылом, а затем

выходили из окружения 16-я и 20-я армии во время Смоленского сражения. В середине июля Соловьева переправа, в сущности, была единственным местом, через которое велось материально-техническое обеспечение войск Западного фронта в районе Смоленска. Оборону переправы осуществлял специальный сводный отряд полковника А. И. Лизюкова.

Вот что писал о значении Соловьевой переправы немецкий генерал Гюнтер Блюментрит: «...Самым значительным из них было сражение в районе Смоленска, где была окружена большая группировка русских. Две полевые армии... удерживали три стороны котла, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцева. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские вырвались из кольца окружения и ушли на восток...»

И действительно, за Соловьеву переправу бои шли ежедневно. Немцы бомбили ее жестоко под вой сирен. А однажды немцы перехватили горловину мешка в районе переправ через Днепр, но через несколько часов отряд Лизюкова отбросил и уничтожил противника. Это было 27 июля 1941 года. К слову сказать, тогда в боях нашим войскам помогала экспериментальная батарея «катюш» под командованием капитана И. А. Флерова.

24 июля 1941 г. генерал-адъютант главнокомандующего Западным направлением генерал-майор Белокостков подпишет наградное представление на начальника штаба 36-й кавдивизии, находящегося в распоряжении Главкома Западного направления полковника Доватора Льва Михайловича к ордену Красного Знамени. В нем говорится: «В период боев с германским фашизмом с 11 июля полковник ДОВАТОР выполнял ответственные задачи главнокомандующего по передаче оперативного приказа соединениям, а также по доставке боеприпасов на передовые позиции.

16 июля, выполняя приказ главнокомандующего, обнаружил мотомехотряд противника,двигающийся к Красному (Смол. обл.). Полковник Доватор организовал разрозненные части и с ними ударил по врагу и выбил его из Красного.

Несмотря на сложную боевую обстановку, полковник ДОВАТОР все задачи главнокомандующего выполнил полностью и в срок».

Комментируя это награждение, А. Осокин и А. Корняков пишут: «10 июля немцы начали наступление на Смоленск. Что же на следующий день было поручено полковнику Доватору, потребовавшее не просто доставки им соединениям приказов Сталина, но и боеприпасов для их выполнения? Какими силами он смог это сделать? Мы вспомнили об одном невероятном

награждении, произошедшем в это же время: командиру 57-й танковой дивизии полковнику Мишулину в один день были присвоены звания Героя Советского Союза и генерал-лейтенанта танковых войск (минуя звание генерал-майора)! И произошло это... 24 июля 1941 г., т. е. в тот самый день, когда было подписано представление на Доватора. Мало того, они оба воевали на Западном фронте и даже в одних местах. А за два дня до этого был подписан Указ о присвоении звания Героя Советского Союза капитану-танкисту Кадученко – зам. командира батальона танков Т-34 в 57-й танковой дивизии Мишулина. Совершенно очевидно, что все трое участвовали в какой-то важнейшей боевой операции, порученной лично Сталиным. Ответ появился совершенно неожиданно – в книге А. Глушко «Первопроходцы ракетостроения» приведено фото сотрудников РНИИ, награжденных за создание «катюши», где рядом с получившим звезду Героя Соцтруда Костиковым стоит в новенькой генеральской форме также получивший звезду героя Мишулин...

Проведенное нами расследование показало, что причиной всех этих наградений стал успешный первый боевой залп ракетных установок М-13 («катюш»), произведенный 14 июля 1941 года батареей капитана Флерова по скоплению железнодорожных составов на станции Орша-Товарная. Вероятно, там рядом с составами с немецкой техникой, боеприпасами и горючим оказались и советские составы с секретным оружием – ракетными установками, которые в последние предвоенные дни перебрасывались на запад для участия в совместной советско-германской антибританской операции. Теперь же их надо было уничтожить. И не просто для того, чтобы секретное новейшее оружие не досталось врагу, а еще и потому, что в это время в Москве Сталин вел переговоры с послом Англии Криппсом о подписании соглашения о совместных действиях в войне против Германии. Немцы же, захватив советские ракетные установки, могли предъявить этот факт англичанам (как готовившиеся к удару по Англии) для того, чтобы сорвать подписание англо-советского соглашения. Для уничтожения этих эшелонов и была послана батарея капитана Флёрова – 7 пусковых установок М-13 на шасси ЗИС-6 с огромным количеством машин сопровождения (170!), которая прорвалась в тыл противника и, двигаясь навстречу железнодорожным составам, разыскивала среди них назначенные для уничтожения. При этом она дошла уже до Борисова. Но разыскиваемые составы были обнаружены в Орше, куда и перенацелили батарею Флерова. Вот каким, скорее всего, было «ответственное поручение» Сталина Доватору: в условиях начавшегося немецкого наступления он должен был прорваться в штаб 16-й армии и получить

танковое и пехотное прикрытие для сопровождения батареи Флерова в передвижении по тылам противника. Затем после выполнения задачи вывести батарею на территорию, занятую советскими войсками. Все это было выполнено в период 11–16 июля. Это подтверждают и даты на сохранившихся в семье Доваторов письмах отца: «7 июля 41 г. Смоленск. Я доехал благополучно... Адрес пока неизвестен», «10 июля 41 г. ...Письма буду писать на почту до востребования...». Значит, он выехал из Москвы уже после выступления Сталина по радио и его возвращения к делам, т. е. мог получить особое задание и полномочия даже лично от него.

Стоит отметить еще один факт. 15 июля, т. е. на следующий день после первого залпа батареи Флерова, был разгромлен батальон 52-го немецкого химического полка, причем это осуществил «при совместной атаке тяжелых и легких танков огнемётный танковый батальон» (перечисленный состав наших сил совпадает с тем, которым располагали Доватор, Мишулин и Кадученко). В тот же день был нанесен удар снарядами РС-82 по «немецкому десанту» в районе Рудни. С 20 июля советские радио и газеты заговорили о разгромленном под Ситно немецком химполке, утверждая, что при этом захвачены немецкие секретные документы, из которых следовало, что немцы готовились применить химическое оружие по Турции. Чем это было вызвано? Возможно, в одном из составов на станции Орша находились химические снаряды совместного германо-советского производства, поэтому Сталин решил срочно сделать акцент на немецком химическом оружии, что и было выполнено.

Непонятно только, почему столь по-разному была оценена вождем эта боевая работа Доватора, Мишулина и Кадученко. Еще менее понятно, почему никак не был отмечен командир батареи М-13 капитан Флеров, который лишь в 1960 году был представлен к званию героя, но наградили его только в 1963 г. орденом Отечественной войны 1-й ст. (посмертно). Лишь в 1995 г. ему было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации».

«Место командира на фронте»

С августа 1941-го Л. М. Доватор командовал кавалерийской группой (в составе 50-й и 53-й кавалерийских дивизий, укомплектованных кубанскими, терскими и донскими казаками), которая в ноябре была переименована сначала в 3-й кавалерийский, а затем во 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Именно за умелое управление частями кавгруппы при совершении рейдов по тылам противника и ведении оборонительных боев на р. Межа (при этом было уничтожено свыше 2,5 тысячи солдат, 9 танков, 200 автомашин и несколько штабов противника) в ходе Смоленского сражения Л. М. Доватору было присвоено звание «генерал-майор» (11 сентября 1941 г.).

«Нам кажется, – рассказывают об особенностях боевой работы Доватора А. Осокин и А. Корняков, – что на самом деле главное задание его кавгруппе на каждый конкретный рейд выглядело несколько неожиданно (в штуках), сколько снарядов и какого типа он должен привезти. Это подтверждают обнаруженные нами наградные листы июльского представления Доватора и двух его подчиненных орденом Красного Знамени, где указана в качестве одной из выполненных ими задач доставка боеприпасов (Доватору) и огнеприпасов (Картавенко и Ласовскому). Масштабы, в которых тогда вывозились боеприпасы, можно представить по аналогии с подобной операцией 7-го мехкорпуса – когда за один день 2 июля его силами из Лепельских складов в части корпуса было доставлено 200 тысяч 45-мм и 76-мм снарядов (на следующий день такая же колонна погибла). Склады были мало того что секретными, но еще и тщательно замаскированными. Так что первой задачей кавгруппы Доватора было незаметно проникнуть или с боем прорваться (первое предпочтительнее) через линию фронта в тыл врага. Второй – выйти по карте на намеченный склад и обнаружить его. Третьей – захватить склад и организовать предписанный вывоз боеприпасов. Все, что возможно, раздать местным партизанам. Все, что невозможно вывезти, уходя, взорвать. С наименьшим шумом дойти до линии фронта и проскользнуть через нее либо прорваться с боем. Отсюда еще одно предположение, объясняющее особые военные успехи рейдов группы Доватора. Мы полагаем, что, подвозя со складов ракетные снаряды, Доватор добился права использовать их при необходимости. А после их успешного применения добился получения (или даже сам заказал для рейдов) несколько перевозимых во вьючном

варианте пусковых установок для ракетных снарядов РС-82.

Это позволяло ему в случае невозможности захватить склад – уничтожить его массированным ракетным ударом с расстояния в несколько километров. Вот где слились все образования и боевой опыт Доватора – химика, лихого кавалериста и разведчика-аналитика. Вот почему он стал первым в Красной армии кавалеристом, использующим ракетные установки. Так что его кавгруппа шла в атаку на немецкие части не только с саблями, вот чем и он, и его боевые результаты отличались от других кавалеристов, в том числе и использующих рейдовую тактику».

В своих воспоминаниях не пройдет мимо личности Льва Михайловича и Д. Ортенберг – генерал-майор, известный военный журналист и главный редактор «Красной Звезды»: «Боевая слава Доватора загрела еще в дни Смоленского сражения. На рассвете 28 августа под его командованием сводная кавалерийская группа кубанских, донских и терских казаков общей численностью 3500 сабель прорвала оборону противника и вышла в район Демидов – Духовщина. Перед Доватором была поставлена задача дезорганизовать тылы 9-й немецкой армии. Казаки совершали дерзкие налеты на тыловые гарнизоны противника, громили его штабы, нарушали линии связи, взрывали склады и мосты на важнейших коммуникациях. Их боевая деятельность не на шутку переполошила неприятельское командование. Последовали грозные приказы о непременном окружении и уничтожении группы Доватора. Для этого противнику пришлось в разгар боев под Ельней снять с фронта до двух пехотных дивизий, 40 танков, значительное количество бомбардировщиков и штурмовой авиации. А цель так и не была достигнута. Кавгруппа выскользнула из готового уже сомкнуться кольца и относительно благополучно вновь перешла линию фронта, вернулась к своим.

Наши корреспонденты Хирен и Милецкий перехватили Доватора у самой линии фронта. Хирена он знал хорошо, и беседа о рейде сразу, как говорится, пошла на лад. Только в ходе ее Доватор все время почему-то очень пристально приглядывался к Милецкому. Наконец узнал и его. При этом вначале сердито свел брови, но тут же и рассмеялся:

– Что, опять будете критиковать?

Оказывается, они встречались до войны в казармах Московского гарнизона. Доватор, тогда еще подполковник, служил начальником штаба кавбригады. Милецкий побывал в этой бригаде в качестве корреспондента «Красной Звезды», обнаружил там какие-то недостатки и написал о них довольно резкую корреспонденцию. Вот о ней и вспомнил Доватор при новой встрече с Милецким. Тот пустился было в объяснение, но Лев

Михайлович прервал его дружески:

– Ладно, ладно. После войны сочтемся...»

Совсем недавно в Центральном архиве Министерства обороны были обнаружены свидетельства очевидцев, непосредственно знавших генерала Доватора. Отрывки этих воспоминаний были опубликованы в газете «Тверская жизнь»:

«Когда появлялся Доватор, у немецких генералов двоилось в глазах, и им один казак-доваторец казался за десятерых. Снова, как в былые времена, звучали на военных дорогах панические крики – «казаки». Снова острый клинок и меткая пуля поражали насмерть иноземных захватчиков. Только в состоянии страха можно было издать приказ, извещающий немецкие войска о том, что у них в тылу действуют 18 тысяч казаков. На самом же деле у Доватора было всего три тысячи бойцов.

14 августа конная группа получила задачу: прорвать оборону противника в районе Подвязье – Устье и провести рейд по коммуникациям и тылам шестой немецкой армии, действовавшей на центральном направлении удара по Москве. Цель дивизии – прорвавшись в тыл врага, разрушать коммуникации, уничтожать штабы, живую силу, запасы, связь, сея панику среди фашистских войск.

Готовя группу к сложной боевой задаче, полковник Доватор оставался жизнерадостным и веселым, но вместе с тем требовательным. Правда, для хорошего казака у него всегда были теплые слово и веселая шутка.

Часто в конце дня на биваке в темноте он беседовал с бойцами и офицерами, разъясняя задачу каждого в предстоящей операции. Готовя свою группу к рейду, Доватор не раз вспоминал знакомый ему эпизод из литературы Отечественной войны 1812 года.

Однажды, во время отступления русской армии, из-под ног Дениса Давыдова, предводителя русских партизан, поднялся большой русак. Прижав длинные уши, он метнулся вправо. Многие кинулись ловить его. Русак прыгал туда и сюда... Неожиданно он выскочил из-под сотни протянутых к нему рук и пропал в поле. Этот эпизод явился как бы прообразом будущих действий денисовских партизан, которые тогда, перед Бородинским сражением, еще только готовились к своим подвигам в тылу Наполеона.

О таком неуловимом отряде мечтал и Доватор. Такого требовал от своих помощников. Вот маленький пример. Старшина Ковалев, боясь упустить мельчайшие подробности подготовки к бою, хозяйским глазом оглядывал эскадрон. Вдруг лицо его изменилось, глаза сузились, он почти шепотом от гнева обратился к молодому казаку: «Попов, почему стремена

не обернуты тряпкой?» Тот заторопился, исправляя упущенное. Ему стало не по себе – как он забыл об этом? Конечно, вроде бы мелочь, но ведь звон стремян мог выдать замысел всей дивизии.

Ночь перед наступлением стояла спокойная. Спокойная во фронтовом понимании – тихо подтягивались эскадроны к переднему краю на исходное положение; слева – артиллерийская канонада; следы трассирующих пуль разрисовывают августовское небо карнавальным фейерверком – это 47-й полк отвлекает немцев на себя. Над равниной поднимается густой туман, скрывая приготовившиеся к атаке полки.

Утром предстоял прорыв на участке Подвзяье – Устье. Разведка доложила сведения о переднем крае противника, намеченном для прорыва, – расположении третьего батальона 430-го немецкого пехотного полка.

Атака была настолько стремительной и неожиданной для врага, что фашисты не успели сообразить, что случилось, – они были смяты, раздавлены и оглушены разрывами гранат, рассеяны штыковым ударом. Лишь спустя некоторое время немцы из глубины своей обороны бросили резервы и открыли артиллерийский огонь. Но бой был в пользу казаков. Преследуемые конными эскадронами немцы в панике начали отход, третий батальон 430-го пехотного полка немцев был уничтожен полностью, не ушел от казачьей пули и его командир, майор Шульц.

До восьми раз бросались немцы в контратаки из Устья, Шихотова, Подвзяья, пытаясь замкнуть брешь в своей обороне, но фланги группы стояли крепко. Коноводы подали лошадей, эвакуировали в свой тыл раненых, и только тогда Доватор приказал эскадронам оставить обороняемые фланги. Оторвавшись от противника, казаки ушли в Трунаевский лес и 24 августа перед рассветом рассредоточились у деревень Заболотная, Трунаевка, Малиновка, Никулино, превращенных в отдельные пункты оборонительной полосы немцев.

Выждав момент, когда на большаке Ильино – Суровцево поток машин и танков стал минимальным, полковник Доватор приказал минировать дорогу с севера и юга, создав для атаки ворота в 15 км.

Этот большак служил коммуникацией, питающей передовые части немцев. Движение по нему было непрерывным. Два дня шли эскадроны, не встречая противника. Гарнизоны немецких комендатур, учебные команды и команды тыловых служб разбегались. А жители деревень хлебом и солью встречали казаков. Плакали женщины, ребятишки глазели на долгожданных гостей. Старики спрашивали о новостях на Большой земле, рассказывали о том, что те, кто остался в деревне, не дают немцам

покоя: «Но скоро нас будет больше, и тогда фашисты проклянут не только тот час, когда напали на страну, но и тот час, когда родились».

Казачи, уходя из села, обещали вернуться.

Немцы, создав сильные карательные отряды в 5–6 тысяч штыков каждый, усилив их танками и авиацией, задались целью ликвидировать казачью группу.

По улицам развешивали объявления: «Кто выдаст Доватора или укажет его место пребывания, получит премию 100 тыс. рублей».

Два дня работали наши отборные разъезды. Они донесли, что карательные отряды врага сосредоточились в селах Петраково, Рудня, Починок, Гуки, Клиняты и ведут разведку. Доватор разработал свой карательный план: силами мелких отрядов и засад, налетая на немецкие гарнизоны Протокина Гора, Починок, Пристевка, Рудня, вводить в заблуждение противника. Основными же силами форсировать реку Васильевку, перевалив Стонский большак, скрытно сосредоточиться в лесах южнее д. Гуки и Клиняты, где расположился вместе со штабом один из крупнейших карательных отрядов немцев. Также нужно было создать сильные засады на дорогах, идущих к деревням Гуки и Клиняты, взорвав мосты, отрезать все пути отхода немцам и внезапной атакой уничтожить врага.

Фашисты уже четыре дня творили расправы над беззащитными жителями села Гуки. Каратели в серо-зеленых мундирах, в касках с чернеющими лакированными ремешками, туго подхватившими подбородки, обвешанные гранатами, как мячами, окрашенными в темно-зеленый и голубой цвета. За поясами тоже гранаты, поразительно похожие на толкушки, которыми бабы толкут картофельное пюре. Из широких голенищ сапог, в которых больше железа, чем кожи, торчат магазины автоматов.

На перекрестке, где узкий переулочек пересекает улицу, они соорудили две виселицы. Одна – с трупом, другая – с пустой петлей, ожидающей жертву.

Казачи-разведчики Пилипенко и Орехов получили приказ обследовать село. В непроглядной тьме они проникли в расположение противника, но не смогли разобрать, что и как у немцев. Поэтому решили, выбрав дом на перекрестке главной улицы, забраться на чердак, чтобы днем установить все точки. Но не повезло отважным разведчикам: немцы крутились около дома.

Доватор ждет сведений, а разведчики застряли на чердаке, став беспомощными свидетелями зверств карателей.

Пилипенко судорожно сжимает карабин, но спокойный и рассудительный Орехов отобрал оружие: «Дурень, ты что, задумал дело испортить?»

Вдруг все заглушило мощное «Ура!». Вслед за ним густо зацокали пули. Орехов рванулся к соломенной крыше, царапая в кровь руки и ломая ногти, стал рвать слежавшуюся солому. Высунув голову в проделанное отверстие, он увидел, как на Гуки с юга шли наши эскадроны, а из деревни бежали, спотыкаясь и падая, немцы. Из противоположного двора трое вражеских солдат тянули пулемет. Разведчик раздвинул солому и швырнул в них гранату.

«Наши!» – крикнул Пилипенко и, выхватив гранату, кубарем скатился с чердака. На улицах и переулках села метались немцы, некоторые пытались бежать через огороды к лесу, но там, где не доставала казачья шашка, фашистов настигала меткая пуля.

У забора, на котором висело объявление о награждении того, кто выдаст Доватора, два деда сосредоточенно колотили костылями фельдфебеля. Немец, ползая на четвереньках, роняя на дорожную пыль зубы и кровь, по-собачьи заглядывал в лица стариков и визгливо кричал что-то по-немецки, очевидно, просил о пощаде.

В село въехал Доватор.

– Ну как, хлопцы? – весело крикнул он и, легко спрыгнув с коня, направился к избе, где несколько минут назад располагался штаб карателей. Испуганным стадом там жались друг к другу пленные немцы, изрядно побитые конниками.

Полковник обратился к своему переводчику: «Скажи, что я объявляю премию 200 тыс. рублей тому, кто первым из них добежит до Берлина». И весело подмигнул своему адъютанту».

За 10 дней, с 24 августа по 2 сентября, казачья группа в тылу врага уничтожила 2500 солдат, 19 офицеров, 150 легковых и грузовых машин, 4 броневика, 3 танка, 14 орудий, около 100 минометов и 200 винтовок и автоматов.

Были разгромлены топографический отдел штаба 6-й армии, два штаба полка, несколько батальонных штабов, взорвано пять армейских складов с боеприпасами и продовольствием. Из немецкого плена группа освободила 216 бойцов и командиров Красной армии.

Рейд в глубокий тыл врага еще раз доказал значение кавалерии в войне. При умелом использовании крупных кавалерийских соединений они с успехом могут решать задачи в тылу врага. Также он дал ясное представление о глубине и силе немецких тылов и сорвал их наступление

на города Белый и Можайск.

С боем перейдя линию фронта на рубеже Устье – Подвязье, казаки содействовали частям Красной армии, оттеснив немцев на запад на расстояние 30 километров.

Гвардии генерал-майор Л. М. Доватор с кавалеристами своего корпуса

Боевые успехи доваторцев подтверждает и этот официальный документ:

«Секретно.

Начальнику Генерального штаба РККА

Маршалу Советского Союза тов. Шапошникову.

ДОКЛАД О ДЕЙСТВИЯХ КАВГРУППЫ ТОВ. ДОВАТОРА (50 и 53 кд) В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ БЕЛЫЙ, ДЕМИДОВ, ДУХОВЩИНА В ПЕРИОД С 23 АВГУСТА по 2 СЕНТЯБРЯ 1941 ГОДА

I. 10.8.41 г. кавгруппе лично Военным советом Запфронта была поставлена задача:

а) выйти в тыл противнику в район Демидов, Духовщина;

б) парализовать коммуникации противника, уничтожая транспорты,

склады, штабы и средства связи;

в) выяснить отношение населения к Красной армии на занятой противником местности.

II. В течение 11 и 12.8.41 г. кавгруппа готовилась к выполнению поставленной задачи и 14.8 после 50-км перехода по лесисто-болотистой местности сосредоточилась в районе Ниж. Караково, Будница, Швейкин в составе 3000 сабель с 30 станковыми пулеметами.

Разведгруппой было установлено наличие противника в Филино, Боярцино, Рожино, Котово.

Действиями передовых отрядов кавгруппы противник был отброшен на рубеж Крестовая, Подвязье, Устье (северное).

На рубеже Шихтово, Крестовая, Подвязье, Устье противник, обороняясь, оказывал весьма упорное сопротивление, и кавгруппа с 15 по 22.8 вела безуспешные бои, стремясь прорвать оборону противника с целью выхода в тыл.

22.8.41 г. группа произвела перегруппировку и, сосредоточившись основными силами в районе Митьково в 4.00 23.8, разгромив 9 батальонов 430 пп 9 пд противника в районе Устье, прорвала оборону противника вост. Подвязье и вышла в район Турнаева в составе 5 кавполков и одного смешанного полка.

С 23 по 30.8 группа действовала в районе Жемохова, Рыбшева, Заборье: уничтожала штабы, транспорты, склады и разрушала средства связи противника на коммуникациях Демидов, Белый; Демидов, Духовщина.

III. Выполнив поставленную задачу, 2.9 кавгруппа вышла к своим войскам в районе Чичата.

В настоящее время группа сосредоточена в районе Смородовки, Шолоховки, Васькова, где и приводит себя в порядок.

IV. В результате энергичных действий конницы Доватора в тылу противника с 23.8 по 2.9 кавгруппой уничтожены:

до 3000 немецких солдат, 19 офицеров, 150 разных машин, 4 бронемашин, 2 танка, 4 орудия, 6 минометов, 3 станковых пулемета;

захвачено: 65 ручных пулеметов, 67 лошадей, много винтовок и автоматов;

сожжено: 3 склада с боеприпасами и несколько цистерн с горючим;

разгромлено: два штаба батальона и один штаб полка.

Выведено из тыла противника 400 человек бойцов и командиров.

В период пребывания кавгруппы в тылу противника установлено:

а) население на территории, занятой противником, в огромном своем

большинстве к РККА относится хорошо и с нетерпением ждет возвращения Красной армии;

- б) отсутствие у противника в районе Демидов и Духовщина резервов;
- в) большое внимание противника уборке с полей урожая.

Опыт показал, что при организации рейдов в тыл противника подобных кавалерийских групп необходимо включать в состав этих групп мелкокалиберную артиллерию, ПТ ружья, минометы, небольшое количество легких танков и радиосредства большой мощности.

V. Более подробный доклад о действии кавгруппы Военным советом Запфронта был представлен непосредственно Верховному главнокомандующему 5.9.41 г.

Начальник штаба Запфронта генерал-лейтенант *Соколовский*
Военный комиссар штаба Запфронта бригадный комиссар *Казбинцев*
Начальник Оперативного отдела генерал-лейтенант *Маландин*».

Сообщение Совинформбюро от 5 сентября 1941 года не менее достоверно и красочно:

«Кавалерийская казачья группа под командованием полковника Доватора проникла в тыл фашистов и в течение продолжительного времени громила фашистские войска и коммуникации. В первом же бою казаки полностью истребили 3-й батальон 430 германского пехотного полка.

Казаки перехватили коммуникации, нарушали связь, захватывали радиостанции, жгли вражеские склады, рубили фашистских солдат и офицеров. Гитлеровское командование издало специальный приказ об «истреблении казачьего отряда». На следующий день этот приказ попал в руки наших кавалеристов. Прокладывая путь по болотам и глухим лесам, казаки появлялись там, где их меньше всего ожидали гитлеровцы. В одном из боев казаки разгромили еще один батальон противника, уничтожили 3 орудия, захватили 4 миномета, 9 станковых пулеметов, радиостанцию, сожгли автомашины и склады с обмундированием и продовольствием. Затем казаки совершили налет на фашистскую автоколонну и уничтожили 138 вражеских солдат и офицеров, разбили 58 грузовиков, 3 легковых автомашины, 3 цистерны с горючим.

Гитлеровцы бросали против наших конников танки, самолеты, устраивали засады, но казаки были неуловимы. Кавалерийская группа своим смелым рейдом нанесла врагу большие потери».

Этот невысокий, стремительный и ловкий молодой генерал в бою был всегда впереди и только там, где по-настоящему жарко. Говорят, его энергия была заразительна. А еще: Доватору не просто подчинялись – его

любили!

Даже противник не смог солгать про советского кавалерийского генерала: «...Он руководил действиями своего корпуса, входившего в состав советской 5-й армии, с выдающимся мастерством, смелостью и отвагой... Лозунг Доватора звучал так: «Место командира – на фронте». И он управлял действиями своих войск, находясь на передовой. Он со своим штабным эскадром был впереди. Не раз отмечалась в сводках советского Верховного главно командования личная храбрость генерал-майора Доватора». При этом, чтобы отомстить Доватору, немцы полностью сожгли его родную деревню. Родителям и сестре генерала пришлось идти в лес к партизанам.

«Москву не взять!»

В октябре 41-го кавгруппа Доватора в составе 16-й армии Западного фронта вела ожесточенные оборонительные бои на шоссе Белый – Ржев, прикрывая отход стрелковых частей на волоколамском направлении. Затем она провела ряд наступательных боев в районах Истринского водохранилища и Солнечногорска. Как подчеркивается в боевой характеристике на генерала Доватора, в этих боях Лев Михайлович показал: «хорошие знания природы общевойскового боя, твердо управлял подчиненными частями. При ведении боевых действий в тылу противника Доватор не терялся в сложной обстановке, принимал взвешенные, целесообразные решения. Стремился выполнять поставленные боевые задачи с минимальными потерями в личном составе. Проявлял разумную инициативу и умело организовывал взаимодействие родов войск и частей корпуса».

Маршал К. К. Рокоссовский, вспоминая те дни, напишет: «Первым в район севернее Волоколамска вышел кавалерийский корпус под командованием Л. М. Доватора. Кавкорпус, правда сильно поредевший, был в то время внушительной силой. Его бойцы и командиры неоднократно участвовали в боях, как говорится, понюхали порошу. Командный и политический состав приобрел уже боевой опыт и знал, на что способны воины-кавалеристы, изучил сильные и слабые стороны противника.

Особенно ценной в тех условиях была высокая подвижность корпуса, позволявшая использовать его для маневра на угрожаемых направлениях, конечно, с соответствующими средствами усиления, без которых конники не смогли бы бороться с вражескими танками.

Хорошее впечатление произвел на меня командир корпуса Лев Михайлович Доватор, о котором я уже слышал от маршала Тимошенко. Он был молод, жизнерадостен, вдумчив. Видимо, хорошо знал свое дело. Уже одно то, что ему удалось вывести корпус из окружения боеспособным, говорило о талантливости и мужестве генерала».

Командарм Рокоссовский поставил тогда кавгруппе Доватора следующую задачу: организовать оборону на широком фронте севернее Волоколамска, вплоть до Волжского водохранилища. И спешенные кавалеристы Льва Михайловича отбили все атаки.

В конце октября кавгруппу Доватора перебросили на помощь 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова. Немцы, овладев

Волоколамском, тогда попытались перехватить шоссе восточнее города, идущее на Истру. Но враг был остановлен вовремя подоспевшей 50-й кавдивизией генерала И. А. Плиева.

После провалившегося октябрьского наступления немцев на Москву на фронте наступило кратковременное затишье. И пока враг перегруппировывал свои силы, на Красной площади столицы 7 ноября 1941 года состоялся знаменитый исторический парад. Принимали в нем участие и кавалеристы Л. М. Доватора: «По Ленинградскому шоссе со стороны Волоколамска двигалась кавалерия. Это были кавалеристы генерала Доватора. Прямо с передовых позиций ехали они на парад. Рослые сухоголовые кони, закурдрявленные инеем, казались седыми. Они настороженно косились на серые затемненные громады зданий. Всадники в длинных, свисающих до стремян шинелях не имели обычного щегольского вида. Но, несмотря на утомительный переход, кавалеристы были веселы...»

После парада они сразу же отправились на фронт...

В середине ноября началось новое наступление на столицу. Положение складывалось более чем серьезное. Например, на западном направлении немцам удалось подойти к Москве на расстояние восьмидесяти километров. Вот как об этом писал маршал Г. К. Жуков: «С утра 16 ноября вражеские войска начали стремительно развивать наступление из района Волоколамска на Клин. Резервов в этом районе у нас не оказалось, так как они по приказу Ставки были брошены в район Волоколамска для нанесения контрудара, где и были скованы противником.

В тот же день немецко-фашистские войска нанесли мощный удар в районе Волоколамска. На истринском направлении наступали две танковые и две пехотные немецкие дивизии. Против наших 150 легких танков немцы бросили 400 средних танков. Развернулись ожесточенные сражения. Особенно упорно дрались стрелковые дивизии 16-й армии: 316-я генерала И. В. Панфилова, 78-я полковника А. П. Белобородова и 18-я генерала П. Н. Чернышева, отдельный курсантский полк С. И. Младенцева, 1-я гвардейская, 23, 27, 28-я отдельные танковые бригады и кавалерийская группа генерал-майора Л. М. Доватора. <...>

Бои, проходившие 16–18 ноября, для нас были очень тяжелыми. Враг, не считаясь с потерями, лез напролом, стремясь любой ценой прорваться к Москве своими танковыми клиньями.

Но глубоко эшелонированная артиллерийская и противотанковая оборона и хорошо организованное взаимодействие всех родов войск не позволили противнику прорваться через боевые порядки 16-й армии. Медленно, но в полном порядке эта армия отводилась на заранее

подготовленные и уже занятые рубежи, где вновь ее части упорно дрались, отражая атаки гитлеровцев».

23 ноября противник занял Солнечногорск и Клин. Войска 16-й армии хотя и оказывали упорное сопротивление, но все-таки с потерями откатывались вдоль Ленинградского шоссе. 24-го бой шел на окраине малоизвестной деревни Пешки, всего в 169 километрах от Москвы. Немцы, уже успевшие подтянуть туда резервы, могли в любое время перейти в наступление и смять наспех созданную оборону наших войск. Тогда-то и было принято совершенно резонное решение наступать на врага, чтобы навязать ему свою волю, расстроить его планы и хотя бы на сутки задержать в Пешках. А на следующий день появилась знаменитая записка-приказ командующего 16-й армией: «25.11.41. 13.20. Тов. Доватор! На Вас смотрит вся Европа! Есть возможность отличиться! Надеюсь на то, что Вы решительным, быстрым контрударом с танками восстановите положение в Пешках. На остальных участках фронта – обороняйтесь. Рокоссовский». Секретный документ тут же был доставлен командиру 2-го гвардейского кавкорпуса генералу Л. М. Доватору, который красным карандашом в углу размашисто написал: «Европа не Европа, а немцы узнают, что Москву не взять! Доватор».

Уже 11 декабря 41-го 2-й гвардейский кавалерийский корпус был переброшен в район Кубинки. Сто пятьдесят километров кавалеристы под командованием Льва Михайловича шли по немецким тылам, преследуя их отступающие части. А 19-го они вышли к реке Рузе. Накануне, 17-го, генерал Л. М. Доватор был освобожден от должности командира кавкорпуса...

По свидетельству дочери генерала, телеграмму о смерти и посылку семья Доватора получила в один день. Рите Львовне исполнилось тогда 11 лет. Семья генерала (дочь, сын и жена Елена Лаврентьевна) проживала тогда в эвакуации, в маленькой деревушке Варлаково под Челябинском. «Мама, когда получила телеграмму, в которой сообщалось о смерти отца, – вспоминает Рита Львовна, – нам ничего не сказала. Просто по ее поведению мы поняли, что произошло что-то серьезное. Потом она, конечно, показала нам эту телеграмму, но тут же стала говорить, что это ошибка, что нам надо собираться в Москву».

Вдова Доватора поверила в смерть своего мужа только тогда, когда ей передали фотографию, сделанную за несколько минут до начала кремации тела генерала.

А «через два дня (!) после гибели Доватора был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении генералу Доватору

звания Героя, – рассказывают А. Осокин и А. Корняков. – Такое неслыханно быстрое присвоение свидетельствует о том, что оно было осуществлено по указанию вождя. Причем о том, что награждение произведено посмертно, в нем почему-то не указывалось. Примечательно, что и при публикации 23 декабря 1941 года в центральных газетах этого Указа тоже ничего не говорилось о его гибели. Видно, Сталин этим хотел подчеркнуть, что Доватор стал Героем за боевые результаты своих легендарных рейдов, а не в связи с гибелью. Подтверждением этого является обнаруженный нами в электронном банке ЦАМО «Подвиг народов» документ от 14 февраля 1942 года, из которого следует, что 3 ноября 1941 года Доватор представлялся Военным советом Западного фронта (Жуковым и Булганиным) к ордену Ленина. Однако не включен в Указ, так как ему «Указом от 21.12.1941 года присвоено звание Героя Советского Союза». И тому, вероятно, были веские причины. Неизвестно когда опубликовали в печати сообщение о его гибели. Рита Львовна рассказала нам, что впервые она прочла слова о смерти отца лишь в 1946 году, когда ее брат Саша принес снятый с забора красочный плакат с портретами четырех погибших в бою генералов: Доватора, Панфилова, Ватутина и Черняховского. Семья же узнала о гибели отца, получив в эвакуации телеграмму его боевых товарищей по 2-му гвардейскому кавкорпусу. Удивительно, но семья никогда так и не получила официальную «похоронку» на отца. Поэтому, когда надо было оформлять пенсии его жене и детям, документ о факте и дате его смерти им выдал Наркомат обороны. Сохранились кинокадры прощания с погибшим генералом – по самому высокому разряду в зале ЦДКА. Однако он лежит в гробу в обычной командирской гимнастерке без знаков различия (по непонятной причине он ни разу в жизни так и не надел генеральской формы. (Совпадение или еще одна загадка?) Рядом на подушечках только две единственные полученные при жизни награды – ордена Красного Знамени и Красной Звезды. Семья на похоронах не присутствовала, т. к. находилась в эвакуации в уральской глубинке».

Парадоксально, что целых 18 лет вдова генерала Доватора добивалась захоронения своего мужа. Она буквально мечтала о том, чтобы у него была обычная могила, на которую она могла бы прийти и поклониться. Ведь у Героя Советского Союза и генерал-майора не было могилы, а урна с его прахом хранилась в спецпомещении крематория. Рита Львовна свидетельствует: «Отец был кремирован на территории Донского кладбища. Урна с его прахом стояла в самом крематории. Я хорошо помню, как мы приходили туда с мамой, нам ключом открывали дверь за черной

занавеской. На столе – эта урна, рядом с ней стояли еще урны с прахом Ивана Панфилова и Виктора Талалихина. Мама, жена Панфилова Мария Ивановна и родители Виктора – Василий Иванович и Вера Ивановна Талалихины – вместе ходили по инстанциям и просто выбивали место на кладбище».

Только в 1959 году урны Доватора, Панфилова и Талалихина будут перенесены в тройную могилу на Новодевичьем кладбище, а в 1960-м над ней воздвигнут величественный гранитный памятник «Героям обороны Москвы 1941 года».

Еще более странно, что семье Доватора так и не передали «Золотой Звезды». Как свидетельствует дочь генерала, «ни мама ее не видела, ни я. Поначалу мама еще как-то и где-то пыталась выяснить, почему нас решили оставить без этой медали, а потом все забылось. Вы знаете, и в войну, и после мама все больше решала бытовые проблемы. Мы, конечно, получали пособие за отца, но жили очень тяжело, и хозяйственные заботы нас просто одолевали».

После гибели Доватора его подчиненные возили вдове и детям котелки с перловой кашей и сухари. Пока кавкорпус стоял под Москвой, они, как могли, заботились о семье любимого ими командира. Рита Львовна до сих пор помнит, как «приезжали эти взрослые, суровые мужчины с обветренными лицами, в папахах, бекешах. Прижмут меня к себе, оцарапают мое лицо орденами и медалями и плачут. Вот эти плачущие казаки на всю жизнь остались в моих воспоминаниях».

Генерал Доватор воевал с немцами всего лишь пять месяцев. Но за этот весьма короткий срок он нанес им весьма ощутимый урон и заставил отступить от Москвы.

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Блюментрит Г. Роковые решения. М., 1958.

Буняева Н. Неустрашимый Доватор. «Вечерний Ставрополь». 22 июля 2008 г.

Великая Отечественная война в фотографиях и кинодокументах. 1941. М., 1985.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1985.

Карель П. Восточный фронт. Выжженная земля. Книга 1. М., 2009.

Косова Е. С шашкой на танк: неустрашимая кавалерия Льва Доватора. «Аврора», 19 декабря 2011 г.

Комкоры. Великая Отечественная. Военный биографический словарь. Том 2. М., 2006.

Ортенберг Д. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие. М., 1995.

Осокин А., Корняков А. Неизвестный генерал Доватор. МК № 26168 от 20 февраля 2013 г.

Плиев И. А. Кавалеристы в боях за Москву. Битва за Москву. М., 1966.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1997.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682523. Д. 10. Л. 12, 12 об.

ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 10169сс. Д. 9. Л. 684–686.

Чанышев И. Александр Невский № 4, или Заккрытие одного «открытия». «Экран», № 8, 1994.

Ярцева М. Военные дороги генерала Доватора. «Тверская жизнь», 17 мая 2013 г.

Неповторимый воздушный бой

«Сбил 9 немецких бомбардировщиков»

По своим масштабам, задействованным силам и средствам, напряженности и результатам битва на Курской дуге (5 июля – 23 августа 1943 г.) является одним из ключевых сражений Второй мировой войны. На второй день этой битвы свой подвиг совершил летчик-истребитель А. К. Горовец. В донесении политического отдела 2-й воздушной армии, которой тогда командовал генерал Степан Акимович Красовский, говорилось: «Выдающийся героический поступок совершил заместитель командира эскадрильи 88-го гв. иап гвардии лейтенант, член ВКП(б) тов. Горовец. Он один в неравном бою с самолетами противника сбил 9 самолетов Ю-87. Сам тов. Горовец, будучи смертельно ранен в этом бою, погиб смертью героя, не дойдя 4 км до своего аэродрома. Этот бой советского богатыря с восхищением наблюдали наземные войска, которые и подтвердили результат этого боя».

До развала Советского Союза вроде бы никто и никогда не сомневался в совершенном геройском поступке летчика. Кстати сказать, тогда еще были живы однополчане и товарищи Горовца, свидетели и очевидцы того воздушного боя. Но прошли десятилетия, и почва под подвигом Александра Константиновича вдруг закачалась. Возникли сомнения, затем предположения, а потом и утверждения, что Горовец не мог сбить столько самолетов в одиночку, в одном воздушном бою. Все это элементарная советская пропаганда и не более того... Например, авторы книги «Авиация в битве над Орловско-Курской дугой», поработав с архивными документами и проведя собственное расследование, пишут: «Без преувеличения можно утверждать, что практически во всех советских книгах, посвященных Орловско-Курской битве, тем более описывающих действия авиации в ней, рассказывается о подвиге лейтенанта А. К. Горовца. Действительно, есть о чем рассказывать: зам. командира эскадрильи 88-го гв. иап в одном бою уничтожил девять неприятельских самолетов. Подобной результативности, согласно советским источникам, не удалось добиться ни одному нашему летчику ни до, ни после рассматриваемых событий. Поскольку неоднократно высказывались сомнения в достоверности гибели столь большого количества пикировщиков в одном бою, постараемся восстановить ход событий».

Утром для патрулирования в районе Яковлево-Дмитриевка вылетела группа из 17 Ла-5 88-го гв. иап, ведомая командиром полка. Около 8 ч

советские истребители вступили в воздушный бой с большой группой Ju.87, насчитывающей до 50 машин. «Юнкерсы» уже встали в круг для бомбометания с пикирования. Заметив советские истребители, неприятельские самолеты стали уходить на свою территорию, поспешно сбрасывая бомбы.

«Лавочкины» устремились в погоню. При приземлении наши летчики доложили об уничтожении пяти Ju.87, трех Vf.109, а также одного Hs.126, производившего разведку в районе Яковлева. Из боевого вылета не вернулся один Ла-5 лейтенанта Горовца, судьба которого некоторое время оставалась неизвестной. Только 9 июля «земля» сообщила о гибели летчика.

В это время в штаб 8-й гв. над поступило донесение от одного из соединений наземных войск о воздушном бое одиночного Ла-5 с большой группой немецких самолетов. Герой-летчик с близкой дистанции обстреливал «юнкерсы», были хорошо видны черные следы от падения самолетов. Над данным районом кипели горячие бои, и на ограниченном участке земли валялись обломки девяти немецких самолетов. Так возникла гипотеза – всех их уничтожил один красnozвездный истребитель. После ряда уточнений сомнений больше не оставалось: А. К. Горовец и был тем героем, который самоотверженно сражался и из схватки не вернулся. <...>

Сразу оговоримся, что найти эти свидетельства наземных войск в архивах Министерства обороны авторам не удалось. Нет упоминания о подвиге летчика в оперсводках авиационных полков и дивизий, а также воздушной армии, составленных «по горячим следам». Нелишне отметить, что в этот день только летчики 88-го гв. иап заявили о пяти сбитых Ju.87, в то время как общий счет всей дивизии за день составил, по разным данным, от 16 до 18 «лаптежников». И это без учета побед, занесенных впоследствии на счет Горовца, а также других соединений 2-й воздушной армии!

Памятник А. К. Горовцу в г. Витебск

Не подтверждаются результаты воздушного боя показаниями пленных летчиков и списком потерь 4-го воздушного флота. Немецкое авиационное объединение за 6 июля, как уже отмечалось, недосчиталось сбитыми и поврежденными десяти Ju.87, из которых четыре машины стали жертвами истребителей. Даже если немецкие данные не учитывают всю убыль материальной части, трудно представить себе, будто «вдруг» обнаружится не один десяток неучтенных «штук». Принимая во внимание весьма преувеличенные доклады многих советских летчиков о своих победах, занесение на счет погибшего лейтенанта девяти сбитых самолетов выглядит скорее актом пропаганды, чем отражением реального события.

По всей видимости, оторвавшись от своей группы, Горовец действительно вступил в воздушный бой с большой группой Ju.87 и, вероятно, даже сбил или серьезно повредил несколько самолетов противника, однако закончившийся боезапас заставил Александра Константиновича выйти из схватки, после чего недалеко от своего аэродрома безоружный Ла-5 стал жертвой «мессершмиттов».

Завершая свое повествование о Горовце, авторы книги, правда, не

забывают отметить один немаловажный факт: «Накануне битвы А. К. Горовец был достаточно опытным бойцом, провел 72 боевых вылета, имел на счету два сбитых неприятельских самолета и нередко замещал комэска ст. лейтенанта В. И. Мишустина».

К слову сказать, в истории Второй мировой войны А. К. Горовец является единственным советским летчиком, одержавшим столько воздушных побед в одном бою. В других странах аналогичного результата добились только несколько летчиков: Эрих Рудорффер (люфттваффе, 13 воздушных побед в одном вылете) и Дэвид Маккэмпбелл (ВМС США, 9 воздушных побед в одном бою).

И еще один факт. В итоговом отчете 8-й гвардейской истребительной авиадивизии можно найти имена летчиков, сбивших в тех июльских боях 6 и более самолетов. Например, вот данные по 88-му гвардейскому истребительному авиаполку:

«Ст. лейтенант Горовец А. К. ... 10 + 1 в группе»

«Ст. лейтенант Беликов О. В. ... 8 + 3»

«Ст. лейтенант Пелипченко И. П. ... 7 + 3»

Вот по 41-му гвардейскому иап:

«Лейтенант Наумов Н. М. ... 9»

«Ст. лейтенант Лобанов А. В. ... 8»

«Ст. лейтенант Павлов А. Г. ... 7»

«Ст. лейтенант Куманичкин А. С. ... 7»

«Ст. лейтенант Семенцов М. И. ... 6»

«Ст. лейтенант Кулешов В. К. ... 6»

Вот по 40-му гвардейскому иап:

«Капитан Китаев Н. Т. ... 6».

Заметим лишь, что все летчики в этом списке старшие лейтенанты. И только двое из них: лейтенант и капитан.

«Драться до победы»

Александр Константинович Горовец родился 12 марта 1915 года в крестьянской семье на хуторе Горовцы Богушевского района Витебской области. После окончания семилетки поступил в Полоцкий лесотехникум. Параллельно с учебой в техникуме занимался в аэроклубе. Затем работал на заводе слесарем. В 1932 году в числе лучших был зачислен в Ульяновскую краевую летную школу, которая в 33-м была преобразована в объединенную школу пилотов и авиатехников. К слову сказать, эта школа только с 1940 года будет подчинена Наркомату обороны, поэтому после ее окончания в 1935 г. А. К. Горовца распределяют не в авиачасть, а в аэроклуб города Шахты Ростовской области инструктором.

Только с началом войны Александра Горовца призвуют в ВВС Красной армии как младшего лейтенанта запаса из Саратовского аэроклуба. Но, прежде чем попасть на фронт, он еще долго будет учить летать молодых летчиков в качестве опытного инструктора.

В мае 1942 года лейтенант Горовец получает назначение в 166-й истребительный авиаполк (приказом НКО СССР от 21 мая 1943 г. полк преобразован в 88-й гвардейский иап), вооруженный истребителями ЛаГГ-3. А после перевооружения полка на новые самолеты Ла-5 ему достается именная машина с надписью «Эскадрилья Валерия Чкалова». Командиром эскадрильи у Горовца был тогда Василий Иванович Мишустин, Герой Советского Союза. Спустя годы о своем заместителе он расскажет следующее: «Высокий, стройный, с ясным взглядом и открытым лицом, он располагал к себе людей, внушал доверие и уважение. Всем нравились его общительный характер, подтянутость и собранность. Вел он себя просто, скромно, старался быть незаметным и ничем не выделялся среди товарищей. Летчики и техники эскадрильи подружились с ним, полюбили его. Горовец быстро вошел в боевой коллектив.

В те суровые дни наш авиационный полк получал новую материальную часть. Не покладая рук трудились летчики и техники. Осваивали новые машины. Горовец оказался настойчивым и способным учеником. В течение короткого времени он изучил новый самолет, научился хорошо пилотировать его, овладел искусством воздушного боя. Александр нетерпимо относился к недостаткам, какими бы незначительными на первый взгляд они ни казались. Бывало, сделаешь ему замечание за неточную посадку или за слишком крутой вираж, смотришь – через

несколько дней летчика уже не узнать, недостаток устранен.

Летом на Северном Кавказе развернулись ожесточенные бои. В них участвовал и наш полк. Наши авиаторы прикрывали наземные войска с воздуха, сопровождали советские бомбардировщики. Мужественно и стойко сражался Горовец. Изо дня в день он совершенствовал свое боевое мастерство, воспитывал в себе железную выдержку и волю к победе. А когда его назначили командиром звена, эти качества он настойчиво прививал своим подчиненным.

За образцовое выполнение боевых заданий многие летчики полка были отмечены правительственными наградами. Ордена Красного Знамени был удостоен и Александр Горовец».

Из наградного листа на командира звена 166-го истребительного авиаполка лейтенанта Горовца А. К.: «Тов. ГОРОВЕЦ Александр Константинович участвует в Отечественной войне с 1.12.42 г. Имеет 34 боевых вылета. Из них: на штурмовку с бомбометанием войск противника совершил 17 боевых вылетов. Штурмовки исключительно эффективные. Им уничтожено: 36 автомашин противника с войсками и грузами, 22 повозки с боеприпасами др. грузами, вывел из строя 1 паровоз противника, уничтожил до 2 взводов пехоты противника.

Имеет 10 вылетов на разведку противника. Сообщаемые сведения о разведке отличаются точностью и всегда доставляются своевременно о противнике. Разведку ведет отлично и доставляет ценные данные.

Осмотрительность в воздухе отличная. Очень внимателен в полетах. Водил группы самолетов на обнаруженную цель и всегда точно выводил их на цель.

Сопровождение штурмовиков и бомбардировщиков в своем звене отработал отлично. Потерь сопровождаемых самолетов не имел. В воздушных боях показал себя храбрым, мужественным, стойким бойцом. Оказывает товарищескую взаимовыручку в бою. Непрерывно учится тактике ведения воздушного боя.

Участвовал в перегонке самолетов с завода на фронт. Несмотря на сложные метеоусловия на маршруте, свою группу самолетов передал фронту в полной исправности. Потери ориентировки и поломки м/ч не имел. В плену и окружении не был. Находится в строю.

За храбрость и отвагу, проявленные в боях с германским фашизмом, тов. ГОРОВЕЦ достоин правительственной награды – ордена КРАСНОЕ ЗНАМЯ...»

Этот документ подписан командиром полка 5 февраля 1943 года. А если учитывать, что воевать Горовец начал только с 1 декабря 1942 года, то

можно сказать, что летчиком он был хорошим, подготовленным, грамотным. О чем говорят и назначение на должность командира звена, и первая боевая награда, и конкретный текст наградного листа.

«Окрыленный наградой, Горовец с еще большей настойчивостью громил врага, – продолжает свой рассказ В. И. Мишустин. – Помню, вылетели мы с группой в составе 20 самолетов. За линией фронта увидели около тридцати гитлеровских бомбардировщиков. По сигналу командира полка майора Римши ринулись в атаку. Одним из первых наносил удар Горовец. Противник не выдержал наших стремительных атак и обратился в бегство, беспорядочно сбросив бомбы на головы своих войск. В этом бою было сбито 4 фашистских самолета. Один из них уничтожил Александр Горовец.

Важным событием в жизни всех летчиков стало вручение авиаполку гвардейского знамени. На состоявшемся в июне 1943 года партийном собрании кто-то из офицеров спросил Горовца:

– Что ты будешь делать, если встретишься с десятком гитлеровских самолетов?

– Известное дело, драться до победы.

– И не дрогнешь?

– Не дрогну, пока руки держат штурвал, а в груди бьется сердце, – ответил он твердо и решительно. Никому из нас в голову не пришло тогда, что этим словам суждено сбыться».

«Достоин высшей правительственной награды»

1 мая 1943 года Александра Константиновича Горовца назначат на должность заместителя командира эскадрильи. А накануне последнего боя ему присвоят очередное воинское звание «старший лейтенант», о котором он так никогда уже и не узнает...

На второй день Курской битвы – 6 июля 1943 года – над аэродромом 88-го гвардейского истребительного авиаполка вспыхнула зеленая ракета, по сигналу которой 15 истребителей Ла-5 взлетели с полевого аэродрома. Группу вел командир эскадрильи капитан Мишустин. Его летчикам предстояла непростая задача: «прикрывать с воздуха наши наземные войска в районе Владимировка – Кочетовка – Зоринские Дворы – Ольховатка». Когда время патрулирования подошло к концу, а самолеты противника так и не появились, группа Мишустина стала возвращаться «домой». А дальше все, как в кино. Пару Горовца сверху сзади атаковал «мессер». Ведомый Рекунов тут же атаковал противника. И в это же время Горовец заметил идущую параллельным курсом в наш тыл группу из 20 бомбардировщиков. Попытался предупредить командира, но отказал передатчик. И тогда он разворачивает свою машину навстречу «юнкерсам». Только они начали перестраиваться в колонну для бомбометания, как Горовец, сблизившись с ведущим, поджигает его первой же очередью из пушек.

«Атака следовала за атакой, – именно так говорится в известном описании того боя. – Вот Александр сбил еще одну вражескую машину, затем третью. Мастерски маневрируя, сам умело увертывался от огня противника и появлялся перед новой целью. Горовец бил прицельно, берег боеприпасы. Почти каждая атака оказывалась результативной. К земле он отправил уже 8 «юнкерсов» и погнался за 9-м, но оружие молчало – кончился боекомплект. «Юнкерс» пытался улизнуть на бреющем полете. Пришлось сблизиться с ним и рубануть винтом по хвостовому оперению. Остальные бомбардировщики, освободившись от боезапаса, поворачивали назад.

Александр взял курс на свой аэродром. Горючее было на исходе. К тому же Ла-5, весь израненный, с погнутым винтом, с трудом слушался рулей. Его трясло. Радиопередатчик по-прежнему молчал. Помощи ждать было неоткуда. И тут появились 3 пары «мессеров». Уклониться от схватки было невозможно. Выжав из «ястребка» все, на что он был способен, Александр ринулся на врага». Но был подбит и пошел к земле...

На аэродром после выполнения боевого задания старший лейтенант Горовец не вернулся.

А 12 июля 1943 года командир 8-й гвардейской истребительной авиационной дивизии гвардии полковник Ларюшкин подписал на него наградное представление к званию Героя Советского Союза: «...После получения правительственной награды с 1 мая 1943 года на Воронежском фронте тов. ГОРОВЕЦ произвел 20 боевых вылетов, из них: на разведку – 10, на прикрытие своих войск – 2, на перехват воздушного противника – 7, на блокировку – 1. Участвовал в 9 воздушных боях, где лично сбил 2 самолета противника, в паре – 2 и в группе – 3 самолета противника.

6.7.1943 г. в 19.40 15 ЛА-5 вылетели на прикрытие своих войск в районе ВЛАДИМИРОВКА – ОЛЬХОВАТКА, где вели воздушный бой с превосходящими силами противника. В этом воздушном бою тов. ГОРОВЕЦ проявил исключительное летное мастерство, отвагу и героизм, лично сбил 9 самолетов противника и сам погиб смертью храбрых.

За образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть, мужество и героизм, за сбитые в одном бою 9 самолетов противника тов. ГОРОВЕЦ достоин высшей правительственной награды – присвоения посмертно звания ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

В книге М. Ю. Быкова «Асы Великой Отечественной», в которой автор систематизировал документальные сведения о боевой деятельности советских летчиков-истребителей, есть список воздушных побед и А. К. Горовца. Выглядит он так:

02.06.43 1/2 Хе-111 – Проходы;

03.06.43 1 Ме-109 – Микояновка;

05.07.43 1/2 Хе-111 – юж. Драгунское;

05.07.43 1 Хш-126 – Березово.

И, наконец, 06.07.43 9 побед (автор указывает, что они не подтверждаются оперативными документами) Ю-87 – Зоринские Дворы.

Всего сбитых самолетов – 11 + 6 [11+2];

боевых вылетов – 75;

воздушных боев —11.

То есть до последнего боя, по данным Быкова, Горовец сбил в воздушных боях два самолета противника в июне и два самолета противника накануне своего последнего боя. В наградном же представлении на звание Героя Советского Союза указывается: «Участвовал в 9 воздушных боях, где лично сбил 2 самолета противника, в паре – 2 и в группе – 3 самолета противника». И все-таки факт остается

фактом, что за, безусловно, короткий срок Горовцу удалось получить хороший боевой опыт и одержать свои первые победы, в том числе и над немецкими бомбардировщиками. Пять побед в девяти воздушных боях говорят прежде всего о хорошей результативности летчика-истребителя.

«Герой без вариантов»

Однажды приемный сын Сталина Артем Федорович Сергеев рассказал Ф. Чуеву про Василия Сталина следующую историю: «За войну он получил четыре ордена – его товарищи, участвовавшие в подобных операциях, награждались щедрее. А орден Красного Знамени ему дали за то, что он разогнал немецкие бомбардировщики, летевшие бомбить наш тыл. Поднялся в небе на незаряженном истребителе наперерез строю... Командующий, с земли наблюдавший эту картину, не зная, что там сын Сталина, велел наградить летчика...»

Для Е. Глушик тот же самый случай будет рассказан более красочно: «Было у него три ордена Красного Знамени. Причем один из этих орденов был бесфамильным. Увидел его в воздухе командующий армией. Это было в 1941 году в Мценске. На аэродром налетели немецкие бомбардировщики. Василий туда полетел на незаряженном самолете и вытолкнул этих бомбардировщиков лбом, отогнал. Командующий армией сказал: «Вот этого летчика я награждаю орденом Красного Знамени». Когда приземлился, выяснилась фамилия летчика».

Все дело в том, что Василия Сталина первым орденом Красного Знамени наградили Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июня 1942 г. «За отличную подготовку летного состава полка и личное руководство боевыми операциями под Харьковом и Сталинградом». Это первое. Но есть еще и второе. Герой Советского Союза генерал-лейтенант А. Ф. Ковачевич прокомментировал рассказ А. Ф. Сергеева так: «Ну, я не знаю, что значит разогнал. Я знаю так: если встречаю группу бомбардировщиков, то они не разгоняются, а, наоборот, смыкаются и открывают такой шквальный огонь, что и подойти страшно. Тем более на незаряженном истребителе. Бесполезно и глупо. То есть фантастика!»

В другой раз Аркадий Федорович добавил: «Например, генерал Решетников как-то спрашивал меня: «Я никак не могу понять, почему у вас так много бомбардировщиков сбито?» Я говорю: «Так моя задача была в основном бомбардировщиков сбивать!»

Я под Сталинградом оказался в приказе командующего 8-й воздушной армией на летчиков, которым была поставлена задача сбивать только бомбардировщики. И вот в 27-м полку мне нельзя было связываться с истребителями.

Еще у нас был закон, Шестаков учил, стрелять по прицелу. Какой

прицел? Заклепки видишь – открывай огонь. Не видишь, нечего тратить патроны. Значит, это надо подойти на дальность 50–100 метров (из 150). Но надо раньше подавить стрелка, чтоб подойти спокойно. А со стрелком особенно трудно было на Хе-111. Хвостовая, верхняя, снизу. С какой стороны, как к нему подобраться. Что брать: снизу или сверху?»

Ну, допустим, это было в 42-м. Горовец совершил свой подвиг в 43-м. Что же изменилось с тех пор? Об этом можно узнать из аналитического исследования немецкого генерала В. Швабедиссена. В частности, он пишет: «В отличие от предыдущего года, в 1942–1943 гг. немецкие бомбардировочные части все чаще стали подвергаться нападению со стороны советских истребителей. Характерная для русских истребителей оборонительная тактика в борьбе с немецкими бомбардировщиками ушла в историю. Только подполковник фон Ризен указывал на то, что в 1943 г. в Ленинградской области группы немецких бомбардировщиков практически безнаказанно выполняли свои задания, несмотря на близкое присутствие советских истребителей. Одновременно он же говорил о том, что на пары бомбардировщиков люфтваффе очень часто нападали советские истребители, и особенно на те, которые пытались прорваться к железной дороге Ленинград – Москва. Такие истребители часто перехватывали немецкие бомбардировщики еще на подходе к железной дороге, и это говорило о том, что служба оповещения, основанная на оптическом и акустическом наблюдении, функционировала хорошо. Подобной эффективности можно было ожидать и от системы наведения истребителей. Однако немецким бомбардировщикам, которые выполняли полет в облаках и меняли курс, часто удавалось избегать встреч с русскими истребителями.

Другие офицеры люфтваффе указывают на то, что немецкие бомбардировщики должны были постоянно предпринимать меры для отражения внезапных атак русских истребителей, что в итоге делало эти полеты достаточно сложными. Таким образом, активные действия русских истребителей вынуждали немцев летать на задания крупными группами, отвлекая значительные силы от выполнения других боевых задач.

Выбирая направление и высоту полета, бомбардировщики теперь были вынуждены учитывать атакующие возможности русских истребителей. Рост технических характеристик истребителей противника привел к тому, что немцам пришлось смещать время вылета ближе к ночи или к утренним сумеркам, а также привлекать для сопровождения все большее количество истребителей. Советские истребители в своих атаках стали отличаться большим упорством и если бы их нападения были более системными,

организованными и начинались с превышением высоты, то эффективность таких атак была бы значительно выше. Как бы то ни было, возросшая обороноспособность русских истребителей в 1942–1943 гг. все же не смогла в значительной степени воспрепятствовать налетам немецких бомбардировщиков.

Майор Бруннер – в годы войны летчик-бомбардировщик, вспоминая о своих встречах с советскими истребителями, говорил, что русские часто атаковали одновременно со всех сторон, пытаясь рассеять вначале истребители сопровождения. Затем они брались за бомбардировщики и, атакуя с хвоста, умело использовали «мертвое» для оборонительного огня пространство, которое было у He-111. Атака под углом сзади и сверху была менее результативной, так как немецкие бомбардировщики смыкались в плотные боевые порядки и встречали истребители организованным сосредоточенным огнем. Русские практически не использовали атаку с хвоста с двух сторон – наиболее опасную для бомбардировщиков, так как она требовала от них распределения ответного огня по разным направлениям, что резко снижало эффект оборонительных действий.

Хорошая организация управления немецких бомбардировщиков при отражении атак русских истребителей в большинстве случаев сводила на нет все усилия последних сорвать удар по наземным целям. Ошеломленные внезапным плотным заградительным огнем, русские быстро уходили с боевого курса и редко возвращались для повторной атаки.

Боясь приблизиться к боевым порядкам немецких бомбардировщиков, русские пилоты часто вели огонь с дальних дистанций, впустую тратили боеприпасы и не добивались поставленной задачи. Потери немецких бомбардировщиков во время атак истребителей противника скорее говорили о несовершенстве координации оборонительных действий со стороны немцев, чем об умелом построении наступательных маневров русских.

Немецкие летчики-бомбардировщики отмечают, что нападения советских истребителей чаще всего следовало ожидать после сброса бомб на цель во время перестроения боевых порядков для следования на базу. В этот момент организовать эффективную оборону было достаточно сложно, поэтому избежать потерь не всегда удавалось. В заключение майор Бруннер отмечает, что в 1943 г. в дневное время суток в условиях численного превосходства русские истребители демонстрировали возросшую агрессивность, были лучше обучены и достаточно успешно боролись с бомбардировщиками He-111 и Ju-88...»

Но вернемся к последнему бою Горовца. Как мы помним,

единственным подтверждением его побед стало донесение от одного из соединений наземных войск о воздушном бое одиночного Ла-5 с большой группой немецких самолетов. С земли видели, как неизвестный летчик с близкой дистанции обстреливал «юнкерсы». Были хорошо видны черные следы от падения самолетов. Словом, конкретное подтверждение было. И этот факт неоспорим. Теперь о количестве сбитых Горовцом самолетов противника. Так как над данным районом шли ожесточенные бои, а на ограниченном участке земли насчитали обломки девяти немецких самолетов, то всех их засчитали погибшему летчику.

Бюст А. К. Горовца, установленный в г. Полоцк

Хорошо, а по каким показателям засчитывали советскому летчику-истребителю его победы? До 30 сентября 1943 года, то есть до «Положения о наградах и премиях для личного состава ВВС КА, АДД, ИА ПВО, ВВС ВМФ за боевую деятельность и сохранение материальной части», подписанного командующим ВВС Красной армии маршалом авиации Новиковым, «победой, или, если быть точнее, засчитанной или подтвержденной победой, явля[лся] самолет противника, сбитый, согласно

докладу пилота-истребителя (то есть заявленный), подтвержденный свидетелями и утвержденный вышестоящими инстанциями – штабом авиационного полка, дивизии и т. д., – подчеркивается в предисловии к книге «Асы Великой Отечественной». – Для подтверждения воздушной победы требовалось предъявить свидетельства других летчиков – участников боя, наземных очевидцев, «вещественные доказательства» в виде обломков сбитого самолета, фотографии с места его падения или снимков фотопулемета. Видоизменяясь в течение войны на бумаге, эти требования в целом кочевали из приказа в приказ». Так что, формально в оформлении подтвержденных побед Горовца все было сделано согласно действующим на тот момент приказам. Другое дело, что результаты воздушного боя не подтверждаются показаниями пленных летчиков и списком потерь 4-го воздушного флота Германии. По их данным, немецкое авиаобъединение конкретно за 6 июля потеряло сбитыми и поврежденными десять Ju-87, из которых только четыре стали жертвами истребителей. Но если даже Горовец сбил в том воздушном бою только 4 «юнкерса», а не 9, как это было заявлено (кстати сказать, не им самим), то и в этом случае его подвиг ничуть не теряет своего величия. А если к этому прибавить воздушные победы Горовца, одержанные им ранее, то и звание Героя Советского Союза он получил вполне заслуженно. Тем более что посмертно...

Как-то на одном из форумов в Интернете автору довелось случайно обнаружить обсуждение того самого воздушного боя Горовца. И один из участников там, если не изменяет память, написал: «Горовец – герой без вариантов, за только одиночную атаку 20 Штук. Но, имея по 200 снарядов на каждый ШВАК он должен был тратить по 22 (!) снаряда в среднем на самолет. Если б еще пара пулеметов была...»

«Теоретически считается невыполнимым»

В Центральном архиве Министерства обороны до сих пор аккуратно подшита следующая справка:

«3 ноября 56

ИВНЯНСКОМУ РАЙОННОМУ ВОЕННОМУ КОМИССАРУ

ГУК/4/4/93277 с. Ивня Белгородской области

на № 679 от 10.10.56 г.

Приказом ГУК НКО № 0955 от 20.8.1943 г. исключен из списков Советской армии как без вести пропавший в бою 6 июля 1943 г. Герой Советского Союза лейтенант ГОРОВЕЦ Александр Константинович, 1915 года рождения, уроженец Витебской обл. За военнослужащего выплачивается пенсия его жене ГОРОВЕЦ Валентине Андреевне, проживающей в Каменской обл., шахта «Октябрьская революция», ул. Горняцкая, д. 42, кв.1.

Прошу обязательно донести в Главное управление кадров точное место захоронения останков лейтенанта ГОРОВЕЦ А. К.

Начальник 4-го отдела 4-го управления полковник *Голованов...*»

Все дело в том, что звание Героя Советского Союза А. К. Горовцу присвоят скоро – уже 28 сентября 1943 года. О его подвиге будут писать и рассказывать. А вот могилы у героя не будет долго. Он будет официально числиться без вести пропавшим. И кто знает, если бы не 9-летний мальчишка Сережа Сергеев, который случайно оказался среди наблюдавших за воздушным боем, то еще неизвестно, когда и при каких обстоятельствах были бы найдены останки Героя Советского Союза...

После окончания того поединка, когда неизвестный летчик-истребитель был подбит, несколько мальчишек своими глазами видели в небе белый купол парашюта, а потому им показалось, что летчику удалось спастись. И только одному Сергею памятные события того дня долгие годы не давали покоя. Окончив школу, Сергеев отслужил на флоте, а осенью 1956 года вернулся домой, где устроился на работу по обслуживанию дорожно-эксплуатационного участка на автостраде Москва – Симферополь. И только теперь, посоветовавшись с друзьями детства, он решил начать раскопки на месте падения самолета. В его голове будто навечно

поселилась одна мысль: самолет упал и разбился, а летчика никто так и не видел. Под проливным дождем молодые парни сначала обнаружили деформированный фюзеляж, вдоль которого тянулись стропы парашюта. А когда откопали весь самолет, то оказалось, что купол парашюта оторвался еще тогда в небе... В кабине следопыты обнаружили останки пилота. Вместе с ними они нашли планшет с картой, бортовой журнал, письмо, несколько фотографий и открыток, орден Красного Знамени и гвардейский знак. В нагрудном кармане истлевшей гимнастерки лежал партийный билет. Потемневший, расклеенный, с выцветшей фотографией, он сохранил главное – запись, выполненную черной тушью. Именно так было установлено имя летчика и место его гибели.

Похоронили останки героя там же, на хуторе Зоринские Дворы Ивнянского района Белгородской области. И сегодня в Центральном музее Вооруженных сил можно увидеть макет самолета Ла-5, на котором воевал Герой Советского Союза А. К. Горовец, пушку с его машины, пистолет ТТ, партийный билет, планшет с картой, бортовой журнал, удостоверение личности и письма.

И все-таки 9 сбитых самолетов А. К. Горовцом в одном воздушном бою пока никто документально опровергнуть не может... А значит, этот подвиг в неповторимом воздушном бою остается не пропагандой тех лет, а реальным событием, имевшим место быть 6 июля 1943 года. Обратим лишь внимание на сказанные дважды Героем Советского Союза, генералом А. Ворожейкиным (52 победы) по этому случаю слова: «Мы не знали такого. Простой расчет показал, что для этого нужно произвести не менее 9 длинных очередей и столько же раз исключительно точно прицелиться. На все потребуется по меньшей мере 10–15 минут. А противник ведь не на привязи. Однако факт – упрямая вещь. Горовец сделал то, что теоретически считается невыполнимым...»

Великая Победа Советского народа в Великой Отечественной войне точно так же была теоретически невозможна и невыполнима...

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Быков М. Ю. Асы Великой Отечественной. Самые результативные летчики 1941–1945 гг. М., 2007.

Глушик Е. Беседы о Сталине. М., 2006.

Горовец Александр Константинович. Википедия. Интернет.

Горовец Александр Константинович. Уголок неба. Интернет.

Мень Г. Я. История одного подвига. Минск, 1976.

Мишустин В. И. Человек большого подвига. «Родина», № 90 от 22 июля 1988 г.

Смыслов О. С. Защитники русского неба. М., 2010.

Хазанов Д. Б., Горбач В. Г. Авиация в битве над Орловско-Курской дугой. Оборонительный период. М., 2004.

ЦАМО РФ. Ф. 8 ГВ. ИАД. Оп. 1. Д. 6. Л. 50.

ЦАМО РФ. Ф. 8 ГВ. ИАД. Оп. 1. Д. 7. Л. 145.

ЦАМО РФ. Ф. 302. Оп. 4207. Д. 31. Л. 127.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682527. Д. 32. Л. 377.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 793756. Д. 11. Л. 194, 194 об., 195.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 871438. Д. 31. Л. 464.

Чуев Ф. Солдаты империи. М., 1998.

Швабедиссен В. Сталинские соколы. Анализ действий советской авиации 1941–1945. Минск, 2002.

Знаменитый подводник

«Из дворян»

«Мне шел тридцать шестой год, за спиной почти двадцать лет плавания на торговых судах – матросом, штурманом, капитаном, – без какого-либо пафоса напишет он в книге своих воспоминаний. – Вождение кораблей по океанам и морям земного шара было любимой профессией.

Неожиданно мне предложили пройти медкомиссию. Здоровье оказалось отменным. Так в конце сорокового года я очутился за партой Высших специальных классов командиров подводных лодок. Признаюсь, это не очень радовало. Но, однако, к моей любимой профессии прибавлялась новая – командира подводного корабля.

Пришлось много и упорно учиться. После 22 июня 1941 года интенсивность занятий резко возросла – учились по тринадцать часов в сутки, не считая самостоятельной подготовки. Мы готовились к сдаче экзаменов.

Как всегда некстати, подобралась болезнь. У меня на лице появился огромный фурункул, поднялась температура, пришлось лечь в лазарет. Через несколько дней, еще как следует не поправившись, я досрочно выписался из лазарета, чтобы сдать последние зачеты. Через все лицо проходила белая марлевая повязка. Было жарко, повязка мешала говорить, но врач категорически запретил ее снимать.

24 июля, в конце дня, меня вызвал начальник классов капитан 1-го ранга В. К. Волоздько:

– Вам сегодня же надо отправиться в Кронштадт. Вы назначены помощником командира подводной лодки «Лембит». Немедленно отправляйтесь в канцелярию для оформления документов».

«Лембит» была второй подводной лодкой, построенной ВМФ Эстонии на английской верфи в г. Барроу (фирма «Киккерс-Амстронг»). Имя «Лембит» лодка получила в честь народного героя Эстонии Лембиту, возглавившего в тринадцатом веке восстание эстов против немецких феодалов, пытавшихся поработить Прибалтику. В августе 40-го, после вхождения трех прибалтийских стран в СССР, на «Калеве» и «Лембите» подняли военно-морские флаги и зачислили в состав Краснознаменного Балтийского флота.

Новый старпом первым делом ознакомился с документацией «Лембита», убедившись, что по своему вооружению и оснащению лодка отличается от отечественных подводных лодок: «Глубина погружения – 70

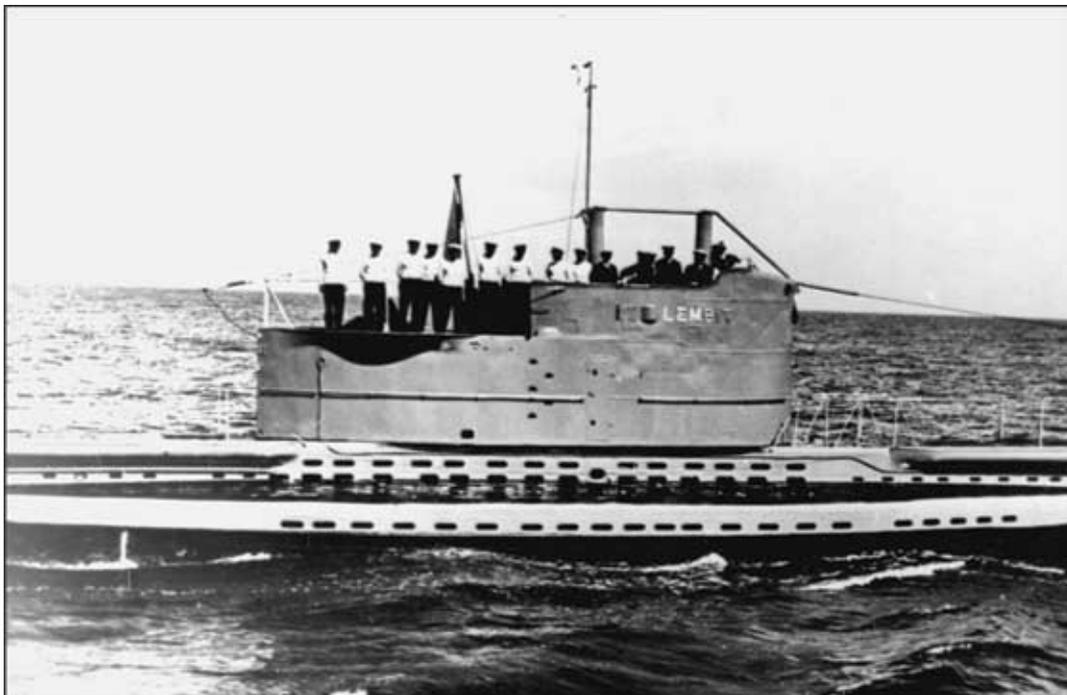
метров, автономность плавания значительно меньше, чем у наших лодок. А это существенный тактический недостаток. При тщательном сравнении по всем данным я пришел к выводу, что некоторые технические узлы лодки весьма совершенны, большое количество гидравлических устройств улучшало управление различными механизмами корабля. Кроме того, для плавания в надводном положении во льду был предусмотрен специальный ледовый пояс обшивки, а форштевень выполнен из литой стальной конструкции.

По вооружению «Лембит» относился к минно-торпедным подводным лодкам. В носу – четыре торпедных аппарата и четыре запасные торпеды в первом отсеке лодки. В булях по бортам – минные шахты, в каждой из которых помещалось по две морские якорные мины, всего 20 мин. Постановка мин возможна в подводном и надводном положениях лодки. Автоматическая 40-миллиметровая зенитная пушка системы «Бофорс» установлена на подъемной платформе в специальной герметической шахте. Чтобы приготовить пушку к стрельбе, требовалось не более полутора минут. Кроме пушки имелся один пулемет системы «Льюис».

Прочный корпус лодки разделялся герметическими переборками на пять отсеков. Размещение экипажа хорошо продумано. Первый отсек – торпедный и одновременно жилой. Во втором отсеке – в герметической яме первая группа аккумуляторных батарей, над ней офицерская кают-компания и койки офицеров, отгороженные от общего помещения шторами; в отдельной выгородке – каюта командира. В третьем отсеке – центральный пост управления лодкой. В кормовой части отсека в герметической яме вторая группа аккумуляторных батарей, над ней в специальной выгородке радиорубка и гидроакустическая аппаратура. В этом же отсеке камбуз и несколько коек для команды. В четвертом отсеке – два дизеля и электромоторы, обеспечивающие движение лодки. В пятом отсеке – механизмы управления рулями и другие мелкие агрегаты, а также жилое помещение старшин групп. В первом и пятом отсеках имеются люки, снабженные тубусами на аварийный случай выхода из лодки людей. В соответствии с размерами и вооружением подводная лодка «Лембит» была отнесена к кораблям второго ранга. Она вошла в состав 2-й бригады подводных лодок...»

Старшим помощником А. М. Матиясевич был недолго, всего-то с июля по конец сентября 41-го. 30-го числа он уже командир подводного минного заградителя «Лембит» Краснознаменного Балтийского флота. И скажем, командир достойный, о чем говорит его довоенная биография: «Алексей Матиясевич родился 17 сентября 1905 года в семье царского офицера

Михаила Степановича Матиясевича. Михаил Степанович отличился в войнах и дослужился до полковника, а все пять его сыновей, включая Алексея, стали впоследствии кадровыми офицерами.

Подводная лодка «Лембит»

Детство Алексея прошло в тяжелые послереволюционные годы. Уже в 16 лет, в 1921 году, приписав себе полтора года возраста, он без ведома родителей записался на флот. Служил матросом на буксирном пароходе «Амстердам» при переходе группы речных судов Северным морским путем из Мурманска в Красноярск, в 1922 году поступил на судоводительское отделение Киевского водного техникума, в 1927 году окончил его и поступил в Ленинградский морской техникум водных путей сообщения. После окончания учебы в 1931 году и до 1934 года ходил в качестве штурмана, помощника капитана, старпома, капитана на кораблях Дальневосточного пароходства. С 1934 по 1940 год – Балтийского пароходства.

В 1936 году в качестве старшего помощника капитана ледокольного парохода «Анадырь» участвовал в особой экспедиции под руководством О. Ю. Шмидта по проведению эсминцев «Сталин» и «Войков» из Кронштадта во Владивосток Северным морским путем. За успешное выполнение задания награжден орденом «Знак Почета» (Указ от 25 февраля 1937 года).

В 1937 году в должности старпома ледокольного парохода «Моссовет» Алексей Матиясевич участвовал в переходе из Мурманска в Петропавловск-Камчатский по Северному морскому пути за одну навигацию. На обратном пути шедший рекордными темпами пароход, взявший на Камчатке большой запас угля, по приказу руководства задержался во льдах для помощи другим судам, несмотря на благоприятные условия для завершения своего похода. В итоге «Моссовет» остался во льдах на зимовку вместе с ними. Учтя это, командование посчитало переход выполненным. Таким образом, были получены доказательства, что Северный морской путь проходим в обоих направлениях в течение одной навигации.

В мае – июле 1940 года участвовал в экспедиции по переводу закупленных в Голландии судов из Роттердама в Ленинград, во время этой командировки Голландия была захвачена гитлеровцами. В связи с оформлением документов у оккупационного правительства и установкой новой морской рации отправка судов сильно задержалась. Перед выходом в море немецкий офицер сообщил советским морякам радиочастоты для связи «в случае неприятностей». В пути караван, шедший с ясными обозначениями нейтральной страны, был обстрелян самолетом с британскими опознавательными знаками, но предложенными частотами советские моряки не воспользовались. Неизвестно, был ли это действительно британский самолет или имела место немецкая провокация.

В ноябре 1940 года тридцатипятилетний моряк с двадцатилетним стажем Алексей Матиясевич успешно прошел медкомиссию и был направлен на Высшие специальные курсы командного состава Краснознаменного учебного отряда подводного плавания (КУОПП) имени С. М. Кирова».

«Четыре боевых похода»

В свой первый боевой поход «Лембит» вышел 12 августа 1941 года. Экипажу тогда предстояло пройти под водой почти через все Балтийское море и поставить мины во вражеских водах, а затем по возможности топить фашистские суда торпедами.

Хорошо запомнилась старпому и первая подводная вахта: «Проверяю курс, внимательно слежу за глубиной погружения. Стараюсь запомнить и анализировать все происходящее на лодке – никакая теоретическая подготовка не может заменить практического плавания.

Ранее, плавая только над водой, мне не приходилось особенно считаться с некоторыми явлениями водной стихии. Известно, что вода в реках, морях и океанах имеет разную плотность. Вследствие этого у надводного судна при переходе из воды с одной плотностью в район с другой плотностью меняется осадка. Например, при выходе из реки в море осадка уменьшится, а при входе с моря в реку увеличится. При плавании же под водой, когда лодка внезапно попадает в слои воды с разной плотностью, зевать нельзя – можно провалиться на глубину, на которой корпус лодки подвергнется опасному давлению, или же, наоборот, лодка может, словно поплавок, выскочить на поверхность и обнаружить себя, чем нарушит свое основное тактическое превосходство – скрытность плавания.

Четвертый час мы шли на глубине 20 метров. Неожиданно лодка клюнула носом. Стрелка глубиномера полезла вверх. Рули переложили на полный угол. Но все же продолжали погружаться. Увеличили скорость хода – не помогает.

– Приготовить помпу из уравнильной за борт.

– Есть приготовить помпу из уравнильной за борт, – отрапортовал вахтенный трюмный Расторгуев.

– Пошел помпа!

Мерно загудел мотор. Вода из уравнильной цистерны откачивалась за борт. Стрелка глубиномера заколебалась и тронулась вниз.

– Стоп помпа! Ход – два узла! – управляясь рулями, медленно всплыли на прежнюю глубину.

Так моя первая подводная вахта показала, что не зря нас учили на приборах в специальном кабинете. С особой благодарностью вспоминаю опытного подводника, бывшего помощника командира знаменитой подводной лодки «Пантера» капитана 1-го ранга Александра Георгиевича

Шишкина, читавшего курс управления подводной лодкой и тренировавшего нас на специальном тренажере».

Когда «Лембит» точно вышел на важную коммуникацию противника, командир лодки проверил расчеты и только тогда отдал команду: «По местам стоять, мины ставить!» Вот пошла первая мина с левого борта, затем вторая с правого. И поочередно все двадцать мин вышли из шахт.

Уже потом стало известно, что на выставленном «Лембитом» заграждении подорвались немецкое учебное судно «Дейчланд», транспорт с грузом железной руды и морской железнодорожный паром.

В последних числах августа 41-го «Лембит» участвовал в беспрецедентном по сложности и боевой обстановке Таллинском переходе кораблей Балтфлота из Таллина в Кронштадт. Затем выходил в боевые походы на постановку минных заграждений, нарушение морских сообщений противника и несение дозорной службы.

Алексей Михайлович, вспоминая сентябрьский поход 42-го, пишет: «Нам предстояло действовать на подходах к фарватерам, ведущим в финские шхеры Утэ и Чекарсарен, и в районе маяка Богшер. По этим путям шли подкрепления на финский фронт. А на рейде Утэ формировались караваны с грузами, идущими из Финляндии.

Еще в Кронштадте, когда я узнал о предстоящем районе боевых действий, меня стала преследовать мысль: надо проникнуть на этот рейд.

Прошли сутки нашего пребывания на позиции; ни судов, ни самолетов противника мы не обнаружили.

Я еще и еще много раз с циркулем в руках изучал рейд Утэ. Чертил курсы лодки и возможные варианты атаки. Получалось, что, если на рейде окажется несколько судов, стоящих на якоре, там негде будет и развернуться. Будь у нас кормовые торпедные аппараты, было бы куда проще: развернул лодку на выход, дал залп по цели – и в море. А у нас только носовые аппараты, и маневрировать после залпа в стесненной акватории чрезвычайно сложно. Взвесив все «за» и «против», решил, что задача все-таки выполнима. Уж очень хотелось исполнить желание всего экипажа – открыть боевой счет лодки».

Но сначала экипажу банально не везло: рейд, на который удалось проникнуть «Лембиту» с огромным риском, оказался пустым. Развернулись на обратный курс. И только к вечеру следующего дня обнаружили на горизонте два сторожевика и два тральщика. На этот раз не удалось сблизиться с ними на дистанцию торпедного залпа... Уже в сумерках обнаружили два транспорта в охранении двух тральщиков. Но и здесь незадача: «В перископ видно плохо. Всплывать на поверхность? Еще

светло, лодка тотчас будет замечена. Стрелять по акустическому пеленгу? Велика дистанция. Все же мы пошли на сближение, однако суда через семь минут скрылись в шхерах».

И вдруг в светлое сентябрьское утро прозвучал доклад: «Справа по курсу дымы!» В перископе командир видит мачты и трубы вражеского каравана: «Караван движется, выполняя противолодочный зигзаг. Уточнив элементы движения – курс и скорость конвоя, – выбрал крупный транспорт, идущий вторым, и повел лодку в атаку. Наступил самый ответственный момент для командира и всего экипажа. Боевой торпедный залп был тем событием, к которому все мы столько готовились. То, ради чего мы берегли технику лодки в блокадную зиму, ради чего шли через минные поля, должно было свершиться через считанные минуты.

Торпедисты Ченский, Царев, Луценко уверены в своей технике. Их командир Столов ждет команды, и вот она уже звучит:

– Аппараты товсь! – И неминуемое: – Залп!

Две торпеды вырываются из аппаратов. Лодка вздрагивает, нос ее слегка приподнимается – вот тут рулевым-горизонтальщикам зевать нельзя! Считаю секунды: «Раз, ноль, два, ноль, три, ноль, четыре, ноль...» – через минуту сильный взрыв. Подняли перископ, и я увидел на месте транспорта облако густого дыма и снующие в разных направлениях катера, остальные суда полным ходом уходили в шхеры. Один сторожевик шел в направлении на лодку. Было самое время уходить на глубину.

Сторожевик прошел почти над лодкой, но бомб не сбросил – значит, мы не обнаружены. По-видимому, противник посчитал, что транспорт подорвался на mine.

Первый боевой залп оказался удачным».

14 сентября 1942 года командир подводной лодки «Лембит», атакуя конвой противника в районе острова Уте, впервые в истории Балтийского флота произвел торпедную атаку одновременно двух целей. В результате один из транспортов – «Финнланд» – был поврежден. Но это было еще не все. За лодкой началась самая настоящая погоня. Корабли охранения сбросили на нее полсотни глубинных бомб. От близкого взрыва возник пожар во 2-й группе аккумуляторной батареи, начала поступать в отсек забортная вода. Но благодаря профессионализму и слаженности действий личного состава пожар был ликвидирован. Огромное мужество проявил и сам командир. Несмотря на темноту, отравленную атмосферу, раненых, ему удалось организовать экипаж на борьбу за живучесть лодки. Сам же он получил отравление ядовитым дымом от пожара, не раз терял сознание, но приходил в себя и продолжал руководить борьбой за спасение корабля.

22 октября 1942 г. командир бригады подводных лодок КБФ капитан 1-го ранга Стеценко подписывает на командира ПЛ «Лембит» капитан-лейтенанта Матиясевича А. М. наградной лист на звание Героя Советского Союза: «Командир подлодки «ЛЕМБИТ» Капитан-лейтенант МАТИЯСЕВИЧ совершил за время Отечественной войны четыре боевых похода. На минах, выставленных им в водах противника в 1941 году, взорвалось два вражеских транспорта.

Выйдя в боевой поход в сентябре 1942 года, тов. МАТИЯСЕВИЧ мастерски преодолел на пути многочисленные минные заграждения, сильные дозоры кораблей и авиации противника. Находясь на позиции, МАТИЯСЕВИЧ действовал исключительно дерзко, проявляя большевистскую настойчивость в достижении боевой цели. Пробыв в море 28 суток, МАТИЯСЕВИЧ, несмотря на усиленную охрану, утопил 3 вражеских транспорта, груженные вооружением и снабжением общим водоизмещением 21 тыс. тонн.

Атакуя конвой, МАТИЯСЕВИЧ одновременно утопил два транспорта. Подвергшись вслед за атакой интенсивному преследованию и бомбежке глубинными бомбами сторожевых кораблей противника, подлодка получила крупное повреждение – произошел взрыв аккумуляторной батареи, пожар, и вода поступала в отсек. Для подлодки создалось весьма трудное положение при непрекращающемся преследовании противника. В полной темноте, в отравленной атмосфере с большим количеством раненых, МАТИЯСЕВИЧ личным примером стойкости и мужества, неоднократно падая в обморок, сумел организовать личный состав на борьбу за живучесть корабля.

Героическими усилиями МАТИЯСЕВИЧА подлодка оторвалась от преследования, экипаж и корабль были спасены.

За героизм и мужество, проявленные при выполнении боевого задания, ходатайствую о присвоении командиру подлодки «ЛЕМБИТ» капитан-лейтенанту МАТИЯСЕВИЧУ звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Примечательно, что представление на командира ПЛ «Лембит» поддержал даже Военный совет Краснознаменного Балтийского флота, но в Москве награду понизили без объяснения причин. Алексея Михайловича наградили тогда орденом Ленина.

Считался «неудобным»

Автор книги «Секреты балтийского подплава» О. Стрижак, не раз общавшийся с Алексеем Михайловичем Матиясевицем и с еще одним командиром подлодки, не ставшим Героем – Грищенко, свидетельствует: «Боевой счет лодки, которой с 42-го года командовал Матиясевиц, составил 25 вражеских судов, кораблей и подводных лодок общим водоизмещением почти восемьдесят тысяч тонн. Счет лодки Л-3, которой командовал Грищенко до 43-го года, – 28 кораблей и транспортов...

И оба командира, Грищенко и Матиясевиц, всю жизнь переживали тяжелую душевную травму. Им не дали звания Героя Советского Союза. Оба были представлены к Герою еще в 42-м. Матиясевиц говорил мне, что его из списка Героев вычеркнул Сталин.

Матиясевиц пострадал «за Лисина». Все знают, что Сергей Прокофьевич Лисин был человеком безупречной храбрости и честности. Золотую Звезду Лисин получил за июльский поход 42-го. Затем ему не повезло.

Командир дивизиона подводных лодок капитан 2-го ранга В. А. Полещук (слева) и командир подводной лодки «Лембит» капитан 3-го ранга А. М. Матиясевиц

В начале 70-х мне эту историю рассказывали так.

Ночью, в надводном положении, его лодка заряжала аккумуляторные батареи. Финский сторожевик вывалился из ночного шторма и дождя внезапно и случайно. И ударил из орудий в упор. Лисин и сигнальщик были на мостике. Лодка утонула мгновенно. Сигнальщик, привязанный по причине качки к леерам, ушел с ней. Лисина, контуженого и оглушенного, финны вытащили из воды. Командир подводной лодки, Герой Советского Союза – таких в плен еще не брали. Финны бились с ним долго. Ничего не добившись, передали его немцам. Немцы тоже не добились от Лисина никакой для себя пользы. Три года провел он в тюрьмах, казематах, в одиночке, в кандалах. Позднее за то, что не утонул и не успел застрелиться, он вдоволь хлебнул всего, что положено, на Родине. Но, ничего от Лисина не добившись, немцы устроили якобы голосом Лисина радиопередачу. Сталин, как говорил мне сам Матиясеви́ч, вычеркнул Матиясеви́ча из списка Героев со словами: «Слишали ми, как ваши герои падводники па радио агитируют».

К слову сказать, после возвращения из плена капитан 3-го ранга С. П. Лисин прошел спецпроверку в Подольске, был полностью реабилитирован и восстановлен в кадрах ВМФ. В том же 45-м служил командиром дивизиона подводных лодок в Порт-Артуре, где, кстати сказать, ему вручили Золотую Звезду Героя Советского Союза и орден Ленина.

Контр-адмирал В. С. Козлов, хорошо знавший Алексея Михайловича, дает следующее объяснение, почему ему не давали Героя: «Матиясеви́ч слишком деликатный или, если хотите, интеллигентный. В его докладах о боевых походах все в экипаже трудились, старались, проявляли находчивость и мужество! Но что сделал командир лодки, оставалось неясным. Вот и результат: в октябре 1942 года наградили 10 «лембитовцев» орденом Ленина, 14 – орденом Красного Знамени, 12 – орденом Красной Звезды, а Матиясеви́ч, представленный к Герою Советского Союза, так им и не стал. Вот как оборачивается скромность в действительной жизни».

Но все же не только скромность сыграла негативную роль в этом наградном деле. Выскажу свое мнение, сверенное с лицами, принимавшими участие в неоднократном ходотайстве о присвоении ему звания Героя Советского Союза. По характеру Алексей Михайлович был человеком принципиальным и прямолинейным, не склонным всегда улавливать начальственные намерения и заключения, из-за чего считался «неудобным», отстаивая свои мнения и оценки.

Будучи по натуре скромным человеком, Алексей Михайлович не терпел пустозвонства, излишнего восхваления некоторыми командирами

боевых успехов, как и своих. Зная профессионально лучше многих офицеров характеристику отечественных и иностранных транспортов и танкеров, он выступал против тоннажа потопленных судов. Отдавая должное мужеству и слаженности действиям экипажа С-13 и способностям его командира, Алексей Михайлович не соглашался с ретивыми писателями, журналистами и теми военморами, которые превозносили «атаку века» А. И. Маринеско до уровня ее «стратегического влияния на изменение исхода войны».

Исход войны предопределили советские воины на сухопутном фронте, а в отношении потерь подводников на потопленной германской плавбазе «В. Густлов» (до сих пор цифры разнятся от 3700 подводников и 100 командиров до 406 подводников и 16 офицеров...) Матиясеви́ч А. М. писал: «...потеря большого количества подводников решающего значения в то время для подводного флота уже не имела... запланированного вступления в строй новых лодок XXI и XXIII серий, для которых готовились кадры подводников, не произошло...»

О. Стрижак также подтверждает слова адмирала: «Матиясеви́ч Алексей Михайлович, знаменитый подводник, рассказывал мне, как он спорил с командирами лодок: «Нет сейчас на Балтике таких больших судов! Ну четыре, ну пять тысяч тонн. А ты загнул – двадцать!»

Матиясеви́ч до июня 41-го был капитаном в торгфлоте и хорошо знал суда всей Балтики.

Командиры лодок на него обижались. Сам Матиясеви́ч писал в своих донесениях честно: транспорт, примерно две тысячи тонн.

За это на Матиясеви́ча обижалось начальство. Начальство получало ордена за успехи подчиненных, и ему нужны были «весомые» победы.

Неприятности начались в 60-е годы, когда западногерманские историки обработали материал войны на море (вахтенные журналы, карты, схемы и кальки маневрирования, донесения командиров) и стали публиковать в «Марине Рундшау» результаты действий наших подводных лодок. Теперь пришлось потрудиться нашим историкам, приводить историю в порядок. Длилась эта работа почти двадцать лет. Многие «победы» оказались фикцией.

Считали, что попали в цель, а торпеды прошли мимо – «вот выписка из немецкого вахтенного журнала. Считали, что утопили транспорт, а он остался на плаву: вот подтверждение». Но это все полбеда. Гораздо хуже, что некоторые атаки и победы были заведомой ложью.

С презрением и насмешкой Грищенко и Матиясеви́ч говорили о Травкине. Травкин имел на своем счету одиннадцать побед, носил Золотую

Звезду. Оказалось, что победа у него была одна, незначительное судно. Остальное – плод дезинформации.

Экипаж помалкивал. Война дело такое, вякнешь лишнее – и закопают тебя в штрафроте, в Синявинских болотах. Командиры других лодок подозревали, что у Травкина нечисто, но за руку не схватишь... Скандал был бы велик. Но Кремль скандалов не любил. Немецких историков называли недобитыми фашистами. Нашим историкам велели молчать. Травкин сиял звездой в президиумах и благословлял пионеров.

А журнал «Марине Рундшау» объявили вражеским и сдали в спецхран.

Однако коррективы серьезные в историю войны на Балтике были внесены. Резко сократился (как и предсказывал Матиясевич) тоннаж потопленных судов: числился в боевом донесении транспорт в пятнадцать тысяч тонн, а оказался в полторы тысячи.

Но среди имен российских подводников вышли в первую строку имена Грищенко и Матиясевича».

Что же касается Маринеско, то мнение Матиясевича здесь однозначно любопытно. О. Стрижак продолжает: «Когда мы сидели с Матиясевичем над конечными главами его рукописи, я спросил его, почему, говоря о действиях балтийских подводников в зиму 44–45-го годов, он не упоминает Маринеско.

Матиясевич рассердился, встопорщил усы и с капитанской назидательностью, будто отчитывая меня за провинность, объяснил, что Маринеско был разгильдяй, недисциплинированный командир... словом: «я такого не хочу даже вставить в книжку».

Через неделю Матиясевич помягчел и, будто в знак извинения, рассказал, что в конце 50-х бывшие командиры-подводники Балтики написали в Кремль письмо с просьбой восстановить справедливость, присвоить Маринеско (тогда еще живому) звание Героя.

Матиясевич тоже подписал ту бумагу. Никто предположить не мог, что расправа будет мгновенной и дикой. Участников «вылазки» поодиночке вытаскивали на широкие ковры, крыли грязной бранью, грозя «разоблачить», сорвать ордена... Орден не отобрали, но всем «врубили» – по служебной и партийной линии. (Тогда-то, подумал я, капитан первого ранга Матиясевич и «ушел» с военного флота и нанялся лоцманом в Ленинградский торговый порт.) Вероятнее всего, Матиясевич не упомянул в книжке о Маринеско из дипломатии. Матиясевич хлопотал о постановке своей лодки «Лембит» на вечную стоянку в Таллине и, видимо, не хотел вредить делу. Кто же знал, что Эстония станет за границей и что в

Красную Звезду там будут плевать».

«За период боевых действий»

После войны Матиясевич продолжил службу на флоте. В 1946 г. его назначили командиром подводной лодки «Щ-303», а в 47-м – командиром дивизиона строящихся и капитально ремонтирующихся подводных лодок Балтийского флота. Осенью 50-го капитан 1-го ранга Матиясевич перешел на преподавательскую работу. Сначала он преподавал на Высших специальных классах офицерского состава подводного плавания и противолодочной обороны, затем в 1-м Высшем военно-морском училище подводного плавания. В 55-м Алексей Михайлович уволился в запас и до конца 50-х работал капитаном дальнего плавания на судах Балтийского морского пароходства. Лишь затем по возрасту перешел на работу помощником капитана – старшим лоцманом Ленинградского морского порта...

Пройдут десятилетия, прежде чем очередное ходатайство о восстановлении справедливости в отношении капитана 1-го ранга Матиясевича пройдет все инстанции. Как свидетельствует контрадмирал В. Козлов, «последний разговор в Смольном на эту тему состоялся осенью 1994 г., где Алексей Михайлович был вместе с председателем ОСВП ВМФ контр-адмиралом Ю. С. Руссиным. Тогда он был обнадежен руководством о скором положительном решении затянувшегося вопроса. Но не дождался Герой своей Звезды. 28 января 1995 г. он скончался и был похоронен на Серафимовском кладбище. Провожали его в последний путь кроме родных и близких многие флотские сослуживцы, ученики и ветераны».

Пройдет ровно десять месяцев, и Указ Президента Российской Федерации № 1192 о присвоении капитану 1-го ранга в отставке Матиясевичу Алексею Михайловичу звания Героя Российской Федерации будет подписан 29 ноября 1995 года. Как у нас часто происходит, чудеса случаются с опозданием, и все же справедливость восторжествовала.

Ведь за период боевых действий в Великой Отечественной войне в должности командира подлодки Алексей Михайлович Матиясевич совершил целых шесть боевых походов (как старший помощник командира еще один поход совершил в 1941 г.) общей продолжительностью 93 суток, произвел 4 минных постановки (80 мин). Выполнил 8 торпедных атак (14 торпед), доложил о 8 потопленных кораблях противника. Немецкими данными подтверждается, что достоверно потоплен 1 транспорт противника и еще один транспорт – весьма вероятно, а еще 1 транспорт

поврежден. На выставленных командой «Лембита» минах оружием достоверно потоплены сторожевой корабль, тральщик, 4 транспорта противника (советская литература указывает на 12 потопленных и 4 поврежденных транспортов и боевых кораблей).

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1945 года за успешную боевую деятельность экипажа подводная лодка «Лембит» награждена орденом Красного Знамени.

Тогда же, осенью 1995-го, грамоту о присвоении звания Героя Российской Федерации и Золотую Звезду вдове Алексея Михайловича – Валентине Николаевне – вручил представитель Президента РФ в зале клуба КУОППа, где собирались «лембитовцы» на свои традиционные послевоенные встречи.

Что же касается самой подводной лодки, то в 1955 году она стала учебно-тренировочной станцией по отработке подводников борьбе за живучесть. В 1979 году лодка была возвращена с Волги на Балтику, в Таллин. С мая 1985 по апрель 1992 г. «Лембит» использовалась как филиал Музея Балтфлота, но после предоставления Эстонии независимости музейная подлодка превратилась новыми властями в филиал эстонского морского музея...

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Козлов В. Герой-подводник, капитан дальнего плавания. Морская газета. Интернет.

Костев Г. Г., Костев И. Г. Неизвестный флот. М., 2004.

Матиясеви́ч Алексе́й Миха́йлович. Википедия. Интернет.

Матиясеви́ч Алексе́й Миха́йлович. Герои страны. Интернет.

Матиясеви́ч А. М. По морским дорогам. Л., 1987.

Стрижак О. Секреты балтийского подплава. СПб., 1996.

ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 600. Л. 294, 294 об.

Судьбы адъютантские

«Увидел себя на экране»

После окончания Великой Отечественной войны М. Г. Борода еще 12 лет служил в армии. В 1957 году в звании подполковника вышел на пенсию. Жил в Курске и работал директором Военторга. Работа по тем временам весьма важная, «блатная», уважаемая в городе всеми начальниками. Да вот директор Военторга был не из тех. Так скажем, не свой в доску. На его груди было немало боевых орденов и медалей, действительно заслуженных в жестоких и кровопролитных боях. И, скорее всего, мало кто знал, кем на самом деле был этот храбрый и мужественный человек...

Оказавшись уже на второй пенсии, Михаил Григорьевич весьма активно участвовал в военно-патриотическом воспитании молодежи. Однажды решил он сходить в кино. На экранах тогда шел фильм «Последнее сражение войны» из знаменитой киноэпопеи «Великая Отечественная». И, сидя в первом ряду, М. Г. Борода воистину обомлел, увидев на экране самого себя...

«И память перенесла ветерана в те августовские дни 1945 года, когда ему пришлось участвовать в войне с милитаристской Японией, – пишет В. Хотенков. – Тогда подполковник Борода был помощником начальника оперативного отдела штаба Первого Дальневосточного фронта. По заданию командующего фронтом Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова он следовал вместе с одним из подвижных отрядов Пятой армии в направлении Харбина, где намечалось соединение с войсками Забайкальского фронта.

Отряд не ввязывался в затяжные бои, обходил сильные узлы сопротивления противника и вблизи Харбина вышел к штабу 88-й пехотной дивизии японцев. Они не оказывали сопротивления, но и не намерены были капитулировать без приказа императора. Вышедшему из блиндажа начальнику штаба дивизии подполковник Борода приказал сдаться в плен. Японский полковник увидел советские танки и самоходные установки, мотострелков, готовых вступить в бой, и заявил, что доложит командиру дивизии. Спустя две-три минуты вернулся и заявил, что генерал сдастся в плен только равному по званию.

– Передайте генералу, что, если он через пять минут не отдаст приказ частям дивизии о капитуляции, а сам не сядет в мою машину, мы откроем огонь, и весь ваш штаб взлетит в воздух, – приказал Борода.

Не прошло и пяти минут, как японский генерал, глядя в землю, вышел из блиндажа.

Фронтной кинооператор, находившийся в отряде, заснял момент пленения японского генерала, и он стал фрагментом одного из фильмов о Великой Отечественной войне».

Все правильно записал тогда, в 79-м, В. Хотенков, за исключением должности М. Г. Бороды. Если быть точным, то она называлась так: «Помощник начальника отдела по использованию опыта войны оперативного управления штаба 1-го Дальневосточного фронта». И еще. По всей видимости, эту штатную клетку Михаил Григорьевич занимал формально. Подполковничья должность, да и только. А в реальности он продолжал выполнять личные, связанные с боевой деятельностью поручения маршала Мерецкова. Как и прежде до этого, всю войну...

30 сентября 1945 года подполковник М. Г. Борода будет награжден очередным боевым орденом – Красного Знамени. За Японию. Только теперь война закончится для него навсегда.

«За что тебе такие мучения?»

Гвардии майора Н. П. Курганского, слушателя 2-го курса Военной академии им. Фрунзе, арестовали 25 марта 1948 года. Постановление о его аресте было утверждено лично генералом Абакумовым, санкция же была дана главным военным прокурором Афанасьевым. Только потом за ним захлопнулись ворота Лефортовской тюрьмы. Для молодого, здорового, красивого боевого офицера это означало конец всему и всего...

А, как же иначе?

Е. Казюкин в своем материале описывает это так: «... ворота страшной тюрьмы, которую прозвали «на Лефортовском валу». Она и впрямь вселяла ужас. Камеры в ней словно бетонные мешки – размером три на три метра. Ни прилечь, ни отдохнуть. Только на ночь из стены выдвигался голый лежак. Но это были «цветочки». «Ягодки» начались потом. Когда начали вести допрос ставленники Берии. В них участвовал даже сам Абакумов. От Курганского требовали только одного: напишите собственноручно, что Жуков – английский шпион. Курганский стоял на своем:

– Я боевой офицер, смерти смотрел в глаза, никогда не врал и не юлил. Не оговорю Георгия Константиновича.

– Подумай, а мы тебе в этом поможем.

И в камере вспыхивала и горела непрерывно 1000-свечовая лампа. Применялись и другие инквизиторские методы: на темечко методично капала вода. Одна капля, вторая, сотая, от них разрывалась голова. Невыносимое испытание. Легче выдерживал он побои, даже пытки. А тут нервы и воля были на пределе.

Его снова уговаривали. Иногда допросы длились по двое суток. И такое истязание продолжалось шесть месяцев.

– Подпишите собранные данные. Полковник Семочкин уже поставил свою подпись. Вот она, смотри! И генералы Кондратьев с Варенниковым скоро попросят ручку. А ты – майор, и упрямишься! Не бойся, какой спрос с тебя будет? Лучше подумай о своей жизни, родителей.

Он часто вспоминал родных. Но больше всего снилась мама. Однажды он увидел ее стоящей у лежака, она гладила его по голове и, смахивая слезы, спрашивала: «За что тебе такие мучения, Коленька?» Видимо, все-таки существует телепатия. Курганский не знал, но Елена Малаховна несколько раз приезжала в Лефортово с передачей для сына, просила о свидании с ним. Однако все время ей отказывали. Измученная женщина

стояла у ворот, горько рыдала и молила Бога о спасении родной кровинушки».

Все дело в том, что майор Курганский недолгое время служил адъютантом (т. е. офицером, состоящим при военном начальнике для выполнения служебных поручений или для выполнения штабной работы) маршала Г. К. Жукова. С 1945-го до поступления в Военную академию в 1947-м...

И. И. Шалай в своей книге мемуаров свидетельствует: «В апреле сорок шестого Г. К. Жуков уехал в Москву, его назначили Главнокомандующим сухопутных войск, передал полномочия своему заместителю генералу армии В. Д. Соколовскому. Перемещение Жукова из Германии в Москву в войсках восприняли с одобрением, пошли разговоры, что это неспроста, скоро займет должность наркома. Его боевые соратники, оставшиеся в Германии, надеялись, что маршал их не забудет.

Печальным оказалось время после отъезда Жукова. В Группе советских войск начались аресты, чекисты лютовали. В первую волну попали те генералы и офицеры, которых маршал защитил от хозяина Лубянки – генерал Минюк и подполковник Семочкин, адъютант маршала. 26 апреля 1948 года взяли Главного маршала авиации, дважды Героя Советского Союза Новикова. В Ростове без предъявления ордера арестовали и доставили во внутреннюю тюрьму МГБ генерал-лейтенанта К. Ф. Телегина. Такая же участь постигла и другого Героя Советского Союза, бывшего командира кавалерийского корпуса, генерал-лейтенанта В. В. Крюкова. Аресты в Группе советских войск в Германии вызвали панику в высшем военном эшелоне власти. Были случаи, когда у некоторых командиров нервы сдавали, боясь попасть в лапы чекистов, они уходили в Западную зону».

Впервые «данные», дискредитирующие Жукова, были выбиты из Главного маршала авиации А. А. Новикова весной 1946 года, через неделю после ареста. Затем «заявление» Новикова рассматривается Высшим военным советом 1 июня все того же 46-го, который признает необходимым освободить маршала Жукова от должности главнокомандующего Сухопутными войсками. Через день Совет Министров СССР принимает решение об освобождении маршала от должности главнокомандующего Сухопутными войсками и заместителя министра Вооруженных сил СССР. Начинается самая настоящая опала. Георгия Константиновича назначают на второстепенный округ, а он сам попадает под неусыпное наблюдение органов государственной безопасности. В декабре 1947 года арестовывается бывший адъютант Жукова, слушатель Военной академии

им. Фрунзе подполковник А. С. Семочкин и бывший генерал-адъютант, а затем генерал для особых поручений при маршале Жукове генерал-лейтенант Л. Ф. Миник. В январе 48-го: бывший член Военного совета 1-го Белорусского фронта, затем Группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенант К. Ф. Телегин. Весной 48-го: бывший генерал-адъютант по особо важным оперативным делам, заместитель начальника основного факультета по учебной работе Военной академии им. Фрунзе генерал-лейтенант И. С. Варенников. Осенью 48-го: заместитель командира 36-го стрелкового корпуса Герой Советского Союза генерал-лейтенант В. В. Крюков.

Комментируя череду арестов, Н. Смирнов подчеркивает: «Знакомясь с показаниями этих и других военачальников, убеждаешься, как настойчиво добивались следственные органы от арестованных любых показаний, дискредитирующих маршала Жукова. В этом можно удостовериться, хотя бы бегло ознакомившись с материалами судебных разбирательств по делам тех же Семочкина, Миника, Телегина и Крюкова.

В обвинительных заключениях по этим делам утверждалось, что названные лица арестованы «за вражескую деятельность», либо «за антисоветскую деятельность», либо «за проведение враждебной ВКП(б) и Советскому правительству деятельности», либо «за антисоветскую агитацию». Кроме того, некоторым из них предъявлялось еще обвинение и в злоупотреблении служебным положением, в расхищении государственного имущества». Но прежде всего арестовали офицеров и военачальников за близость, как говорится, «к телу» маршала Жукова. Иначе эти аресты и не объяснить. Курганский же в адъютанты к Георгию Константиновичу попал совершенно случайно...

«Там-то я и познакомился с ним»

Генерала армии Кирилла Афанасьевича Мерецкова, заместителя Народного комиссара обороны СССР по боевой подготовке, арестовали на второй день войны, 23 июня 41-го. К слову сказать, бывшего начальника Генштаба арестовали на основании показаний арестованных еще в 1937–1938 гг. командарма 1-го ранга И. Ф. Федько, армейского комиссара 1-го ранга П. А. Смирнова, флагмана флота 1-го ранга В. М. Орлова, командармов 2-го ранга Н. Д. Каширина и И. А. Халепского, армейских комиссаров 2-го ранга А. С. Булина и М. М. Ланды, комкоров В. Н. Левичева, С. А. Меженинова и С. П. Урицкого, комдивов П. П. Ткалуна, С. И. Венцова-Кранца и Е. С. Казанского, комбригов М. Л. Ткачева и К. И. Янсона и полковника Б. М. Симонова, а также арестованного накануне генерал-лейтенанта авиации Я. В. Смушкевича. Обвиняли военачальника по трагически знаменитой статье 58, пунктам 1 «б», 7, 8, 11 УК РСФСР. В Лефортове Мерецкова беспощадно били («дубасили»), мочились ему на голову и лишь в случае дачи нужных показаний обещали не трогать семью. Только поэтому на предварительном следствии Кирилл Афанасьевич признал себя виновным. А 28 августа 41-го он написал письмо Сталину: «...В напряженное время для нашей страны, когда от каждого гражданина требуется полностью отдать себя на защиту Родины, я, имеющий некоторую военную практику, нахожусь изолированным и не могу принять участия в освобождении нашей Родины от нашествия врага. Работая ранее на ответственных постах, я всегда выполнял Ваши поручения добросовестно и с полным напряжением сил.

Прошу Вас еще раз доверить мне, пустить на фронт и на любой работе, какую Вы найдете возможным дать мне, доказать мою преданность Вам и Родине.

К войне с немцами я давно готовился, драться с ними хочу, я их презираю за наглое нападение на нашу страну, дайте возможность подраться, буду мстить им до последней моей возможности, не буду щадить себя до последней капли крови, буду бороться до полного уничтожения врага. Приму все меры, чтобы быть полезным для Вас, для армии и для нашего великого народа...»

Сталин «помиловал» будущего полководца и вернул в армию, на фронт. С сентября 1941 года Мерецков командовал 7-й отдельной армией, которая остановила наступление финских войск на реке Свирь.

Михаила Григорьевича Бороду судьба с генералом армии Мерецковым свела именно в 7-й армии. После ранения под Петрозаводском его назначили командиром роты охраны Военного совета армии. Там-то и заметил командующий храброго и мужественного офицера-пограничника...

К. А. Мерецков

«Когда началась Великая Отечественная война, краснознаменец лейтенант Михаил Григорьевич Борода, отличившийся еще во время финской кампании, являлся начальником 5-й погранзаставы возле Суоярви на финляндской границе, – рассказывал в своих мемуарах К. А. Мерецков. – Финнам удалось после возникновения боевых действий взять заставу в кольцо. За два дня пограничники отбили 12 атак. Тогда противник стал бомбить заставу. 22 дня герои выдерживали осаду. А когда боеприпасы оказались на исходе, пограничники штыковой атакой прорвали кольцо окружения с неожиданной стороны – в направлении к Финляндии – и ушли от преследования в полном вооружении и неся с собой раненых. Через пять суток храбрецы соединились с нашими войсками. За этот подвиг они были награждены. Борода получил второй орден Красного Знамени».

А вот как об этом говорится в документе – в представлении к ордену

Красной Звезды лейтенанта Бороды от 13 августа 1941 года: «5.7.41 г. боевое охранение в составе 6 человек, находившееся на линии госграницы в 2 километрах от погранзаставы, было окружено группой противника до 40 человек и вело бой. Лейтенант БОРОДА с группой из 9 человек пограничников получил задачу прорвать окружение, соединиться с боевым охранением и совместно с боем отходить к заставе. Отойдя километр от заставы, группа наткнулась на засаду противника и была внезапно обстреляна сильным ружейно-пулеметным огнем с расстояния 20 метров. Лейтенант БОРОДА, увлекая бойцов личным примером, атаковал противника, несмотря на его численное превосходство. Противник, не ожидая такого удара, неся потери от ружейно-пулеметного огня и гранат, обратился в бегство – путь был расчищен. Продвигаясь дальше, группа решительными действиями прорвала окружение, соединилась с боевым охранением и с боем отошла на заставу. Поставленная задача была с честью выполнена благодаря личному примеру и героизму со стороны лейтенанта тов. БОРОДА.

С 2 по 8 июля группа, созданная из двух погранзастав, вела бой с наступающим батальоном противника, с 8 по 22 июля группа вела бой в полном окружении против 2 батальонов противника, которые поддерживались тремя батареями артиллерии с укрепрайона, 6–8 80-мм минометами, двумя 120-мм минометами, двумя отдельными 76-мм орудиями и одним бомбардировщиком. Выдержав многочисленные артиллерийско-минометные подготовки, отразила двенадцать атак противника. За все время боев лейтенант БОРОДА показал пример отваги, стойкости, воспитывая у бойцов презрение к смерти и умение драться...»

Примечательно, что начальник 80-го пограничного отряда полковник Молошников представил лейтенанта Бороду к ордену Красной Звезды, а наверху начальник пограничных войск НКВД Карело-Финского округа полковник Киселев решил по-своему. И 26 августа 41-го ниже написал: «За образцовое руководство боем заставы при защите границы СССР и проявленные при этом доблесть и мужество ходатайствую о награждении лейтенанта БОРОДЫ орденом КРАСНОЕ ЗНАМЯ.

Командующий 7-й армией Герой Советского Союза генерал-лейтенант Гореленко лишь согласился, поставив свою подпись 3 сентября.

Как мог не заметить такого молодого офицера с двумя боевыми орденами новый командующий 7-й армией осенью 1941 года? Конечно же заметил... А в воспоминаниях написал: «Там-то я и познакомился с ним и уже не расставался до конца войны. Борода был назначен офицером для поручений, а позднее – помощником начальника оперативного отдела

штаба фронта».

«Под Берлином, во время объезда позиций»

Но вернемся к майору Курганскому, адъютанту маршала Жукова. Е. Казюкину удалось узнать о нем немного: «Был еще один человек, который многое мог бы рассказать об адъютанте маршала. Это Николай Евсеевич Савченко, академик, бывший министр здравоохранения БССР, двоюродный брат Николая Петровича.

Есть в Чечерском районе деревня Турищевичи. Вокруг первозданные леса, Сож рядом. Вот в этих красивейших местах и родился Николай. Мать – Елена Малаховна, отец – Петр Иосифович. Петр был старше своей супруги, до революции работал наставником и, по сути, взял в жены свою ученицу. Она была из трудолюбивого и зажиточного рода Савченко. Вместе занимались бортничеством, земледелием, имели скот. В 30-е годы семью хотели раскулачить, да спас уполномоченный, которого в свое время приютил и кормил дедушка Малах. Да и Курганские были не из бедных. Петр Исаакович сумел переориентироваться при Советах, стал бухгалтером местного колхоза и имел твердую зарплату. А она так была нужна, у них родились шестеро детей, пятеро из которых сыновья. Их кормить надо было, одевать и учить, выводить в люди. Да и стали они людьми с большой буквы, имевшими высокие звания и высокий авторитет.

Спрашиваю Алексея Петровича, заслуженного учителя БССР: «Каким был Николай?»

– Трудолюбивым. Мы с ним днем учились в школе, а вечером ходили в ночное, сторожили коней. Отдыхать некогда. И еще – целеустремленным. В 1939 году Николай поступил в Киевское артиллерийское училище. После окончания учебы отправился в Среднюю Азию. Там был расквартирован знаменитый корпус, и брату хотелось служить именно там, хотя отправили его в другое место. Получился скандал, но его быстро погасили. Он и в войну проявил себя! Получить шесть боевых орденов, среди которых орден Ленина, – говорит о многом».

Воевал Н. П. Курганский действительно храбро и грамотно. Свое первое боевое крещение он получил в 41-м под Москвой. «Туда срочно был переброшен кавалерийский корпус знаменитого генерала Льва Доватора, в котором он служил, – пишет Е. Казюкин. – Задача поставлена тяжелейшая и даже рискованная: пройтись ураганным огнем по тылам немцев, парализовать их и нанести ощутимый удар по врагу. И они прошлись – огнем и саблей по занятому врагом заснеженному Подмосквью, о чем

столько написано и сказано. В тех боях лейтенант Курганский был ранен в руку. Его подлечили, но шашку кавалерист держать уже не мог. И он стал тем, на кого учился в Киеве, – артиллеристом».

Весной 42-го командира взвода огня 14-го отдельного конно-горноартиллерийского дивизиона 20-й конно-горнокавалерийской дивизии лейтенанта Курганского наградят медалью «За отвагу»: «За время боевых действий дивизиона с 10.11.41 года показал себя бесстрашным командиром-артиллеристом. Тов. Курганский своим взводом систематически вел огонь по фашистам с открытой позиции прямой наводкой. 17.11.42, освобождая от немецких оккупантов деревню Новиково, его взвод с открытой ОП прямой наводкой уничтожил 2 ст. пулемета и несколько групп пехоты противника, что дало возможность нашей конницы продвинуться вперед...»

Следующая награда капитана Курганского – орден Отечественной войны 2-й степени: «Тов. КУРГАНСКИЙ в Отечественной войне участвует с октября м-ца 1941 г. За этот период показал себя волевым и решительным командиром.

За весь период командования артбатареей показал себя только с положительной стороны. Благодаря храбрости и мужеству тов. КУРГАНСКОГО в соединении с высокой артиллерийской подготовкой его батарея наносила большой урон противнику.

В августовских боях, а также при прорыве обороны противника нанесла большой урон противнику.

При нанесении удара противнику тов. КУРГАНСКИЙ своим наблюдательным пунктом выдвинулся на передовую линию, где и был ранен...»

Осенью 43-го капитана Курганского награждают орденом Отечественной войны 1-й степени: «В ночь на 11.09.43 в условиях лесисто-болотистой местности вместе с 22 КП переправил две батареи на Зап. берег р. Десна, развернул их в боевой порядок и, управляя их огнем, дал возможность планомерно переправиться всем частям и обеспечил их продвижение вперед.

В течение 12.09.43, лично находясь в боевых порядках конницы на НП на рубеже железной дороги под автоматным и пулеметным огнем противника, отразил 5 контратак противника (до батальона пехоты с танками и самоходн. пушками), чем обеспечил удержание рубежа кавполком.

В период бомбежки, лично управляя огнем, отразил контратаку противника.

Его группа за период боев истребила до батальона пехоты и 2 танка противника...»

Зимой 44-го заместителя командира 250-го гвардейского артминполка гвардии капитана Курганского награждают орденом Красной Звезды: «Выполняя приказ Верховного главнокомандующего Маршала Советского Союза т. Сталина по взятию опорных пунктов противн. Мозыр, Калинковичи, в период глубокого обходного маневра нашими частями по тылам врага, в результате смелых и решительных действий, непосредственно способствовали взятию важнейших опорных пунктов Мозыр, Калинковичи.

Командуя артиллерийской подгруппой в бою под д. Сколдино, обеспечивал продвижение эскадронов вперед, сорвал две контратаки противника и уничтожил при этом около 80 гитлеровцев, подавил огонь одной минометной батареи, уничтожил 2 станков. пулемета.

15.01.44 под сильным ружейно-пулеметным огнем противника, лично находясь в боевых порядках эскадронов и корректируя огонь батарей полка, уничтожил 3 тяжелых пулемета, 2 автомашины с пехотой противника, подавил огонь двух 75-мм орудий, чем обеспечил прочное удержание рубежей обороняемых эскадронов...»

17 августа 1944 года командир 17-й гвардейской кавалерийской дивизии гвардии генерал-майор Курсаков подписывает представление на майора Курганского к званию Героя Советского Союза: «Гвардии майор Курганский – зам. командира 250-го гвард. артминполка по строевой части. На фронте Отеч. войны с окт. 1941 г., активный участник героической обороны г. Москвы. Отличный снайпер-артиллерист, последовательно занимал должности зам. к-ра батареи, к-ра батареи, зам. к-ра полка по строевой части. В боях с немецкими захватчиками дважды ранен. На всем протяжении Великой Отечественной войны показал себя беспредельно преданным Родине, тов. СТАЛИНУ, исключительно мужественным и отважным офицером Красной армии. Героические подвиги гв. майора Курганского завоевали ему славу не только в дивизии, но и за ее пределами. И еще в январе 1942 г., во время наступления наших войск под Москвой, батарея т. Курганского действовала в боевых порядках эскадрона. В тяжелом, ожесточенном бою выбыл весь орудийный расчет. Тов. Курганский один, под ужасающим артиллерийским и пулеметным огнем вел огонь из своего орудия, поддерживая действие эскадрона, и не ушел с поля боя, даже будучи раненым.

В сентябре 1943 г. в глубоком тылу у врага, когда части дивизии форсировали р. ДЕСНА для выхода в тыл Брянской группировке

противника, т. Курганский по своей инициативе переправил по дну батареи дивизионной артиллерии и, выкатив ее на прямую наводку, в течение 2 суток отражал натиск превосходящих сил противника. За эту операцию полк был преобразован в гвардейский.

Особый героизм и отвагу проявил гв. майор Курганский в боях за овладение г. Седлец, важнейшим опорным пунктом на подступах к ВАРШАВЕ. Подразделения 17-й гв. кавал. дивизии вели в г. Седлец тяжелые уличные бои. Противник, умело используя каменные здания, приспособленные для обороны чердаки, слуховые окна и т. д., сильным ружейно-пулеметным огнем при поддержке минометов и артиллерии из глубины, а также танков и самоходных пушек упорно противодействовал продвижению наших частей по городу. Наши части несли потери. Продвижение частей приостановилось. Гвардии майор Курганский, являвшийся командиром артиллерийской группы поддержки конницы, по своей инициативе, со средствами связи перешел сначала на передовой наблюдательный пункт, а затем непосредственно в боевые порядки, где лично наблюдал огневые точки, мешавшие продвижению наших частей, вызовом артогня подавлял их.

Рядовые бойцы, увидя в своих боевых порядках четырежды орденоносца майора Курганского, видя громадную эффективность огня, корректируемого гв. майором Курганским, с новым воодушевлением начали дальнейшее очищение города от немецких захватчиков.

В течение полутора дней под артиллерийско-минометным и пулеметным огнем находился гв. майор Курганский в боевых порядках эскадрона, уничтожая и подавляя огневые точки пр-ка и пробивая точным огнем дорогу для продвижения вперед наших кавалерийских подразделений.

После 4-суточных ожесточенных боев г. Седлец – важнейший опорный пункт пр-ка на подступах к ВАРШАВЕ – был очищен от немецких захватчиков. Противник, понеся большие потери, был выбит из города.

31 июля 1944 г. в 22.00 столица нашей Родины МОСКВА по приказу Маршала Советского Союза тов. СТАЛИНА САЛЮТОВАЛА доблестным войскам, освобождавшим город СЕДЛЕЦ, 20 артиллерийскими залпами.

За высокое воинское мастерство, героизм, отвагу и мужество, проявленные в бою с немецкими захватчиками на протяжении всей Отечественной войны, **ОСОБЕННО В БОЮ ЗА ОВЛАДЕНИЕ гор. СЕДЛЕЦ, гвардии майор КУРГАНСКИЙ Николай Петрович ПРЕДСТАВЛЯЕТСЯ К ЗВАНИЮ ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА...**»

Но звание Героя Курганскому не присвоили. Командующий

артиллерией 1-го Белорусского фронта генерал-полковник Казаков 28 августа 1944 года, несмотря на положительные заключения вышестоящих начальников Курганского, написал: «Достоин правительственной награды ордена Ленина». Так майор Курганский всего лишь из-за одного росчерка пера не стал Героем Советского Союза.

Все тот же генерал Казаков собственноручно перечеркнет и следующую награду Курганского. И вместо полководческого ордена Кутузова третьей степени его наградят орденом Красного Знамени: «2.03.45 в бою за крупный опорный пункт пр-ка узел шоссейных и железных дорог м. Бервальде, находясь непосредственно в боевых порядках наступающих кавэскадронов, с находчивостью и смелостью проявляя разумную инициативу, под сильным огневом воздействием пр-ка, четко управляя подразделениями, довел им своевременно ясные целеуказания на подавление действующих по эшелонам целей противника, сопровождая действительным прицельным огнем батарей полка продвижение конногвардейцев 59 и 61 гв. КП. В результате четкой увязки и взаимодействия указанный опорный пункт был взят, промежуточный рубеж обороны противника, тщательно подготовленный на зап. высотах, юго-зап. м. Бервальде, был прорван кавэскадронами при поддержке батарей полка, причем ими было уничтожено: одна 75 мм батарея пр-ка, три пулеметных точки, рассеяно и частично уничтожено около роты пехоты пр-ка.

16–17.04.45, участвуя в прорыве глубокоэшелонированной обороны противника на зап. бер. р. Одер в р-не южн. Франкфурта-на-Одере, находясь непосредственно в боевых порядках наступающих стрелковых рот 22 сд [стрелковой дивизии] в р-не Визенау и зап., под сильным ружейно-пулеметным огнем пр-ка, управляя минометными батареями полка с находчивостью и смелостью в период наивысшего напряжения боя, выполняя заявки поддерживаемых подразделений, точным прицельным огнем обеспечил их продвижение вперед, способствовал прорыву обороны пр-ка, подавил огонь 2 81-мм минометных батарей пр-ка и уничтожил около 30 гитлеровцев и 5 пулеметных точек, чем способствовал овладению крупным опорным пунктом противника м. Брискок. Дисциплинирован, аморальных проступков не имеет...»

Младший брат майора Н. П. Курганского Владимир Петрович на вопрос, где его заметил маршал Жуков, поведал следующее: «Под Берлином, во время объезда позиций. Чем приглянулся ему майор Курганский, не знаю. Знаю только, что он любил смелых, исполнительных людей, офицер с божьей искрой. Георгий Константинович пригласил его в штаб лично и предложил службу адъютанта. Чем мог ответить брат?

Конечно, «сочту за честь!»»

На самом деле перспективного, молодого и боевого офицера, заместителя командира полка Жукову порекомендовал командир 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, в котором воевал Курганский, генерал Крюков...

«Этот человек прорвется сквозь все преграды»

В ноябре 1941 года генерал Мерецков был назначен командующим войсками 4-й отдельной армии, которая участвовала в Тихвинской наступательной операции. Будущий маршал и полководец до конца своей жизни не забудет, как в конце 41-го М. Г. Борода спас ему жизнь: «Дело было под Тихвином. Атака дивизии П. К. Кошевого захлебнулась. Я находился в тот момент недалеко и решил подбодрить солдат. Увидев командующего, они сразу поднялись и снова пошли в атаку. Позиции врага остались у нас за плечами. Но в перелеске, видимо, уцелел какой-то фашистский пулеметчик, и мы внезапно очутились под лавиной пуль. Борода и другой бывший пограничник, ефрейтор Селютин, упали на меня и прикрыли собой. Рядом стояло 45-миллиметровое орудие. Его командир успел дать выстрел прямой наводкой и уничтожить пулемет, а сам (вместе с Селютиным и Бородой) был тяжело ранен последней очередью. Михаил Григорьевич не раз отличался с тех пор в бою. Так, весной 1942 года под Мясным Бором он получил от меня задание помочь дивизии полковника Угорича отбить атаку противника, рвавшегося к Ленинградскому шоссе. Когда комдив был смертельно ранен, Борода временно принял на себя его функции и не дал дивизии отступить».

В декабре 41-го генерала Мерецкова назначили командующим войсками Волховского фронта (в этой должности он провел две свои самые неудачные операции: Любанскую и Синявинскую – в 1942-м). А вскоре его заместителем стал генерал А. А. Власов, которого в апреле он временно поставил на командование 2-й ударной армией. Но уже летом 42-го эта армия оказалась в полном окружении. Судьба же Военного совета и штаба армии оставалась неизвестной. Власов словно исчез. Когда утром 25 июня вышедшие из окружения офицеры доложили, что видели Власова и других старших офицеров в районе узкоколейной дороги, Мерецков немедленно направил туда танковую роту с десантом пехоты под командованием своего адъютанта капитана Бороды.

«И вот во главе отряда из пяти танков Борода двинулся теперь в немецкий тыл, – вспоминал К. А. Мерецков. – Четыре танка подорвались на минах или были подбиты врагом. Но, переходя с танка на танк, Борода на пятом из них все же добрался до штаба 2-й ударной армии. Однако там уже никого не было. Вернувшись, горстка храбрецов доложила мне об этом в присутствии представителя Ставки А. М. Василевского».

Сегодня трудно себе даже представить, какое опасное боевое задание выполнял тогда М. Г. Борода. Но в любом случае он его выполнил с честью. По крайней мере его информация потом помогла штабу фронта с организацией выхода окруженных бойцов и командиров из немецкого котла. Как мог не оценить этот подвиг сам командующий!

5 августа 1942 года генерал армии Мерецков подписывает наградное представление на майора Бороду к ордену Ленина: «В действующей Красной армии с июня 1941 года в составе 80-го погранотряда до ноября 1941 года в ежедневных боях с немецкими захватчиками, с декабря – адъютантом командующего 7-й, 4-й армий, а в последнее время Волховского фронта. За это время в течение 8 месяцев выполняет ответственные боевые задания командующего при выезде в части фронта. Неоднократно в ответственные моменты боя выезжал для проверки передовых частей в бою. В боях за Тихвин, выполняя боевые задания в передовых частях 4-й армии, ходил в атаки.

В боях на реке Волхов в частях 52-й, 59-й армий, также выполняя боевое задание командующего, проявлял личную храбрость при выезде на передний край боевых порядков. При выполнении боевых заданий майор БОРОДА неоднократно рисковал жизнью, добиваясь выполнения порученного дела. Все боевые поручения в бою им были выполнены с честью...» Следующая строчка в документе вписана самим Мерецковым: «При прорыве на р. Полисть с передовыми частями шел в танке».

Следующей наградой, к которой представил Мерецков своего храброго адъютанта, стал орден Отечественной войны 1-й степени. Само представление кратко и не красочно, зато сколько стоит за этими сухими словами Маршала Советского Союза: «В период Новгородской и Свирской боевых операций в январе, феврале и июне 1944 г. поручались ответственные срочные задания, которые т. БОРОДА выполнял добросовестно и в срок. Беспеременно держал связь с ведущими наступательными бои частями, неоднократно выезжал лично в части. Своевременно информировал командующего о всех событиях на фронте. Отважный офицер...»

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков умер в 1968 году, прожив всего 71 год. Подполковник Борода умер в 1993 году, прожив 78 лет. Казалось бы, что могло объединять этих двух людей: маршала и старшего офицера? По всей видимости, только великое уважение одного к другому! Бороде было за что уважать своего командующего-начальника, а Мерецкову было за что уважать своего адъютанта, порученца и отважного офицера. Не зря же в своих мемуарах он так и написал о Бороде: «Я был уверен, что

этот человек прорвется сквозь все преграды». Молчание же Бороды – это тоже уверенность в правоте Мерецкова.

«Перестал быть похожим на человека»

Личного шофера маршала Жукова А. Бучина арестовали 27 апреля 1950 года. В камеру на Лубянке его бросили после многочасового допроса. Правда, его не били. Мучили по-другому: не давали спать, задавая вопросы о Г. К. Жукове. На допросы водили ночью, с 10 вечера до 5 утра, раздевая до нижнего белья. Но не получив никаких признательных показаний, все же объявили Бучина «врагом народа» и дали 5 лет по печально знаменитой 58-й статье. Говорят, что как-то раз ему удалось передать с надежным человеком, которого выпускали на свободу, записку Г. К. Жукову: «Помогите, товарищ маршал». И даже получить ответ: «Александр Николаевич, сам сижу на чемоданах, жду!»

В отличие от других арестованных по делу Жукова, по полной программе досталось генералу Телегину. Сам он позже расскажет: «Они (следователи) меня избивали резиновой дубинкой по два раза в день, и у меня на теле даже вырваны куски мяса. Угрозы избиением повторялись ежедневно, и я бы подписал все, что они написали».

Генерала Крюкова, в отличие от Телегина, не били. Сам он в заявлении в ЦК КПСС напишет: «Итак, на протяжении месяца я проводил бессонные ночи в кабинете следователя. Обычно вызывали на допрос часов в 10–12 дня и держали до 5–6 ч вечера, затем в 10–11 ч вечера до 5–6 утра, а подъем в тюрьме в 6 ч утра. Я понимал, что это тоже один из методов следствия, чтобы заставить меня говорить, что нужно следователю, и причем так, как это ему нравится».

Подполковник Семочкин также был изнурен допросами. Впоследствии он объяснит, почему подписал протокол: «Подписал протокол потому, что был в таком состоянии, что готов был покончить жизнь самоубийством».

Тяжелее всех свой арест пережил Николай Петрович Курганский. Обвинение майору Курганскому было предъявлено 9 апреля 1948 г. по статье 58 п. 1 «б» УК РСФСР, которое дословно выглядит так: «Курганский на протяжении ряда лет поддерживал преступную связь с лицами, проводящими вражескую деятельность».

Будучи антисоветски настроенным, Курганский подготовлял осуществление изменнического акта и с этой целью вербовал некоторых лиц из числа своего окружения».

Читая этот бред, сложно понять, в чем конкретно выражалась

преступная и антисоветская деятельность боевого офицера.

После предъявленного обвинения в течение апреля-мая 1948 года Курганского вызывали на допрос всего пять раз. Затем какие-либо следственные действия с ним не проводились, и он на протяжении более 3 лет содержался в Бутырской тюрьме. В результате длительного тюремного заключения Николай Петрович стал психически нездоровым человеком. Жестокий тюремный режим и фронтовые раны по совокупности подорвали его молодой организм. Боевого офицера сломали психически и физически искалечили. О том, как это происходило, вполне доступно рассказал А. Бучин: «Первые месяцы во внутренней тюрьме – кошмар. Прежде всего психологически. Хотя я, работая у Г. К. Жукова, наглядился на чекистов и не был в восторге от них, все же, как у каждого советского человека, у меня было представление о них как о борцах с «врагами», людях, занятых опасным делом, идеалистах. Впервые мне пришлось столкнуться с ними в их логовище – на Лубянке, и я пришел в неопишуемый ужас. Вместо романтиков я увидел обыкновенных тупых мерзавцев.

Я проходил по следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Следователи, полковник Герасимов, затем подполковник Мотавкин, взялись за меня всерьез и, конечно, поставили на «конвейер». Практически мне очень долго не давали спать. На допрос вызывали вскоре после 10.30, то есть после отбоя. Только лег, как надзиратели, или лучше именовать их уместным словечком вертухай, поднимали и вели на допрос. Нередко по дороге запирали в бокс на несколько часов, глубокой ночью вводили в кабинет зевающего следователя, который, чтобы разогнать сон, орал. Грозился и вел безумные речи. Иной раз казалось, что ты в доме умалишенных. В камеру отводили около 6 утра, а в 6 подъем, и уж спать днем не дадут. <...>

В конце концов я стал плохо соображать, что происходило».

С середины августа по конец ноября 1951 года Курганский содержался в психиатрическом отделении санчасти Бутырской тюрьмы. По результатам проведенной в декабре судебно-психиатрической экспертизы его признали невменяемым и направили как душевнобольного в психиатрическую больницу на принудительное лечение. А в середине января 1952 г. дело Курганского было рассмотрено Особым совещанием при МГБ СССР. Его решением Курганского осудили по предъявленному обвинению и направили в психиатрическую больницу изолированного типа.

Через полгода после смерти Сталина, осенью 1953-го, мать Курганского обратилась с письмом в Верховный суд СССР с просьбой перевести сына на лечение по месту жительства. А в конце марта 54-го

Главный военный прокурор опротестовал как незаконное решение Особого совещания при МГБ СССР по делу Курганского. В этом протесте было указано, что в деле имеется лишь заявление гражданки Минюк М. И. от 18 марта 1948 г., в котором говорится, что Курганский просил ее сообщить маршалу Жукову, что органы МГБ собирают на него компрометирующий материал, рекомендовать Жукову обратиться в правительство за разрешением выехать за границу, как когда-то выехал Троцкий (Курганский на допросе подтвердил данный факт).

Помимо этого в деле есть сведения о том, что Курганский, узнав об аресте генерала Терентьева и подполковника Семочкина, предполагая, что они близки к окружению Жукова, через жену Семочкина пытался поставить об этом в известность Жукова.

К слову сказать, как отмечалось в протесте, данная деятельность Курганского не может расцениваться как антисоветская. Никаких других доказательств его преступной деятельности материалы следствия не содержат.

В апреле 1954 г. дело Курганского было пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР. Его определением приговор по делу был отменен как незаконный ввиду отсутствия состава преступления. Сам Курганский реабилитирован.

Только в мае 1954 г. Курганского передали из психиатрической больницы тюремного типа его брату, который и привез его к матери в деревню Турищевичи Чечерского района Гомельской области. В последующем благодаря стараниям матери Курганского, которая обращалась и в Верховный суд СССР, и в Генеральную прокуратуру, и в Главную военную прокуратуру, Николай Петрович был окончательно реабилитирован. В том числе ему был засчитан в срок службы период времени, который он провел в заключении, была назначена военная пенсия и возвращены все награды.

Ветеран войны Н. Е. Савченко, двоюродный брат Курганского, никогда не забудет, как Николай Петрович помог ему демобилизоваться из армии, чтобы поступить на третий курс Минского мединститута, откуда он добровольцем ушел на фронт. Именно Николай Евсеевич хорошо знал минский период жизни Н. П. Курганского: «У Курганского кроме пенсии не было ничего, все офицерское имущество и сбережения исчезли бесследно. Ни о какой работе, даже легкой, не могло быть и речи – полный инвалид! Как он жил без жилья, без семьи, без работы – представить невозможно! Много раз приходилось помещать его в больницу, чтобы хоть немножко подкрепить, дать отдохнуть от неприкаянной жизни. После одной из таких

госпитализаций в 1973 году, когда он снова оказался в Минске на улице, я взял его фотографию с орденами, в десяти строчках изложил его горестную биографию и пошел ко второму секретарю ЦК КПБ А. Н. Аксенову. Рассказал ему об этом осколке сталинского произвола, о его бедствиях, попросил помочь выделить в Минске Курганскому хоть какое-то жилье (я в то время был министром здравоохранения БССР). А утром мне позвонил председатель Минского горисполкома М. В. Ковалев и сказал, чтобы Курганский пришел получить ордер на выделенную ему квартиру. Без труда я восстановил цепочку событий: Аксенов доложил Машерову, Петр Миронович тут же принял решение и дал указание Ковалеву. Курганский получил маленькую однокомнатную квартиру и наконец обрел свой угол и покой. Всю оставшуюся жизнь он прожил одиноким, без семьи, посильно помогая в работе районной ветеранской организации. В последние годы он почти ослеп, с трудом передвигался. Однажды я спросил его, не держит ли он зла на маршала за то, что тот не вызволил из тюрьмы, не вспомнил о его судьбе? Горько улыбувшись, Николай Петрович ответил: «А что он мог сделать? Маршалом Победы он был на войне, там он управлял, а здесь он и сам оказался под жерновами неуправляемых, неподвластных ему обстоятельств».

Когда Курганский получил письмо от маршала Жукова, в котором Георгий Константинович спрашивал у него, нужна ли ему какая помощь, бывший адъютант просто промолчал, потому что, несмотря на выпавшие, на его долю испытания, остался гордым человеком. Умер Курганский в собственной квартире: он «...не выходил два дня из квартиры. Соседи взломали замок и нашли его мертвым в ванной».

Примечательно, что после всех кругов ада, которые прошел Курганский, когда он, по словам матери, «перестал быть похожим на человека» и вернулся доживать свой век в родное село, в октябре 1955 г. ему пришло короткое уведомление из КГБ СССР следующего содержания: «Уведомляем Вас о том, что изъятый у Вас при аресте в 1948 г. автомобиль «Опель-Супер» восстановлен и находится в исправном состоянии. Вы можете получить его, для чего Вам необходимо обратиться в бухгалтерию хозяйственного управления МГБ СССР по адресу: Москва, Кузнецкий мост, д. ...»

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Бучин А. Н. 170 000 километров с Г. К. Жуковым. М., 1994.

Военные архивы России. Г. К. Жуков: неизвестные страницы биографии. 1-й выпуск. М., 1993.

Казюкин Е. Последний адъютант маршала. «Сельская газета», № 122 от 3 июля 2010 г.

Казюкин Е. Роковая судьба белорусского адъютанта маршала Жукова. «Аргументы и факты в Беларуси» № 36 от 7 сентября 2011 г.

Мерецков К. На службе народу. М., 2003.

Панов Ф. Сквозь все преграды. «Курская правда», № 575 от 19 декабря 2007 г.

Смирнов Н. Вплоть до высшей меры. М., 1997.

Турченко С. Раскрыта тайна маршала Мерецкова, о которой вралли историки. Свободная пресса, 29 октября 2009. Интернет.

Хотенков В. Увидел себя на экране. «Курская правда» от 21 сентября 1979 г.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682523. Д. 20. Л. 178, 178 об., 179.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 321. Л. 154.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682524. Д. 600. Л. 447, 447 об.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682526. Д. 311. Л. 159.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 478. Л. 123.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 3346. Л. 93.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686046. Д. 15. Л. 6, 7, 7 об.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5567. Л. 84.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 2281. Л. 236.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 7204. Л. 53.

Черушев Н. С. Из ГУЛАГа – в бой. М., 2006.

Шалай И. И. Из бездны темных сил: Повесть-хроника. Пятигорск, 2003.

Два разведчика

«Сколько разведчиков ушло, столько и должно прийти»

Не секрет, что фронтовая войсковая разведка в годы войны внесла свой огромный вклад в успех выполнения многих военных операций... Разведка – это глаза и уши обычного стрелкового полка, не говоря уже о стрелковой дивизии. Например, только для постановки боевой задачи и ее выполнения требовалось своевременное изучение местности.

Основные способы ведения войсковой разведки – это наблюдение, подслушивание, поиск, налет, засада, разведка боем.

Наблюдение как способ ведения разведки обеспечивало получение наиболее достоверных сведений о противнике и местности. Наблюдение дополнялось подслушиванием, особенно ночью и в условиях ограниченной видимости.

Поиск – наиболее сложный способ разведки, а в условиях непосредственного соприкосновения с противником часто требовал проявления разумной инициативы, находчивости и храбрости в сочетании с умелым расчетом. Например, «языка» разведчики брали всегда в обороне, а при наступлении шли всегда впереди. Поисковое подразделение обычно состояло из группы захвата и группы обеспечения. На особо сложное задание всегда назначались две группы обеспечения. Минные поля и проволочные заграждения на путях движения незаметно разграждались специальными группами разграждения. Соседние с намеченным объектом огневые точки успешно подавлялись артиллерийским огнем, разрывы которого абсолютно не мешали действиям поисковой партии. Группа захвата обходила намеченное боевое сооружение с тыла или с фланга и внезапным броском нападала на него. И еще. Поиск заключался в скрытом подходе подразделения или группы к заранее намеченному и изученному объекту противника, во внезапном нападении на него и захвате «языка», документов, образцов вооружения и снаряжения. Позднее в разведке стали использовать уже три группы: нападения, захвата и поддержки.

Характерно, что в первые годы войны все поиски проводились, как правило, ночью. В последующем, в связи с переходом противника к системе сплошных траншей, плотно прикрытых значительных количеством инженерных заграждений, а также повышением его бдительности ночью, проведение поисков в ночное время стало делом весьма сложным. С 1943 г. в частях Красной армии стали широко практиковать и дневные поиски.

Например, самым удобным временем для их проведения стали первые три часа после рассвета и послеобеденное время, когда бдительность противника притуплялась. Что же касается эффективности поиска, то она, безусловно, зависела от тщательности подготовки к поиску, от тренированности разведчиков, их смелости и решительности действий.

Налет заключался во внезапном нападении на противника в целях захвата пленных, документов, образцов вооружения и техники, а также для уничтожения (вывода из строя) его важного объекта в полном составе или частью сил.

Засада как способ разведки заключалась в заблаговременном и скрытом расположении разведгруппы на ожидаемом пути движения одиночных или небольших групп противника. В годы войны засады обычно устраивались как при подготовке наступления, так и в ходе боевых действий. Места для них выбирались вблизи троп, дорог, преднамеренно поврежденных линий проводной связи, у источников воды и т. д. Главным преимуществом засады были большие возможности для внезапного нападения.

Что же касается разведки боем, то она проводилась с целью уточнения характера обороны противника, вскрытия системы огня и заграждения, а также определения наличия войск на первой позиции. Только так на фронте добывались наиболее достоверные и точные сведения о группировке войск противника, его подготовке к наступлению и системе огня. Проводилась же она лишь в тех случаях, когда не было других возможностей добыть разведывательные данные другими способами. Однако для вскрытия огневых точек противника разведчикам приходилось вызывать огонь на себя. Только поэтому такой способ ведения разведки в обиходе назывался «разведкой смертью».

К слову сказать, за непременным условием успеха любой разведгруппы стоял опыт командира-разведчика в организации и проведении разведывательных действий.

Известный писатель Герой Советского Союза Владимир Карпов после штрафной в 42-м принял взвод пешей разведки стрелкового полка. Однажды, отвечая на вопросы писателя В. Лыкова, он расскажет не только о себе лично, но и о деталях «обычной работы» войсковой разведки на фронте:

«— И вы явились во взвод пешей разведки с новой первой медалью. Как отнеслись к вам разведчики?»

— Сначала в штабе меня познакомили с командиром взвода пешей разведки Иваном Казаковым. Затем мы отправились в блиндаж. Разведчики

чистили оружие. Уставились на меня: явно из-за медали.

Казаков сказал: «Володя, новый разведчик – чемпион по боксу. Не советую пререкаться с ним, может вложить ума по всем правилам». Все засмеялись.

Я думал, что на следующий день пойдем в разведку. Но оказалось, прежде чем идти за «языком», надо выбрать объект и тщательно изучать его. Казаков приводил нас в первые траншеи на разные участки обороны полка. Вместе наблюдали за немецкими позициями в бинокль, а также пользовались артиллерийскими стереотрубами. Мы искали наиболее удобные подходы к объекту. Репетировали, как незаметно подползти к нему. Казаков говорил, что все детали надо отрабатывать здесь, а на территории противника все должно проходить как по нотам. И запомните: сколько разведчиков ушло, столько и должно прийти. Ни убитых, ни раненых не бросать.

– Ваши ощущения при выполнении первого задания.

– Они были сложные. Но я рассчитывал почему-то на победу. Экипировались: маскировочный костюм, ватные брюки, телогрейка, автомат, нож, гранаты. След в след подошли к первой траншее. На нас с любопытством смотрели бойцы стрелкового подразделения.

– К фрицам?

– К ним.

Покурили. Казаков говорит: «Карпов, группу поведешь ты. Я дальше не пойду». Я на миг растерялся: как же так? Но Казаков подтолкнул меня: мол, вперед. Мы перемахнули бруствер. Коноплев и Рогатин впереди. Их обогнали дозорные Пролеткин и Фоменко. Лузгин с саперами полз чуть в стороне. Снег был сухой, скрипел. Все вокруг слилось в белой мгле, похожей на густой туман. Ориентироваться на местности помогали немецкие ракеты и пулеметные очереди.

Лузин с саперами проделали проход в проволочном заграждении. Лежали не дыша. Где-то рядом щелкнула ракетница. Шурша, ракета понеслась вверх и с легким хлопком раскрылась в огромный яркий световой зонт. Думаю: если сейчас нас обнаружат немцы, никому не уйти – перебьют. По всему телу разлилась какая-то тяжесть. Но надо ползти. За колючей проволокой – траншея, заглядываю: где немцы? Никого. Сполз в нее. Вдруг из поворота вышли два фрица, прямо на меня. Вскинул автомат – убил одного, затем другого.

Задуманное стремились осуществить без шума, а не получилось. Гитлеровцы принялись палить из блиндажа. Я бросил в него гранату. Грохнул взрыв, дверь вылетела. Кто-то стонал в темноте. Я влетел в

блиндаж: надо брать «языка». Темь непроглядная, споткнулся о человеческое тело. Вытащил стонавшего из блиндажа, набежали разведчики, принимайте, говорю им. Те быстро связали фрицу руки, в рот затолкали кляп и поволокли его вниз по траншее. Проскользнули через проволочное заграждение – погони и стрельбы не было. Побежали к черной полосе своих позиций. В окопы спрыгнули в полном изнеможении. Увидев нас, Казаков вскрикнул:

– Ну молодцы, сами живы остались и фрица приволокли. Карпов, поздравляю с первым «языком»...

В своем блиндаже краем уха за дверью услышал: «Фартовый у нас командир группы захвата, с таким дело пойдет». Не скрою, похвала для меня была приятной. И, надо сказать, дело пошло, брали «языков» регулярно.

– Сколько же их на вашем счету, Владимир Васильевич?

– Судя по документам – 79. На самом деле их больше. А за каждым «языком» стоит смерть с косой. В сентябре 1943 года, когда завершилась Ржевская наступательная операция, меня первый раз представили к званию Героя Советского Союза. К тому времени я уже был лейтенантом, командиром разведывательного взвода полка. Для меня это было неожиданностью. Я засомневался: «Надо ли это делать?» Командование полка в один голос заявило: «Не сомневайся, заслужил!» Однако звания мне не присвоили. На одном из документов кто-то карандашом сделал пометку: «Вы думайте, кого представляете. Карпов год назад был врагом народа, а вы его – в герои». Горько, конечно, но неприятности на душе сгладила битва под Курском и форсирование Днепра.

– Вы много раз ходили в тыл врага с различными заданиями. Понятно, что все они трудные и опасные. И все же, какое задание было самым сложным и неожиданным для вас?

– Это было особое задание, срочное, из разряда фантастических! Хорошо помню время. Отгремели бои за Днепр. Очистилась от оккупантов вся Правобережная Украина. Завершилась третья военная зима. На очереди стояло освобождение Белоруссии. Создавался 3-й Белорусский фронт. Меня вдруг вызвали в штаб этого нового фронта. Вызов был настолько срочным, что за мной прискакал даже майор. Он сразу же повел меня к начальнику разведуправления фронта. Главный разведчик с ходу заявил:

– Вы, Карпов, поедете в Витебск. Там наши люди добыли схемы оборонительных полос противника. Принесите их сюда.

В. А. Карпов

Начальник разведки говорил так, как будто чертежи надо было доставить из соседней комнаты, а не из города, лежащего по ту сторону фронта. Видимо, начальник разведки избрал этот тон для того, чтобы не испугать и не заронить с первой минутой сомнений. А под конец беседы он сообщил, что сейчас со мной будет лично говорить командующий фронтом Черняховский. Я, конечно, заволновался, значит, дело чрезвычайно сложное. Генерал вышел навстречу, пожал руку и кивнул на диван: «Садитесь». И сам сел рядом, начал говорить о задании:

– До Витебска километров двадцать. Мне рекомендовали тебя как удачливого и грамотного разведчика. У нас есть толковые люди, но это глубинные разведчики, они не умеют действовать в полевых условиях. А для тебя зона, насыщенная войсками, – родная стихия. Нелегкое тебе предстоит дело, береги себя. – Черняховский посмотрел мне в глаза и как-то по-свойски добавил: – Мне очень нужны эти схемы, разведчик...

– Этой же ночью вы отправились за линию фронта, в тыл врага.

– Да, надо было торопиться. В разведуправлении меня переодели в форму немецкого ефрейтора, снабдили документами, и в два часа ночи я уже был на передовой. С помощью полковых разведчиков прополз под колючей проволокой. Впереди чернела траншея. Очень трудно заставить себя приблизиться к ней. Нужно обязательно попасть в промежуток между двумя часовыми. А где они? Разве увидишь в темноте? Борьба с самим длится несколько секунд.

Достал гранату, пополз к траншее. Приблизился, приподнялся на руках: не торчит ли каска? Никого. Неподалеку кто-то колет дрова. Вспышки ракет все дальше и дальше. Дополз до деревьев – встал. Рядом пролежала наезженная дорога. Она должна была вывести меня к шоссе на Витебск. Обогнул деревню, вышел к шоссе. Снял маскировочный халат, закопал у приметного дерева. По шоссе двигались машины, повозки, группы людей. Я остановил сани с гражданским возницей. Дядька принял меня за немецкого офицера. Довез до Витебска. Город еще спал. Я отыскал улицу и номер дома. Постучал в дверь. Женский голос спросил: «Кто там?» Я назвал пароль, и меня впустили в квартиру. В глубине стоял мужчина. «Николай Маркович», – представился он. Надежда Васильевна, его жена, ушла на кухню что-то приготовить. Николай Маркович стал расспрашивать меня о Большой земле. Позавтракали. Меня свалил сон. Проснулся, когда уже стало смеркаться. Хозяева уже возвратились со службы. Пора и собираться «домой». Фотопленку с отснятыми чертежами зашили в воротник под петлицу. Прикинул: мне понадобится на возвращение домой часов семь. Перейти линию фронта лучше часа в три ночи, когда часовые умаются и не будут слоняться по обороне.

На прощание выпили по стопке самогона. Эта стопка неожиданно сыграла важную роль. Когда я переходил улицу, чтобы выйти на нужное направление, неожиданно из-за угла вынырнул парный патруль и остановил меня.

– Ваше состояние в этот момент? О чем подумали? Что предприняли?

– Ощущение было таким: от головы до ног прокатилась горячая волна, а обратно, от ног к голове, хлынула волна холодная. Чтобы не выдать себя произношением, я молча протянул документы. Патрульный придиричиво спросил:

– Почему ты здесь? Твой полк на передовой.

Я молчал, а патрульный все настойчивее домогался, почему я улизнул с передовой. Вокруг образовалось кольцо зевак, бежать бессмысленно... Патрульный наклонился ко мне, принялся и заорал:

– Да он же пьян, скотина!

Не знаю, удача это или нет, но обстановка на какое-то время разрядилась. Раз пьян – в комендатуру. Хорошо то, что не обыскали, – пистолет при мне, и я намеревался дать ему ход. Как полагается пьяному, шел покачиваясь. Шел и думал: «Надо же что-то делать. Заведут в комендатуру, и всему конец». Поравнялись с разбитым двухэтажным домом. Внутри темно. Я выхватил пистолет и в упор расстрелял патрульных. Вскочив на подоконник, прыгнул внутрь дома, затем выскочил

во двор... Перелезая через заборы, оказался на окраине улицы. Погони пока не слышно. Впереди торчал столб с указателями, в какой стороне какие деревни. Подался по дороге к лесу – легче маскироваться, но ошибся. В лесу рычали танки и бегали немецкие солдаты. Повернул на восток и обрадовался: впереди вспыхивали и гасли ракеты, значит, там траншейная система. Маскируясь местностью, то ползком, то скачками я наконец добрался до траншеи и проволочного заграждения.

По траншее ходил часовой. Самое правильное – без шума снять его. Но у меня не было сил. И лежать нельзя – замерзну. И все же, когда гитлеровец поравнялся со мной, я ударил его пистолетом по каске. Немец заорал, пришлось стрелять. Подбежал к заграждению, ухватившись за кол, перемахнул его, но тут же получил удар по голове – потерял сознание. А когда очнулся, слышу, позади кто-то работал лопатой и подкрадывался к моим ногам. Видимо, фашисты посчитали меня убитым и хотели втащить под проволоку на свою сторону. Я тут же вскочил и кинулся к кустам. Побежал параллельно линии фронта. Началась пальба. Огонь переместился в сторону наших позиций, значит, немцы потеряли меня из виду. Ударил и наша артиллерия. На моем пути оказалась речка. Я спустился на лед, но идти уже не мог, оказалось ранение в голову. Меня подобрала полковые разведчики. Командиру полка я передал воротник, оторвав его от куртки, и попросил доставить в штаб фронта.

– А вас отправили, надо полагать, в госпиталь?

– Да. Сделали операцию. Пуля, к счастью, не задела мозг. Меня навестил член Военного совета Бойко и сообщил, что по поручению командующего фронтом Черняховского я представлен к званию Героя Советского Союза. Позже я узнал, что Черняховский звонил в Москву и просил дать ход материалам на присвоение мне звания Героя Советского Союза».

Вне всяких сомнений, работа разведчика была одной из самых опасных на войне. Больше трех месяцев на передовой продержаться удавалось лишь единицам. Или убит, или ранен и покалечен...

«Гришка-рейхстаг»

Он родился в 1925 г. в деревне Черкасово Свердловской области в семье рабочих. Через 4 года его родители переехали в город Слободской Кировской области, где разместились в одном из спиртозаводских домов на берегу речки Пятерихи. В школу он пошел в 8 лет. Учился неохотно, зато «обеспечивал кормами домашнее хозяйство» и всей душой любил природу: знал вятские леса, грибные места, был отчаянным рыбаком. Часто пропадавая на реке Вятке, спасал тонущих. С началом войны, в 16 лет, поступил на работу на «Красный якорь», выпускавший авиационную фанеру. В 42-м, когда пришла похоронка на отца, сразу же пошел в военкомат проситься на фронт. Но тогда его не взяли. До призыва успел получить права шофера, а в 17 уже охранял военные склады в Вахрушах. В 43-м с эшелонном лошадей добрался до фронта и в Великих Луках сначала стал стрелком, а затем и разведчиком.

Свою первую боевую награду, медаль «За отвагу», стрелок роты автоматчиков Григорий Булатов заслужил в бою 22–23 июня 1944 года, за высоту 223,4 «за то, что под непрерывным огнем противника вброд через реку своевременно доставлял боеприпасы на передний край». Вторую медаль «За отвагу» – еще через месяц: «за то, что он с группой разведчиков в ночь на 26.7.44 г. в районе деревни Черная захватил «языка», который дал ценные сведения». А в октябре Булатова представили к ордену Славы 3-й степени. В представлении, подписанном командиром 674-го стрелкового полка майором Арестовым, будет написано: «Тов. Булатов – участник всех наступательных боев, проведенных полком с 10.7.44 г., в боях действовал смело и решительно. В бою 20 сентября 1944 г., выполняя приказ командира, смело выдвинулся вперед и гранатным огнем уничтожил пулеметную точку противника вместе с расчетом».

До окончания войны оставалось всего-то полгода, и если бы не шальная пуля, не слепой осколок, то поджидало юного солдата счастье Великой Победы, возможно, еще один орден Славы 2-й степени, а затем долгая служба в армии, как молодого по возрасту и не подлежащего демобилизации. Словом, обыкновенная и самая простая солдатская судьба русского парня. Но нет же, случилось то, что случилось, ибо все в жизни всегда случается неожиданно...

22 апреля 1945 года соединения усиленного 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии в составе 150-й, 171-й стрелковых дивизий и 23-й

танковой бригады ворвались в Берлин. Как вспоминал маршал Г. К. Жуков, «продвигаясь вперед, они освобождали квартал за кварталом. Благодаря их успешным действиям создалась реальная возможность для 3-й ударной армии нанести удар по центру Берлина с севера.

79-й стрелковый корпус был повернут на юг с целью овладения северной частью города и развития наступления на районы Плетцензее, Моабит.

К вечеру 26 апреля части корпуса форсировали Фербиндугс-канал и овладели станцией Бойсельштрассе, а в ночь на 27 апреля была очищена от противника северо-западная часть района Моабит. Передовые части 150-й и 171-й стрелковых дивизий вышли к главной берлинской электростанции, к станции Путлицштрассе, к театру «Комише Опер».

150-я стрелковая дивизия в этих боях овладела тюрьмой Моабит, где были освобождены тысячи военнопленных и политических узников...

В боевом распоряжении № 0025 от 28 апреля 1945 года генерал-майора С. Н. Переверткина были поставлены задачи соединениям 79-го стрелкового корпуса на овладение Рейхстагом:

«...3. 150-й стрелковой дивизии – одним стрелковым полком – оборона на р. Шпрее. Двумя стрелковыми полками продолжить наступление с задачей форсировать р. Шпрее и овладеть западной частью Рейхстага...

4. 171-й стрелковой дивизии продолжать наступление в своих границах с задачей форсировать р. Шпрее и овладеть восточной частью Рейхстага... <...>

150-я и 171-я стрелковые дивизии, усиленные 23-й танковой бригадой подполковника М. В. Морозова, в ночь на 29 апреля на направлении главного удара корпуса действиями передовых батальонов под командованием капитана С. А. Неустроева и старшего лейтенанта К. Я. Самсонова захватили мост Мольтке.

С утра 29 апреля и всю ночь на 30 апреля шли ожесточенные бои в непосредственной близости от Рейхстага. Части 150-й и 171-й стрелковых дивизий готовились к штурму Рейхстага.

В 11 часов 30 апреля после артиллерийского и минометного налета штурмовые батальоны полков этих дивизий и группы артиллеристов-разведчиков майора М. М. Бондаря и капитана В. Н. Макова перешли в атаку, пытаясь с трех направлений захватить здание Рейхстага.

В 13 часов после 30-минутной повторной артподготовки началась новая стремительная атака. Завязался огневой и рукопашный бой непосредственно перед зданием Рейхстага и за главный вход.

В 14 часов 25 минут батальон старшего лейтенанта К. Я. Самсонова

171-й стрелковой дивизии, батальон капитана С. А. Неустроева и батальон майора В. И. Давыдова 150-й стрелковой дивизии ворвались в здание Рейхстага...»

К слову сказать, еще задолго до штурма перед советскими войсками была поставлена задача: любой ценой прорваться к Рейхстагу и водрузить на нем красный флаг не позднее 1 мая. А так как еще не было известно, какой дивизии первой удастся водрузить Знамя Победы, Военный совет 3-й ударной армии распорядился изготовить несколько одинаковых знамен по числу всех своих соединений. В 150-й стрелковой дивизии знамя Военного совета досталось 756-му полку под командованием Ф. Зинченко. Однако ситуация складывалась совершенно не в его пользу. 29 апреля в 22 часа 30 минут командира соседнего 674-го полка А. Плеходанова на свой наблюдательный пункт вызвал комдив генерал Шатилов: «— Товарищ Плеходанов! У Зинченко большие потери. Вести наступление одним батальоном Неустроева он не может. Говорит, что в этом батальоне осталось всего 75 человек. Так что придется штурмовать Рейхстаг тебе. Подготовься к штурму. Неустроев будет тебе помогать.

По дороге на свой наблюдательный пункт подвалами и через проломы в стенах домов я пошел посмотреть, какова обстановка в полку Зинченко, можно ли рассчитывать на его помощь.

Полк Зинченко был действительно сильно потрепан. Оставшиеся в строю воины (их было немного) расположились в комнатах большого здания на берегу Шпрее. В одной из комнат я нашел Зинченко. Он стоял возле койки с нераскуренной трубкой во рту. Поздоровавшись, я спросил:

– Будем штурмовать Рейхстаг?

Он крепко выругался и ответил:

– Чем я буду штурмовать? Остатками батальона Неустроева? Нет, дружище, валяй сам.

Я распрощался и ушел. Зная, что полк Зинченко в атаке участвовать не будет, а знамя Военного совета находится там, я сказал лейтенанту Сорокину и парторгу подразделения Виктору Правоторову, которые в это время находились при мне, чтобы они подготовили Красное знамя для водружения на Рейхстаге.

Разведчики обрадовались, заволновались. Вскоре раздобыли где-то перину и привели двух пленных генералов. Здесь же, на наблюдательном пункте, перину выпотрошили. Кто-то принес нечто похожее на древко. Подстругали его кинжалами. Знамя получилось грубоватым, но зато прочным и большим. Вручив Красное знамя разведчикам, я поставил задачу водрузить его на крыше, у скульптурной группы».

В 4.30, с началом артподготовки, к центральному входу пошел батальон В. Давыдова, но с ходу на ту сторону прорвалась лишь группа разведчиков лейтенанта Сорокина с тем самым знаменем из немецкой перины. Во время своего броска им удалось оказаться в непростреливаемой пулеметами противника зоне. Но два человека были потеряны. После доклада обстановки комдиву Шатилову командир 647-го полка получил приказ перенести наступление на 13.30. А почти через час А. Плеходанов услышал радостный крик своего связного: «– Товарищ подполковник! Посмотрите на крышу Рейхстага. Вот туда, где возвышается всадник!

Я поднял бинокль и увидел Красное знамя, а возле него движущиеся две крохотные фигурки. Это было в 14 часов 25 минут. Как я узнал позже, движущимися фигурками были сержант Правоторов и рядовой Булатов...»

Парторг В. Правоторов свидетельствует: «Находим окно. Улучив момент, влезли в окно, предварительно бросив туда по гранате. Коридорами вышли на лестницу, забрались на второй этаж. Здесь мы с Булатовым подошли к разбитому окну, посмотрели на Королевскую площадь, за которой в домах и прямо на улицах залегли наши бойцы, приготовившиеся к решительному штурму. Гриша Булатов просунул знамя в окно, помахал им, затем мы укрепили его. В это время внизу слышались выстрелы, взрывы гранат, стук сапог. Мы приготовились к бою. Гранаты и автоматы – начеку. Но схватка не состоялась. Это по нашим следам пришли Лысенко, Брюховецкий, Орешко, Почковский. С ними лейтенант Сорокин.

– Отсюда его плохо видно, ребята, – сказал он. – Надо пробираться на крышу. По той же лестнице стали подниматься все выше и выше и нашли выход на крышу. Цель достигнута. Где поставить знамя? Решили укрепить у скульптурной группы. Подсаживаем Гришу Булатова, и наш самый молодой разведчик привязывает флаг к шее огромного коня. Посмотрели на часы: стрелки показывали 14 часов 35 минут».

Известно, что Рейхстаг был взят только поздно вечером 30 апреля. Целый день на всех его этажах шли кровопролитные бои, однако все это время на фронтоне обгоревшего здания развевалось самодельное знамя, которое, рискуя жизнью, водрузили разведчики именно 674-го полка. Итоговое боевое донесение 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии от 2 мая 1945 года подтверждает этот факт:

«...Ведя ожесточенные бои, подразделения полка к 5.00 30.4.45 г. заняли министерство внутренних дел – канцелярию Гимmlера и к 9:00 заняли исходный рубеж перед штурмом Рейхстага.

...После артподготовки, начавшейся в 14.00, начался штурм Рейхстага.

В 14:25 30.4.45 г. ворвались в здание Рейхстага с северной части западного фасада 1-я стр. рота и взвод 2-й стр. роты 1-го стр. батальона 674 сп, с которыми было 6 человек разведчиков для установления флага над Рейхстагом.

Командиром взвода разведки 1-го стр. батальона мл. лейтенантом Кошкарбаевым и бойцом разведвзвода полка Булатовым было водружено знамя над зданием Рейхстага.

Командир 674 сп подполковник *Плеходанов*
Нач. штаба 674 сп майор *Жаворонков*».

3 мая 1945 г. в дивизионной газете «Воин Родины» будут перечислены абсолютно все имена героев взятия Рейхстага: «Родина с глубоким уважением произносит их имена: Проваторов, Булатов, Сорокин: советские богатыри, лучшие сыны народа! Слава героям!»

4-го сам маршал Жуков вручит Булатову свое фото с дарственной надписью на память о совершенном подвиге. И в те же майские дни он станет главным героем кинохроники Романа Кармена, для съемок которой он вновь водружал знамя над Рейхстагом.

Г. К. Жуков

5 мая газета «Комсомольская правда» напечатает рассказ очевидца тех событий, капитана Андреева: «Путь к Рейхстагу лежал через

нагромождения, баррикады, через пробоины в стенах, темные тоннели метро. И везде были немцы: наши бойцы в третий раз пошли в атаку и наконец ворвались в Рейхстаг, вышвырнули оттуда немцев. Тогда маленький, курносый, молоденький солдат из Кировской области как кошка вскарабкался на крышу Рейхстага и сделал то, к чему стремились тысячи его товарищей. Он укрепил красный флаг на карнизе и, лежа на животе, под пулями, крикнул вниз солдатам своей роты: «Ну как, всем видно?» И он засмеялся радостно и весело. И хотя немцы опять бросились в отчаянную контратаку и даже заняли первый этаж, наши бойцы, успевшие закрепиться в верхних этажах Рейхстага, чувствовали себя хозяевами этого большого обгоревшего здания. Теперь никакая сила не заставила бы их уйти отсюда».

Сам же Григорий Петрович спустя годы о своем подвиге будет рассказывать так: «Ну сказали – надо? Значит, надо! Мы с лейтенантом и поползли на брюхе. Ох и огонь был, ох и огонь. Мы от воронки к воронке скачем как зайцы. До рва какого-то доскакали и залегли там. Я ему: «Чего делать-то будем, товарищ лейтенант?» И тут мне лейтенант говорит: «Давай хоть на знамени-то имена напишем, а то непорядок». Достает химический карандаш и пишет, мусякая его: «Лейтенант Кошкарбаев, рядовой Булатов, 674-й полк, 1-й батальон». Ага, на знамени. Так оно ж самодельное было. Не полковое. Написал, значит. Ну, мы момент улучили и бегом к Рейхстагу. А за нами уже и батальон. Немцев мы быстро выбили – и на второй этаж. Я флаг в окно высунул – кричат мол, не видно, вот мы с лейтенантом тогда на крышу вылезли. Там мужик на коне. Каменный, дурында ты. Я к этому коню и прикрепил Знамя. С крыши свесился, кричу: «Теперь-то видно?» Видно, как оказалось, всем хорошо. Даже на кино это сняли. Роман Кармен снимал. И фотография у меня есть. Сфотографировали нас там. Так что – первые мы с Кошкарбаевым были. Первые».

И ведь правда, они были первыми. 6 мая 1945 года командир 674-го стрелкового полка подполковник Плеходанов подписал на Булатова наградное представление к присвоению звания Героя Советского Союза. В этом документе, сохранившемся до наших дней, черным по белому написано: «В бою 17.4.1945 года противник, используя водную преграду канал Фридендерштром, пытаясь приостановить продвижение наших подразделений, стянул много огневых средств и оказал яростное сопротивление. Тов. БУЛАТОВ в числе группы разведчиков при поддержке мощного налета нашей артиллерии переправился на западный берег канала и стремительным броском ворвался в траншею противника, захватив несколько его огневых точек; группа разведчиков своими дерзкими и

самоотверженными действиями посеяла замешательство в стане врага. Используя успех разведчиков, через канал было переброшено еще несколько штурмовых взводов, чем был обеспечен прорыв обороны немцев на участке полка. Тов. БУЛАТОВ в группе разведчиков, пользуясь тем, что линия обороны противника нарушена, обошли крупный населенный пункт Кункнздорф и отрезали путь отхода его гарнизону. При попытке отхода немцы были встречены сильным огнем из пулеметов и фауст-патронов и загнаны в подвалы каменных зданий, в результате чего подошедшее наше подразделение захватило в плен более 250 немецких солдат и офицеров и много вооружения. 20.04.1945 года полк, ведя ожесточенные бои на подступах к Рейхстагу, вышел на р. Шпрее. Тов. БУЛАТОВ был из тех, кому было приказано при поддержке артиллерии на подручных средствах форсировать р. Шпрее, пробраться к зданию Рейхстага и водрузить над ним Знамя Победы. Беря с боя каждый метр площади, в 14 часов 30.04.1945 года ворвались в здание Рейхстага, с ходу захватили выход одного из подвалов, заперев там до 300 немецких солдат гарнизона Рейхстага. Пробившись на верхний этаж, тов. БУЛАТОВ в группе разведчиков в 14 час. 25 мин. водрузил над Рейхстагом Красное знамя.

Достоин присвоения звания ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА...»

14 мая это представление подписал командир 150-й стрелковой дивизии генерал-майор Шатилов, 27 мая его подписал командир 79-го стрелкового корпуса генерал-майор Переверткин... На этом слава героя-разведчика Булатова закончилась...

Дело в том, что по представленному Военному совету 1-го Белорусского фронта списку из 27 человек 3-й Ударной армии, где красноармеец Г. П. Булатов значился вторым, «прошлась» суровая рука маршала Жукова. Именно он своим темно-синим карандашом заменил почти всем звание Героя Советского Союза на орден Красного Знамени. И только 8 мая 1946 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О присвоении звания Героя Советского Союза офицерскому и сержантскому составу Вооруженных сил СССР, водрузившему Знамя Победы над Рейхстагом в Берлине». В этом списке было всего пять человек: капитан В. И. Давыдов, сержант М. А. Егоров, младший сержант М. А. Кантария, капитан С. А. Неустроев, старший лейтенант К. Я. Самсонов.

По авторитетному мнению старшего научного сотрудника Центрального музея Вооруженных сил А. Дементьева, «десятки воинов, участвовавших в штурме Рейхстага, по приказу своих командиров и собственной инициативе несли флаги, флажки, просто куски красной

материи, прикрепленные к черенку лопаты или обломку оконной рамы. Судя по архивам, было их более 40 штук. Что и создало потом великую путаницу: некоторые командиры в донесениях называли их Знаменами Победы. И только около 3 часов ночи 1 мая Егоров, Кантария и замполит батальона лейтенант Берест установили официальный «флаг № 5», который и вошел в историю как Знамя Победы. Его прикрепили под бронзовым брюхом коня Вильгельма I – на восточном фасаде Рейхстага... Его и стали называть с тех пор Знаменем Победы. Оно было передано на хранение в политотдел 150-й стрелковой ордена Кутузова II степени Идрицкой дивизии. Знамя хранится в Центральном музее Вооруженных сил».

Словом, в официальную советскую историографию как водрузившие над Рейхстагом Знамя Победы попали сержант Михаил Егоров и младший сержант Мелитон Кантария. «На самом деле героев было трое, – рассказывает В. Федоров. – Группу возглавлял украинец лейтенант Алексей Берест.

Мало кто знает, что победных знамен было девять – по числу дивизий 3-й Ударной армии, наступавшей в центре германской столицы. Все они были сшиты из подручных материалов прямо в Берлине и розданы в дивизии, штурмовавшие Рейхстаг. Знамя номер пять досталось 150-й стрелковой дивизии – батальону капитана Неустроева. Именно его подчиненным было суждено войти в историю».

Увы, так случается часто, когда первыми становятся вовсе не те, кто должен быть ими в действительности. «Знамя Победы, водруженное Берестом, Егоровым и Кантария, не было первым красным знаменем над Рейхстагом, – продолжает В. Федоров. – 30 апреля 1945 года в 14 ч 25 мин лейтенант 150-й стрелковой дивизии 3-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта Рахимжан Кошкарбаев, которому тогда был всего 21 год, и рядовой Григорий Булатов первыми водрузили боевое знамя над Рейхстагом. Документ, удостоверяющий это событие, передан в дар Центральному государственному музею Республики Казахстан.

30 апреля 1945 года в 22.40 бойцы 171-й стрелковой дивизии капитан Владимир Маков, старшие сержанты Алексей Бобров, Гази Загитов, Александр Лисименко и сержант Михаил Минин водрузили свое знамя на скульптурную композицию «Германия». Это знамя не сохранилось до наших дней.

Над Брандербургскими воротами знамя водрузили старший сержант Андреев и сержант Бережной 416-й стрелковой Таганрогской Краснознаменной, ордена Суворова (Азербайджанской) дивизии».

Примечательно, что Знамя Победы (пусть самодельное, и все же),

водруженное разведчиком Булатовым и Кошкарбаевым в 14 час. 25 мин. по московскому времени, было единственным провисевшим тогда целых девять часов. Официальному Знамени Победы повезло гораздо больше, как, собственно самим Егорову и Кантарии. Благодаря Бересту они закрепили Знамя Военного совета на той стороне, с которой к Рейхстагу подходили части 5-й Ударной армии. Только здесь огонь противника был гораздо слабее. И к исходу следующих суток, когда артиллерия смела с западной стороны десятки доставленных сюда с риском для жизни красных флагов, в том числе и тот, что первым водрузили на крыше, Знамя Военного совета, оставшись невредимым, вполне гордо колыхалось над дымящимся Берлином...

Что и говорить, если сам Кантария, которому досталась слава знаменосца Победы, отвечая на вопросы корреспондента, откровенно скажет: «Утром 30 апреля увидели перед собой Рейхстаг – огромное мрачное здание с грязно-серыми колоннами и куполом на крыше; в Рейхстаг ворвалась группа наших разведчиков: В. Провоторов, Гр. Булатов. Они укрепили флаг на фронтоне. Флаг тотчас же заметили воины, лежавшие под огнем противника на площади».

В июне 1945 года Григорий Булатов в составе группы участников штурма Берлина попадает в Москву, где принимает участие в Параде Победы. А потом, в одной из московских гостиниц, его обвинили в попытке сексуального насилия над женщиной из обслуживающего персонала. На суде бывший разведчик получил полтора года. Есть утверждения, что на Булатова был написан ложный донос. Как мы знаем, в жизни бывает и не такое, однако что произошло тогда с героем-разведчиком, на сегодняшний день доподлинно неизвестно. Связывать же это темное дело с попыткой упрятать в тюрьму самого первого знаменосца Победы, чтобы он замолчал, было бы слишком абсурдным. Ведь Булатов получил только полтора года, а не 25. Более того, после своего первого срока он продолжил службу в Германии, где возил какого-то майора. Демобилизовавшись в апреле 49-го, Григорий Петрович вернулся на родину. Говорят, это был обиженный, осунувшийся и резко постаревший человек...

На работу Булатов устроился все на тот же «Красный якорь», где сплавлял древесину. Только в 55-м он женился на местной девушке Римме, а в 56-м у них родилась дочь Людмила... О водружении же Знамени над Рейхстагом он молчал почти 20 лет. Но, когда весной 1964 года «Комсомолка» впервые рассказала об этом подвиге и упомянула его фамилию, Григорий Петрович сразу же стал человеком известным. Его везде стали приглашать как героя. И он рассказывал правду, которую знал.

Вот только эта правда почему-то расходилась с официальной. Более того, он стал утверждать, что Рахимжана Кошкарбаева с ним не было, а были совершенно другие люди, его друзья-разведчики: Правоторов, Лысенко, Орешко, Брюховецкий, Почковский, Гибадулин под командованием командира разведвзвода 674-го полка лейтенанта Семенова. Знамя же нес он – Григорий Булатов! Но теперь ему уже не верили, потому что были написаны книги и статьи в газетах. Только по этой причине его стали звать «Гришкой-Рейхстагом» якобы за выдуманную им историю. Григорий Петрович еще больше огорчился и пил.

К 20-летию Победы «Комсомолка» наконец-то рассказала о нем. Вот только правды там было очень мало. Вскоре объявились однопольчане, которые все вместе решили бороться за истину. Они писали куда только могли, но их не хотели слышать и отвечали банальными отписками. Григорий Петрович и сам взялся рьяно за дело. Переписывался с самим маршалом Г. К. Жуковым и с Р. Карменом. Как-то однажды, после второй судимости Булатова, полученной за кражу, он откровенно написал ему: «Если первый раз ты сел случайно, то второй раз не случайно». Георгий Константинович вообще предлагал Булатову победить пьянство: «Ты наступал двумя сапогами на крышу Рейхстага, так наступи теперь двумя сапогами на бутылку!» Но это был бесполезный номер. Григорий Петрович от невозможности доказать свою правду пил еще больше. А ведь он никогда спокойным нравом не отличался. Был озорным малым. Как-то он пошел доказывать свою правду первому секретарю, да только окончилось все это печально. Тот вызвал милицию, Булатова задержали и оштрафовали на 100 рублей.

Последнее время часто Григорий Петрович за рюмкой водки говорил: «– Когда требовалось – жизнью рисковал, как велит присяга. За чужие спины сроду не прятался... почему же меня обманули за моей спиной?» Проходили минуты, боль Булатова уходила куда-то в сторону, и тогда он пророчески заявлял: «– Ничего, рано или поздно во всем разберутся. Наступит, ребята, время, что и мою фамилию вы услышите в День Победы».

В апреле 1973 года Григорий Петрович Булатов покончил жизнь самоубийством. Некоторые тогда за спиной говорили: «Как был дураком, так им и остался». Вот только понять Булатова никто так и не попытался. А ведь он хотел лишь признания того исторического факта, который имел место быть... Хотел правды... Вдова Г. П. Булатова вспоминает, как он, бывало, выпьет и заревет: «Не почитают меня».

На возведение мемориала Григорию Булатову откликнулась одна лишь

«Единая Россия». На счет же фонда памяти Г. П. Булатова за многие годы не поступило ни рубля. Что же касается непосредственно мемориала, то со слов В. Пионерова, он выглядит так: «С западной стороны на темном граните памятника – знаменитое фото 19-летнего рядового-разведчика 674-го стрелкового полка 150-й стрелковой дивизии 3-й Ударной армии с автоматом за плечом. Зато фон вместо документально зафиксированных боевых товарищей и отцов-командиров взят произвольный: фантазия на тему поверженного Рейхстага, орудий, штандартов (злые языки уже заметили знаковую свастику на одном из них). Текст же вполне политкорректный, не заостряющий расхождений между нашей вятской и основной советской правдой насчет Егорова и Кантாரии. Мол, знаменосцу Победы... И выписка из представления командования: достоин звания Героя».

Сегодня очень часто накануне Дня Победы по телевизору показывают бегущую группу бойцов по ступеням Рейхстага, а еще молоденького парня, вкручивающего древко Знамени Победы... Это и есть Григорий Петрович Булатов. Но почему этот честный солдат не попал в официальную историю как знаменосец Победы? На этот вопрос существует вполне логичный ответ. Официальное знамя 150-й стрелковой дивизии, выданное ей Военным советом 3-й Ударной армии, пусть и было водружено гораздо позже, чем то самодельное, которое установил на крыше Рейхстага Г. Булатов, однако оно сохранилось. Сохранились и те люди, которые его водрузили. И это тоже правда, которая абсолютно не умаляет заслуг разведчика Григория Петровича Булатова.

«Его зовут Георгий Георгиевич»

Известный советский писатель, журналист, тележурналист, телеведущий В. М. Песков (1930–2013) в 1956 году стал обозревателем газеты «Комсомольская правда» и с тех самых пор являлся постоянным автором рубрики «Окно в природу». Не однажды ему доводилось писать о Г. Г. Шубине – «хорошем охотнике», который жил и работал на лесной базе во Владимирской области. Они были друзьями...

«На войне был командиром полковой разведки, – рассказывал о Георгии Георгиевиче Василий Михайлович, – сорок четыре раза переходил линию фронта и возвращался с разведкой назад. Однажды я увидел в коробке три ордена Красной Звезды, орден Славы, Отечественной войны, медали.

После войны Георгий Георгиевич был директором заповедников, побывал во многих зоологических экспедициях, ловил архаров в Китае, ездил в Норвегию за бобрами, был в Турции и Финляндии. На базе в Петушках – директором и дрессировщиком. Хорошо знал повадки диких животных, очень любил волков. Волки считали его вожаком стаи. Во время киносъемок он мог подойти и взять кусок мяса у любого волка. Были у него любимцы – волчица Машка и волк Лобан.

Однажды я получил телеграмму: Шубин в больнице – напали волки...

Через три часа я был в Петушках и увидел Шубина, перевитого бинтами, как шелковичный кокон. «Кто же это?» «Лобан...» – ответил мой друг.

Лобан и Машка снимались во многих фильмах, в том числе в «Войне и мире» – в сценах охоты на волков.

Лобан и Машка были семейной парой. Когда приходило время щениться, дрессировщик удалял шерсть с сосцов у Машки. Так было и на этот раз. Почему-то обычная процедура Машке не понравилась, и она глухо заворчала. Шубин посчитал это капризом и щелкнул Машку по носу. В этот раз волчица издала угрожающее рычание. Лобан был, на беду, сзади и бросился на своего друга. И за три десятка секунд так отделал дрессировщика, что его немедленно положили на операционный стол...

Жизненно важные части тела оказались нетронутыми, но полежать в больнице Шубину пришлось.

Я тем временем пытался устроить Лобана в какой-нибудь зоопарк – сниматься в кино и жить в стае волков Лобану было заказано. Взял волка

передвижной зоопарк. Когда Шубин узнал об этом, мы вместе поехали в Тулу, где можно было увидеть бывшую кинозвезду. Помню, Шубин осторожно подошел к вольере. Лобан, почуяв знакомый запах одежды, отвернулся. «Невыносимо видеть знаменитого волка в этом металлическом «пенале», – сказал командир фронтовой разведки. И, мне показалось, человек смахнул со щеки слезу».

Интересным был человеком Г. Г. Шубин. Природа всегда поворачивалась к нему лицом. Он всю свою жизнь находил с ней общий язык. Тот самый, который доступен лишь единицам... Неудивительно, что ему довелось быть директором нескольких заповедников в СССР, а также стать одним из основателей известной в России зообазы, принадлежавшей киностудии «Центрнаучфильм». Расположенная рядом с железнодорожной платформой Леоново Петушинского района, она стала первой в мире готовить и содержать животных для съемок в научных и художественных кинофильмах. Как пишет Е. Голоднов, «с помощью четвероногих «артистов» на базе были сняты сотни научно-популярных, документальных, учебных и художественных фильмов. В золотой фонд отечественного кинематографа вошли фильмы «Тропой бескорыстной любви», «Лютый», «Плач волчицы», «Под северным сиянием», «Белый клык», «Черная гора». Порой расцвета зообазы студии «Центрнаучфильм» были советские 1980-е годы, когда здесь за год обслуживали до двадцати кинокартин. Леоновская база стала самокупаемой. Ее услугами пользовались кинематографисты всех студий нашей страны, а также зарубежные компании. С животными выезжали в экспедиции во все концы Советского Союза. Ряд лент, снятых с участием леоновских «кинозвезд», был отмечен призами международных кинофестивалей. Востребованность и популярность зообазы была настолько велика, что министр железнодорожного транспорта по просьбе Г. Г. Шубина и киношников сделал прямо против зообазы платформу Леоново, где и поныне делают остановку электрички, идущие в Петушки и Владимир.

И с 1998 г. зообаза стала структурным подразделением «Госфильмофонда». Подобных заведений в мире очень мало. Например, в Великобритании и Венгрии от зообаз отказались как от нерентабельных. Среди питомцев зообазы в разное время были медведи, волки, лоси, маралы, рыси, барсуки, орлы, вороны и многие другие животные и птицы. Зообаза становится приютом для попавших в беду животных, которых доставляют лесники и местные жители.

Наиболее популярными артистами являются волки и рыси. Одним из самых знаменитых питомцев базы был филин Фомка. Именно он был

«героем» передачи «Что? Где? Когда?», изображая мудрую сову. После дебюта в передаче Фомка стал очень востребованным и снимался во многих фильмах. За знаменитым филином приезжали режиссеры со всего бывшего СССР. Приезжали даже французские кинематографисты. Фомка снялся у них в картине «Шаман». На зообазе родился и жил Белый Бим Черное Ухо. Здесь свои передачи «В мире животных» готовил ученый Николай Дроздов, снято более десятка программ «Спокойной ночи, малыши!». Тут жили и главные герои фильмов по романам Джека Лондона – волки, собаки, рыси.

Ни один вуз, колледж не готовит дрессировщиков. Это мастерство передается от человека к человеку. Специальной дрессировки зверей в период, свободный от съемок, не проводится – они начинаются тогда, когда становится известен сценарий будущего фильма, в котором предполагаются съемки того или иного животного».

Именно там Василий Михайлович Песков и познакомился с Г. Г. Шубиным. В своей замечательной книге «Война и люди» (1970) он расскажет об этом с гордостью: «Его зовут Георгий Георгиевич. Вот он на снимке. Два молодых лося ласкаются к нему, как верные собаки. Он приучил лосей. Он и с волками уходит в лес, и, вопреки пословице «как волка ни корми...», звери возвращаются к человеку, стоит ему только подать голос. Вы, наверное, видели фильм «Верьте мне, люди» и помните сцену: волки нападают на бежавших из лагеря заключенных. Это он готовил зверей для съемок. Он заходит в клетку, где живет рысь, остается один на один с медведем. Это его работа. Он директор зоологической базы и дрессировщик. Ему пятьдесят два года. Последние восемь лет я знаю этого человека. Мы подружились, и я, кажется, знал все о его прошлом. Он родом из Кирова. Двенадцати лет стал ходить на охоту. Однажды попал в лапы медведю и не погиб потому только, что был хладнокровным – под медведем сумел приподнять ружье и выстрелил зверю в пасть. После этого, истекая кровью, он шел по тайге двадцать четыре версты, и только на пороге дома силы его покинули. В лесном поединке с браконьерами он получил пулю в бедро, а после операции снова пошел по следам браконьеров. Он побывал во многих зоологических экспедициях. Ловил архаров в Китае, ездил в Норвегию за бобрами, был в Турции и Финляндии.

Студентом Шубин ушел добровольцем на фронт. После войны был директором Печорского заповедника...»

Когда Песков и Шубин встретились, им было о чем поговорить. Их объединяла природа, а точнее любовь к ней. Они «по многу часов говорили

за столом, у костра, в поезде по дороге в Москву». Казалось бы, все узнал о Георгии Георгиевиче Песков. И лишь одного не знал Василий Михайлович, каким человеком Шубин был на войне...

А узнал он об этом совершенно случайно, если бы не письмо генерала: «Товарищ корреспондент, в заметке у тебя поминается фамилия человека. У нас в дивизии был разведчик. Пришлите, пожалуйста, адрес». И подпись: генерал А. Хвостов.

Мало ли Шубиных. И мало ли было разведчиков. Я отослал адрес без уверенности, что это тот человек, которого генерал ищет. Я уже забыл о письме, но при встрече Георгий Георгиевич заговорил первым: «Понимаешь, мой генерал отыскался...» Мы собрались к генералу в Москву. Шубин порылся в комод, и я увидел награды: три ордена Боевого Красного Знамени, орден Славы и орден Красной Звезды, орден Отечественной войны, четыре медали. Он сознался: «За десять последних лет первый раз надеваю».

Георгий Георгиевич воевал с июля 41-го, но только через два года был впервые награжден медалью «За отвагу»: «Разведчик взвода пешей разведки... За то, что он во время боевых действий 19 августа 1943 года за деревню Семеновка, находясь на передовом наблюдательном пункте командира полка, хорошо распознал наблюдательный пункт противника, с которого корректировали немцы огонь артиллерии и минометных батарей.

Шубин со снайперской винтовкой уничтожил четырех наблюдателей противника, тем самым облегчил стрелковым подразделениям продвижение вперед на деревню Семеновка...»

В конце этого же года красноармейца, а затем младшего сержанта Шубина представят к боевым наградам еще дважды: «При выполнении боевого задания 25.11.43 года, находясь в тылу у противника с целью захватить в плен «языка», во главе со своим отделением напал на трех разведчиков противника, которые проявили активное сопротивление; т. Шубин при смелом и решительном действии сам и возглавляя свое отделение, сумел захватить в плен унтер-офицера, обер-ефрейтора и ефрейтора, не дав им скрыться в лесу. Они дали ценные сведения...» (орден Красной Звезды).

«При выполнении боевых заданий по захвату немецких «языков», проведенных в труднейших условиях глубоко в тылу противника в районах: деревень... лично т. Шубиным были выполнены следующие операции, 25.11.43 г. взял в плен 3 человек, 5.12.43 г. взял в плен 1 человека и убил 4 человек, 16.12.43 г. взял в плен 1 чел. И убил 2 человека и 18.12.43 г. убил одного человека. За этот период Шубиным взяты трофеи 1 ст. пулемет, 6

автоматов, винтовок 4 и биноклей 3.

Взятые в плен немцы дали ценные сведения.

За весь период действий разведки потери личного состава только один человек легко раненным, выбывшим на время в мед. сан. роту...» (орден Славы 3-й степени).

В феврале 44-го в штабе полка пишут новое представление на (отметим лишь) командира взвода пешей разведки младшего сержанта Шубина: «Командуя взводом пешей разведки, мл. сержант Шубин благодаря своим организаторским способностям сумел сплотить крепкий коллектив разведчиков, выполняющих самые ответственные задания командования. Мл. сержант Шубин является образцом для своих подчиненных, сам храбр, энергичен и эти качества привил своим бойцам. Командуя взводом пешей разведки за период с 25.11.43 г. по 21.2.44 г., захватил 10 контрольных пленных и уничтожил 21 гитлеровца, причем мл. сержант Шубин лично уничтожил огнем снайперской винтовки 10 гитлеровцев. За это время взяты трофеи: пулеметов 2, автоматов 9, винтовок 5, пистолетов 6, биноклей 4. Выполняя задачу по захвату пленного 21.2.44 г. в районе д. Барсуки, пробравшись в тыл противника, захватил пленного и лично уничтожил одного унтер-офицера. Несмотря на трудности, задача была выполнена. Пленный направлен в штадив и дал ценные сведения...» (орден Отечественной войны 1-й степени).

Георгий Георгиевич Шубин встретился со своим командиром дивизии в его квартире, в одном из домов, расположенных за Измайловским парком: «Двери открыл пожилой человек в пижаме.

– Шубин!..

За минуту молчания, когда люди стоят, прижавшись друг к другу, много, наверное, можно вспомнить. Двадцать лет командир дивизии Алексей Яковлевич Хвостов не видел разведчика...»

К слову сказать, генерал-майор (с июня 1944-го) Хвостов (1902–1981) только летом 1943-го был назначен командиром 51-й стрелковой дивизии. До этого он командовал стрелковым полком и корпусами на Дальнем Востоке. На фронт буквально вырвался. За плечами кавалерийская школа, Академия имени Фрунзе и огромный опыт службы в войсках. По тем временам этого вполне было достаточно для того, чтобы неплохо воевать. Он и воевал... Его дивизия летом 44-го участвовала в Витебско-Оршанской операции, в ходе которой был освобожден город Витебск. В июле 44-го в ходе Полоцкой операции 51-я СД принимала участие в освобождении Полоцка. А в апреле 45-го она участвовала в штурме Кенигсберга на восточном направлении.

А. Я. Хвостов в 1954 г. окончил Высшие академические курсы при академии Генерального штаба, а в 1955-м вышел в отставку. Примечательно, что у генерала за всю его многолетнюю службу было семь орденов, среди которых три ордена Красного Знамени. И у его разведчика было тоже три ордена Красного Знамени, но только за войну. А точнее, все три заслуженные в 44-м: «I. Выполняя задачи по захвату контрольного пленного 3.01.44 г., т. Шубин, пробравшись глубоко в оборону противника, обнаружил патруль из 4 немцев, из которых в завязавшейся перестрелке троих убил, а четвертого тов. Шубин выстрелом из снайперской винтовки ранил, чем обеспечил его захват. Противник подбросил группу, для того чтобы отрезать разведчиков, но Шубин сумел вывести разведчиков с боем без потерь, доставив пленного по назначению...

II. Выполняя задачу по захвату контрольного пленного 20.02.44 г., т. Шубин, пробравшись глубоко в оборону противника, столкнулся с немецкой разведкой. Выстрелом из снайперки т. Шубин убил обер-лейтенанта, чем вызвал замешательство в рядах противника. Воспользовавшись этим, разведчики по команде Шубина смело атаковали пр-ка и рассеяли его огнем, захватив обер-лейтенанта в плен. Вернувшись без потерь... Пленные дали ценные сведения...» (награжден 18 марта 1944 г.).

«Выполняя боевые задания командования 22 марта 1944-го в районе Городешное по захвату контрольного пленного, разведгруппа под командованием т. Шубина в составе 20 человек встретила с разведкой противника в 55 человек. Несмотря на численное превосходство противника в людях и вооружении, т. Шубин вступил в бой, в ходе которого было истреблено до 10 солдат и офицеров противника и взято три пленных, остальные были рассеяны огнем наших разведчиков.

За время командования взводом т. Шубин захватил 21 контрольного пленного и за это время истреблено до 30 немецких солдат и офицеров...» (награжден 25 марта 1944 г.).

И вот представление на последний орден: «Тов. ШУБИН, овладевший мастерством разведывательного дела теоретически и практически, за последний год прошел путь от рядового бойца до лейтенанта, командира взвода пешей разведки. Воспитал храбрый коллектив разведчиков – охотников за «языками». Под его руководством за последние полгода захвачено с боями во вражеском тылу и на переднем крае обороны противника 26 контрольных пленных, кроме того, им лично истреблено 18 немцев из снайперской винтовки.

В бою 22 июня 1944 года при прорыве сильно укрепленной обороны

противника в районе сев. – зап. Витебска разведчики лейтенанта Шубина показали образцы мужества и отваги. За три дня боев, совершая смелую вылазку, захватывая пленных, которые давали ценные показания, нападали с тыла на противника и своей стремительностью и быстротой опрокидывали вражеские гарнизоны, чем способствовали быстрому продвижению наступающих подразделений...» (награжден 30 июня 1944 г.). Стоит отметить, что в конце этого документа четко написано: «За доблесть и мужество, проявленные в боях с немецкими оккупантами, лейтенант ШУБИН достоин присвоения звания Героя Советского Союза». Однако награду снизили...

Как вспоминал В. М. Песков у генерала они с Шубиным сидели за столом до самого утра. И потом еще целый день: «Двое людей вспоминают...»

«На войне разведчик – это солдат самой высокой квалификации. Ему достаются все тяготы солдатской жизни и во много раз больше, чем остальным, – опасность, риск, ответственность. Не всякий даже хороший солдат мог быть разведчиком».

«Когда приходило пополнение в часть, командиру разведки давали первому выбрать людей.

– Кто хочет в разведку?

Из тысячи сотня людей делала шаг вперед. Я говорил с ними и оставлял десять. Из десяти два-три становились разведчиками. Чаще всего это были охотники, умевшие неслышно ходить, умевшие выследить, стрелявшие хорошо...»

Разведка была глазами дивизии. Однажды генерал, наблюдая линию немецких окопов, удивился: «Февраль месяц. Где это молодцы успели так загореть?» Разведка подтвердила эту догадку – пришло подкрепление из Италии. Разведка ходила узнавать о продвижении частей, уточняла укрепления обороны, вела счет техники, поступающей на немецкую линию. Разведка ходила на связь с партизанами, водила в тыл к немцам людей. Ходили брать «языка».

Почти каждые десять дней нужен был пленный. На фронте так было: десять дней нет пленного – батальон идет в бой, двадцать дней «языка» нет – полк идет боем захватить пленного. Так важно было знать планы и тайны противника. Полк, где служил Шубин, не ходил брать пленного боем. И по этой причине сколько было солдат в дивизии, столько было и благодарных друзей у разведчиков!

Солдат на первой линии не удивишь смелостью, но даже у них замирало сердце: вот проползли минное, сейчас начнется стрельба... Нет,

прошли тихо. Шубин не просил прикрывать разведку огнем. Он всегда находил нужную щель в обороне у немцев, выбирал нужный момент. Он уходил ночью, а то вдруг выбирал самую середину дня. Никто не спрашивал: почему так? Шубин делает – значит, так надо.

Дней семь-десять радио в штабе принимало сигналы из немецкого тыла. «Говорю из квадрата тридцать девятого...» Через день: «Говорю из квадрата двадцать четвертого...» Штабу передавалась полная картина расположения немцев. А потом так же тихо, как уходили, разведчики возвращались. И почти всегда приводили пленного, а то и двух-трех. Пленного уводили в штаб, а разведчики часто, не раздеваясь даже, валились спать. Иногда надо было перевязать рану, иногда хоронить товарища. У разведки был строгий закон: как бы далеко ни зашли к немцам в тыл, раненых и убитых не оставлять. Один раз убитого друга сорок километров несли по немецкому тылу, чтобы среди своих схоронить с почестями. Этот суровый закон воспитывал дух товарищества. Каждый в разведке знал: «Друзья не оставят, что бы со мной ни случилось».

Их было двадцать восемь. Потом Шубин стал командиром разведки дивизии. Их стало пятьдесят два. Это были очень смелые люди, но это были не безрассудные храбрецы. «Я всегда говорил: задача состоит из двух половинок. Первая – выполнить задачу. Вторая – вернуться живыми». На войне было принято: если пленный достался ценою потери пяти человек – разведка работала хорошо. Разведка Шубина почти не имела потерь...»

Георгий Георгиевич умер в апреле 1973-го. Шубину едва перевалило за шестьдесят... Похоронили знаменитого разведчика с воинскими почестями, всего в полутора километрах от созданной им зообазы, на кладбище древнего погоста Крутец (с. Леоново).

Вспомнили и слова генерала Хвостова: «Начал войну рядовым, закончил офицером-коммунистом. Сорок четыре раза Шубин переходил линию фронта и сорок четыре раза возвращался обратно. Кто воевал, знает, что это значит...»

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Аюпова Л. Ну как? Всем видно! 60 лет назад Григорий Булатов первым водрузил Знамя Победы над Рейхстагом. «Слободские куранты», 27 апреля 2005 г.

Баранец В. О неизвестном герое Григории Булатове. Комсомольская правда, 28 мая 2013 г.

Войсковая разведка в годы Великой Отечественной войны. Великая Отечественная. Интернет.

Голоднов Е. База «кинозвезд». Богородское краеведение. Интернет.

Григорий Петрович Булатов. Википедия. Интернет.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1985.

Кириченко Е. Молчание знаменосцев. «Свободная пресса», 9 мая 2012 г.

Лихачева Т. Булатов говорил от сердца. Без формата. RU, 2010. Интернет.

Песков В. Встречи с волками. Волчье логово. Интернет.

Песков В. Война и люди. М., 1970.

Пионеров В. Гришку обласкали посмертно. «Вятский наблюдатель», № 18, июнь 2005 г.

Пискарев В. Кто водрузил Знамя Победы над Рейхстагом? «Эхо веков», № 1–2, 1996.

51-я стрелковая дивизия (2-го формирования). Википедия. Интернет.

Сайт городской библиотеки имени Грина. Интернет.

Серкин С. Гришка-Рейхстаг. «Родина», № 7, 1998.

Львов В. Большая жизнь. Беседа с В. Карповым. Из архива журнала МВД России «Милиция». Интернет.

Монетчиков С. Войсковая разведка. Боевой опыт. «Военное обозрение» от 26 марта 2012 г.

Федоров В. Куда исчезло Знамя Победы? Земля Нижегородская № 26, 25 июня 2010 г.

Фокин В. И снова о подвиге Григория Булатова. «Вятский край», 25 апреля 2001 г.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 429. Л. 387.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 1624. Л. 32.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 2141. Л. 174.
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 2686. Л. 168.
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686044. Д. 4295. Л. 6.
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 686196. Д. 144. Л. 22.
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 68. Л. 145.
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 3451. Л. 104.
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6172. Л. 213 об.
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6367. Л. 218.
ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 690155. Д. 6473. Л. 300.
ЦАМО РФ. Ф. 674 СП. Оп. 175044с. Д. 4. Л. 147.

Сталинские «люди-самовары»

«Обрубки войны»

Ветеран Великой Отечественной войны Александр Захарович Лебединцев был первым человеком, который мне рассказал эту историю, запомнившуюся на всю жизнь: «1946 год. Курсы переподготовки офицеров в Арзамасе. Ежедневно проходя строем по улицам города, мы видели сидящего на крыльчке лейтенанта без обеих рук, оторванных или ампутированных по самые плечевые суставы, без обоих глаз и с исковерканной нижней челюстью. Так вот, каждый раз, когда наша группа шла мимо бойца-инвалида, старшина курса майор Кавун всегда подавал строю команду: «Смирно! Равнение – налево!» И мы, чеканя шаг, маршировали перед этим трижды калекой, изуродованным еще в 1941 г. Он вскакивал и провожал строй поворотом головы.

Жизнь в ту пору была трудная. Полстраны лежало в руинах. Государство вряд ли платило арзамасскому страдальцу-лейтенанту достойную пенсию, которой бы хватало на безбедное существование. Но, думается, воинские почести, оказываемые ему почти ежедневно, скрашивали невеселые будни столь страшно пострадавшего на войне человека... И еще мне порой кажется, что именно вот такого калеку следовало бы изваять и поместить на постамент на самое видное место, а не советского фельдмаршала-победителя на бронзовом коне. Именно такой инвалид достоин был памятника еще при жизни. Но вряд ли получил обелиск даже после смерти. Как наверняка не получили обелисков на местах своего последнего упокоения те сотни тысяч рядовых солдат, лишившихся рук и ног в боях, которым великая держава в свое время смогла выделять лишь жалкие крохи, хватавшие лишь на то, чтобы не умереть с голоду...»

А сколько же было таких во всей Советской стране? По данным статистического исследования «Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь», во время войны было уволено по ранению и болезни 3 798 200 человек, из них стало инвалидами – 2 576 000. В том же источнике сказано, что анализ ранений военнослужащих по более 14 миллионов историй болезней дал следующие цифры: в верхние конечности было ранено 35,2 % и в нижние конечности 35,6 %, что в сумме составляет 70,8 % из 100. Поистине страшные цифры, но действительность была куда страшнее! Инвалиды войны, которая еще продолжалась, оказались ненужными своему государству. Любопытная информация по этому поводу

отражена в статье А. И. Вольхина «Оперативная работа территориальных органов НКГБ среди инвалидов ВОВ в 1943–1945 гг.»: «В годы войны в тыловые регионы Советского Союза, особенно в сельскую местность, непрерывным потоком возвращались с фронта инвалиды. Их присутствие существенно осложняло оперативную обстановку на местах.

С 1943 года в НКГБ СССР стала систематически поступать информация о росте напряженности в ряде тыловых регионов, связанной с адаптацией инвалидов к новым материально-бытовым, социально-политическим и психологическим условиям жизни. Необустроенность, голод, болезни, равнодушие и злоупотребления местных властей – все это порождало массовое раздражение, недовольство инвалидов, принимавшее порою деструктивную направленность. Имелись также данные о наличии среди инвалидов предателей и агентов немецкой разведки.

...Тяжелые материально-бытовые условия жизни, факты злоупотреблений местных должностных лиц служебным положением, имевшие место нарушения законов при назначении пособий и пенсий, отказы в ходатайствах, волокита, непредоставление льгот по налогам и многое другое – вот некоторые из предпосылок, спровоцировавших инвалидов войны, преимущественно молодых 20–35-летних парней, на совершение преступлений. Часть инвалидов войны, выброшенных на обочину жизни, спекулировала, пьянствовала и хулиганила на рынках, привлекалась преступными элементами к мошенничеству, кражам, бандитизму, что сразу отразилось на состоянии общественной безопасности в стране».

О том, как жили инвалиды той войны, свою историю поведал киевлянин Ю. А. Багров: «Мне было семь лет, когда мы приехали из эвакуации в Киев. Мы жили в доме возле Бессарабки, там же недалеко была моя школа. Вокруг Бессарабки, вплоть до «второй Бессарабки», там, где сейчас стоит Дворец спорта, вдоль дороги стояли «рундуки» – такие прилавки, на которых торговали колхозники. Возле этих «рундуков» любили собираться инвалиды, в основном безногие, на тележках. Они играли в карты, в «очко», в «буру», в «секу». Играли и в «наперстки». Они не воровали, но «раздеть» в карты или в наперстки какого-нибудь крестьянина считалось доблестью. Когда холодало, инвалиды ночевали в вырытых ими землянках на Собачьей тропе (возле улицы Леси Украинки). Если же кто-то не хотел или не мог туда идти ночевать, то он спал под рундуком.

И вот однажды, когда я шел из школы, потерял сознание и упал от голода. Мама тогда потеряла или у нее украли продовольственные

карточки, и мы голодали. Когда я очнулся, то увидел перед собой руку с куском хлеба и услышал: «Ешь, пацан, ешь». Так я познакомился с инвалидом – дядей Гришей, так я его называл. «Дяде» было лет 19–20, у него не было обеих ног. Когда «дядя Гриша» накормил меня хлебом, он сказал: «Пацан, ты когда из школы идешь – заходи сюда, хорошо?» И я стал заходить к «дяде Грише» каждый день. Садился рядом с ним на камень (он обязательно на него мне что-нибудь подстилал и говорил: «чтобы простатита не было») и наблюдал, как он играет в карты. Однажды, когда я пришел к нему после школы, «дядя Гриша», не отрываясь от игры, сказал: «Держи, пацан», – и протянул мне руку в которой было что-то зажато. Я до сих пор помню эту чуть подтаявшую влажную ириску, которую он где-то для меня добыл. Это была первая в моей жизни конфета.

Так я несколько месяцев подряд приходил после школы к «дяде Грише». И узнал, что ноги он потерял в Корсунь-Шевченковском котле. В 43-м ему исполнилось 17 лет, его призвали и с тысячами других мальчишек, даже не выдав оружие, бросили в эту мясорубку. Сказали: «Оружие добудете в бою!» Им даже форму не выдали – не хотели тратить ее на пушечное мясо. А потом, после госпиталя и демобилизации, домой в село он не вернулся. Знал, что лишний рот в крестьянской семье – это страшная обуза. Живет только тот, кто может работать. И вот таких инвалидов на Бессарабке каждый день собиралось человек 400. Играли, пили, иногда дрались между собой. Они не боялись никого, потому что уже давно все потеряли, эти 20-летние мальчишки. Уважали только местного участкового, который сам был раненый фронтовик и, как говорили инвалиды, был нашего разлива. Терпеть не могли во множестве появившихся щеголеватых «фронтовиков» с одним-двумя орденами на груди. Называли их «мичуринцами». Я спросил: почему «мичуринцы»? «Они, когда мы воевали, в Ташкенте отсиживались, груши мичуринские кушали», – ответил «дядя Гриша».

Были среди таких, как «дядя Гриша», и те, которых называли «самоварами». Как пишет А. Добровольский, что именно так, «очень точно называли в послевоенной стране тяжело изувеченных взрывами и осколками людей – инвалидов, у которых не было ни рук, ни ног. Судьба этих «обрубков войны» до сих пор остается «за кадром», а многие из них так и числятся без вести пропавшими». Почему их называли «людьми-самоварами», автору статьи объяснил незнакомый мужичок на Валааме: «– А как же их по-другому назвать, – ведь при туловище-то один «крантик» остался!.. Большинство калек – бывшие военные, увечья на фронте получили, у многих ордена, медали... В общем, заслуженные люди, но в

таким виде стали никому не нужные. Выживали, побираясь на улицах, на рынках, у кинотеатров. Но, как говорят, сам Иосиф Виссарионович приказал эту публику ущербную увезти с глаз долой, спрятать подальше, чтобы городского вида не портили».

«Продолжают нищенствовать»

От «людей-самоваров» избавлялись в те времена достаточно просто и безжалостно: их вылавливали и вывозили в неизвестном направлении. Так, в один прекрасный день из Киева их сразу же исчезло несколько тысяч... «Был месяц май, – свидетельствует Ю. А. Багров. – Однажды я, как всегда, пришел на Бессарабку и, еще не доходя, услышал странную тревожную тишину. Было странно, тревожно тихо, даже продавцы говорили полупшепотом. Я сначала не понял, в чем дело, и только потом заметил – на Бессарабке не было ни одного инвалида! Потом, шепотом, мне сказали, что ночью органы провели облаву, собрали всех киевских инвалидов и эшелонами отправили их на Соловки. Без вины, без суда и следствия. Чтобы они своим видом не «смущали» граждан. Мне кажется, что инвалиды прежде всего вызывали злость у тех, кто действительно пересидел войну в штабах. Ходили слухи, что акцию эту организовал лично Жуков. Инвалидов вывезли не только из Киева, их вывезли из всех крупных городов СССР. «Зачистили» страну. Рассказывали, что инвалиды пытались сопротивляться, бросались на рельсы. Но их поднимали и везли. «Вывезли» даже «самоваров» – людей без рук и без ног. На Соловках их иногда выносили подышать свежим воздухом и подвешивали на веревках к деревьям. Иногда забывали, и они замерзали. Это были в основном 20-летние ребята».

Автор «Валаамской тетради» Е. Кузнецов в своей книге тоже называет истинную причину их выселения: «Уж слишком намозолили глаза советскому народу-победителю сотни тысяч инвалидов: безруких, безногих, неприкаянных, промышлявших нищенством по вокзалам, в поездах, на улицах, да мало ли еще где. Ну посудите сами: грудь в орденах, а он возле булочной милостыню просит. В течение нескольких месяцев страна-победительница очистила свои улицы от этого «позора»!» Поэтому специально для «самоваров» были открыты так называемые богадельни в Кирилло-Белозерском, Горицком, Александро-Свирском, Валаамском и других монастырях. Так, например, по Указу Верховного Совета Карело-Финской ССР в 1950 году на острове Валаам, в бывших монастырских зданиях, был размещен дом инвалидов войны и труда. Как подчеркивает С. Цыганкова, они попадали сюда по совершенно разным причинам: «Кто-то добивался этого сам, не захотел быть обузой для родственников, от других отказались близкие люди, третьи не смогли приспособиться к

мирным условиям жизни. Те, кто в состоянии трудиться, работали, а получив заработную плату или фронттовую пенсию, пропивали ее в одночасье, заливая алкоголем одиночество и тоску. А еще ходили на костылях и ездили на своем инвалидном транспорте – колясках, каталках, передвигавшихся с помощью так называемых утюжков, специальных приспособлений на руках, за шесть километров от поселка к причалу, когда туда приплывали пароходы из Сортавалы, чтоб увидеть нарядных и веселых людей, посмотреть на настоящую жизнь. Уехать с острова они не могли, не было документов, денег. Некоторые же вообще никогда не покидали своих мест: они постоянно лежали в корзинах – это были инвалиды, оставшиеся без рук и ног».

Но пройдет всего несколько лет, а проблема с инвалидами, беспокоящих власть, прежде всего нищенством, будет оставаться насущной. Так, в своем докладе в Президиум ЦК КПСС министр внутренних дел С. Круглов подчеркнет: «МВД СССР докладывает, что, несмотря на принимаемые меры, в крупных городах и промышленных центрах страны все еще продолжает иметь место такое нетерпимое явление, как нищенство.

За время действия Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 года «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» органами милиции в городах, на железнодорожном и водном транспорте было задержано нищих:

во 2-м полугодии 1951 года – 107 766 человек;

в 1952 году – 156 817 человек;

в 1953 году – 182 342 человека.

Среди задержанных нищих инвалиды войны и труда составляют 70 %, лица, впавшие во временную нужду, – 20 %, профессиональные нищие – 10 % и в их числе трудоспособные граждане – 3 %».

Одной из основных причин такого положения дел с инвалидами министр МВД СССР называет «отсутствие достаточного количества домов для инвалидов и престарелых и интернатов для слепых инвалидов, строительство которых, предусмотренное Постановлением Совета Министров Союза ССР № 2590–1264с от 19 июля 1951 года, идет крайне медленно, а ассигнуемые на это средства ежегодно не осваиваются. Из 35 домов инвалидов и интернатов, строительство которых должно быть закончено в 1952 году, на 1 января 1954 года построено всего лишь 4 дома.

В связи с этим органы милиции вынуждены подавляющее большинство задерживаемых нищих освобождать.

Борьба с нищенством затрудняется также и тем, что некоторая часть

нищенствующих инвалидов и престарелых отказывается от направления их в дома инвалидов, а устроенные нередко самовольно оставляют их и продолжают нищенствовать.

Закона о принудительном содержании таких лиц в домах инвалидов нет.

Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами» предусмотрено направлять на спецпоселение в отдаленные районы СССР с обязательным привлечением к трудовой деятельности лиц, занимающихся попрошайничеством, уклоняющихся от общественно полезного труда и ведущих паразитический образ жизни, а также бродяг, не имеющих определенных занятий и места жительства.

Однако органы милиции не могут широко применять этот Указ в борьбе с нищенством, так как большая часть нищенствующих является нетрудоспособными и престарелыми, не подпадающими под действие Указа. Кроме того, расследование и проверка материалов на этих лиц требуют длительного содержания их под стражей, что не предусмотрено законом.

Вследствие указанных выше причин количество лиц, занимающихся нищенством, остается значительным, а в отдельных местностях оно не только не снижается, но и возрастает».

Получалось так, что инвалиды войны просто позорили свою страну, победившую фашизм. И только по этой причине власти решили искоренить нищенство, «определив попрошаек в дома инвалидов и престарелых, убежать из которых они не смогли бы, для этого учреждения преобразовывались в дома закрытого типа с особым режимом».

Но, спрятав «позор», те же власти спрятали далеко и подальше саму проблему, ибо решать социальные вопросы реабилитации инвалидов войны никто просто не собирался.

«Они испытывали муки»

Дом инвалидов на Валааме официально начал свою деятельность с 10 июня 1950 года. Штат дома – 135 человек с фондом зарплаты 43 125 рублей. Общее количество жителей составляло 1300 человек: 770 инвалидов, 177 рабочих и служащих. Было там и свое подсобное хозяйство: 239 голов рогатого скота, 29 лошадей, 46 свиней, 4 га садов, 2000 кустов крыжовника, 1200 кустов смородины. Еще при доме была организована переработка молока и мяса, работали кузница, сапожная и швейная мастерские. Словом, на первый взгляд условия инвалидам создали. Но это только на первый взгляд...

Через месяц после открытия дома туда прибыла с проверкой партийная комиссия. То, что она там увидела, было зафиксировано в постановлении коллегии Министерства социального обеспечения от 30 июля 1950 года: «Однако коллегия отмечает, что в доме инвалидов имеется ряд недостатков. Основной – отсутствие подготовленного жилого фонда к зиме для инвалидов, рабочих и служащих. Из 7 тысяч кв. м подготовлено 400. Нет бани, овощехранилища, столовой, не подготовлено полностью помещение для больницы. Не организовано нормальное медицинское и культурное обслуживание, отсутствует зубопротезный, рентгеновский и туберкулезный кабинеты, нет лаборатории, отсутствуют киноустановка, радиоузел.

В связи с этим коллегия постановляет: считать первоочередной задачей в работе дома инвалидов создание необходимых условий для инвалидов, организации культурного и медицинского обслуживания, создание кормовой базы для скота». Кроме того, коллегия потребовала провести первоочередной ремонт жилого фонда, одновременно отремонтировать летнюю гостиницу до 150 человек, переоборудовать под столовую здание клуба, подготовить помещение для хранения картофеля и овощей, найти помещение для бани...

В своем расследовании С. Цыганкова приводит один весьма любопытный документ, датированный 15 декабря 1950 года. В частности, она фиксирует: «Отмечено, что на острове уже на 20 ноября 1950 года – 904 человека. Размещены в центральном поселке и 2 филиалах. Количество рабочих, служащих и иждивенцев – 580. В документе говорится: «Продовольственные товары в достаточном количестве, за исключением картофеля, имеющегося на Валааме в составе 78 тонн, на 1 приходится

12 кг в месяц, но при условии, если рабочим и служащим продаваться не будет.

Медико-санитарное обслуживание по-прежнему очень плохое. Нет трех главных кабинетов, нет врача для туберкулезных больных. Только один врач-терапевт. Население не обеспечено помощью, что опасно в период закрытия навигации. Работают лишь два фельдшера и две медсестры, деловые качества которых не удовлетворяют, это на фронтовиков, многие из которых нуждаются в постоянной медицинской помощи. Кроме того, на остров перевезли и туберкулезных больных, которым не оказывалась никакая помощь. Санитарное состояние удовлетворительное, много недочетов – грязь в общежитиях, несвоевременная помывка обеспечиваемых в бане, отсутствие дезкамеры и другие. В этом документе отмечено, что на острове одна баня с пропускной способностью 185 человек в сутки, одна пекарня на всех, 7 складов и один магазин».

Значительно хуже с инвентарем. В справке говорится, что «дом инвалидов должен иметь 3 смены постельного и нательного белья. Фактически же в наличии полторы комплекта, не хватает носков, нательного белья. Поэтому решено завезти 1080 метров ткани, чтобы пошить постельное и нательное белье. Не хватает тумбочек, стульев, столов и кроватей. Но денег на это нет. Обещали, что приобретут инвентарь в следующем году». То есть первый год на острове инвалиды войны жили в очень плохих условиях. Практически не было связи. На территории работали только 2 динамика, вопросы доставки почты во время бездорожья тоже не были решены. Что касается освещения, то с ним также были проблемы. Как сообщается в документе от 15 декабря 1950 года, «электростанция мощностью 40 киловатт требует ремонта. Недостаточно керосина. При выходе электростанции из строя создается очень напряженное положение». Это значит, что люди просто сидели без света.

Сложно было и с работой. В постановлении коллегии Министерства социального обеспечения Карело-Финской ССР от 28 июля 1950 г. «О трудоустройстве участников Великой Отечественной войны» отмечено, что трудоустроено всего 50 инвалидов. Хотя, безусловно, далеко не все могли трудиться, но многие в состоянии были заниматься хоть какой-то работой».

Один из жителей Валаама поведал А. Добровольскому о жизни инвалидов на острове следующее: «В поселке нашем живут бабки, которые почти все эти годы в интернате обслугой проработали, от них слышал, что порой под тысячу человек числилось. Безрукие, на костылях... Но самое страшное – «самовары»... Абсолютно беспомощные. Надо кормить с

ложечки, одевать-раздевать, на ведро, которое взамен горшка приспособлено, сажать регулярно. А если их тут не один десяток, за всемирно разве уследишь? Само собой, кто-то, на ведреке этом не удержавшись, на пол свалится, а кто-то и вовсе по нужде докричаться до няньки не успеет... Вот и получается: «самовары», в собственном дерьме перепачканные, запах по комнатам соответствующий...

«Расписание дня даже для инвалидов-ампутантов предусматривало прогулку на свежем воздухе. По словам рассказчика-аборигена, сперва медперсонал грузил валаамских «самоваров» на обычные дощатые носилки, тащил на лужайку перед домом и там переключивал «гулять» на расстеленный брезент или сено. А потом подоспело чье-то изобретение: интернат обзавелся большими плетеными корзинами, в них санитарки сажали калек (порой даже по двое) и несли во двор. В этих корзинах люди-обрубки и сидели часами (иногда их подвешивали к толстым нижним ветвям деревьев, на манер таких огромных гнезд), дышали свежим воздухом. Но порою воздух на северном острове под вечер становился уж слишком свеж, а няньки, занятые другими делами, никак не реагировали на призывы своих подопечных о помощи. Случалось, и вовсе забывали на ночь снять какое-нибудь из «гнезд» и вернуть их обитателей в жилые помещения, тогда дело вполне могло кончиться даже смертью от переохлаждения».

Немудрено, что права инвалидов войны на острове все годы существования дома-интерната, нарушались. Как подчеркивает С. Цыганкова, «ветераны жили в общих палатах, без воды и удобств, по пять-шесть человек, инвалиды без ног не могли самостоятельно спуститься со второго этажа на улицу. Никто из обитателей дома для инвалидов не ездил в санатории или другие лечебные учреждения, соответственно, не пользовался транспортными льготами. Никто из обеспечиваемых не получил и положенной по закону машины «Запорожец» или хотя бы компенсации за нее. Все эти льготы проходили мимо фронтовиков, проживавших в валаамском доме для инвалидов».

Е. Кузнецов, работавший на острове экскурсоводом, в своей «Валаамской тетради» доносит до нас еще некоторые моменты из их жизни: «...Обворовывали их все кому не лень. Дело доходило до того, что на обед в столовую многие ходили с пол-литровыми стеклянными банками (для супа). Мисок алюминиевых не хватало! Я видел это своими глазами... А когда мы с ребятами, получив зарплату, приходили в поселок и покупали бутылок десять водки и ящик пива, что тут начиналось! На колясках, «каталках» (доска с четырьмя шарикоподшипниковыми «колесами», порой

такими досками служили даже старые иконы!), на костылях радостно спешили они на поляну у Знаменской часовни... И начинался пир... А с каким упорством, с какой жаждой праздника (все, что отвлекало от беспросветной повседневности, и было праздником) они «поспешали» к туристическому причалу за шесть километров от поселка. Посмотреть на красивых, сытых, нарядных людей...»

Он же свидетельствует: «Мои коллеги не брезговали спаивать инвалидов. Вот тут (он показывал на место рядом с монастырем) была танцплощадка (очевидно, сам факт наличия танцплощадки для инвалидов его не смущал). Наливали они им, и те, подвыпив, начинали раскачиваться в такт звучащей музыке, выкрикивая полусвязно песни и как бы танцуя».

Со слов директора Валаамского природного музея-заповедника В. Высоцкого, «все захоронения на кладбище практически утрачены. На сегодняшний день визуально они не просматриваются. Нет точных указаний о месте захоронения того или иного инвалида». Но что и говорить, если на деревянном подобии памятника не писали даже фамилии фронтовика, только номер.

В 1984 году дом для инвалидов войны и труда переехал в село Видлица Олонецкого района. И только спустя годы в интернате решили восстановить фамилии ветеранов войны. Стали изучать архивы. В результате лишь у одного обитателя интерната была обнаружена красноармейская книжка. У остальных инвалидов никаких документов, в том числе наградных, не сохранилось. О том, что там жили участники войны, теперь можно судить только по годам рождения и медицинским записям о болезнях. И в основном это сильные контузии, слепота, отсутствие нижних и верхних конечностей. Пока в интернате восстановили всего 47 фамилий...

Например, у Михаила Петровича Холодного (1920) были атрофированы нижние конечности. Командир взвода разведки, младший лейтенант, призванный в августе 41-го, был тяжело ранен и награжден медалью «За отвагу», хотя командование представляло офицера к ордену: «Во время разведки боем в составе 128-го отдельного лыжного батальона был тяжело ранен 24 февраля 1944 года, достоин правительственной награды, ордена Отечественной войны второй степени».

Еще более трагична судьба Григория Андреевича Волошина, который умирал дважды, но только через два десятилетия после второй смерти вернулся из небытия...

Летчик 813-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Волошин воевал с октября 1944 года. За время боевых действий

в Восточной Пруссии с 12 по 16 января 45-го успел произвести 3 боевых вылета. Вот как его характеризовало командование: «За время пребывания на фронте показал себя настойчивым и требовательным к себе в вопросах летной работы. Летное дело любил, летал хорошо и отлично. Матчасть самолета и его вооружения знал хорошо, грамотно ее эксплуатировал и умело применял в боевой работе».

16 января 1945 г. Волошин в составе 8 самолетов Ла-5 вылетел на боевое задание по прикрытию наземных войск на поле боя. В районе линии фронта группа вступили в бой с 30 истребителями противника ФВ-190. В ходе боя, будучи ведомым, спасая жизнь своего командира, Волошин таранил «фокке-вульф», который от удара рассыпался в воздухе, а сам погиб... В наградном листе на младшего лейтенанта Волошина, подписанном 10 февраля 1945 года командиром 813-го истребительного авиаполка майором Турагиным, указывается: «Горя ненавистью к врагу, ВОЛОШИН шел на лобовое сближение с противником, чтобы наверняка его разить, и, видя, что противник не принимает боя и уходит со снижением, тов. ВОЛОШИН, не считаясь со своей жизнью, пошел на таран противника и своим самолетом сразил его.

ВЫВОД: За мужество и героизм, проявленные в воздушном бою, достоин награждения орденом ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ – посмертно».

Семье отправили похоронку, а позже и передали орден. Однако, вопреки всему, Григорий Волошин остался жив. В 22 года молодой летчик лишился не только обеих рук и ног, но еще слуха и речи. После долгого лечения в госпиталях беспомощный калека оказался на Валааме, где он жил практически «человеком без имени». Он умер своей смертью в 1974 году, а через 20 лет о его судьбе узнал его сын. В 1994-м он приехал на остров, отыскал могилу отца и поставил памятник.

В 2011 году на Валааме был открыт и освящен мемориал в память о ветеранах войны, которые закончили здесь свою жизнь. На открытии патриарх Кирилл с горечью отметил: «Это был никакой не дом инвалидов, а обыкновенный лагерь. Я хорошо помню людей, в память о которых поставлен этот крест. Многие из них не имели рук и ног, но более всего, наверное, они испытывали муки от того, что Родина, за свободу которой они отдали свое здоровье, не сочла возможным сделать ничего лучшего, как отправить их на этот холодный остров, подальше от общества победителей. Вот на этом бездушии, на этой черствости и лицемерии воспитывались люди. Мы сегодня с большим трудом преодолеваем тяжкие последствия прошлых десятилетий».

Примечания

Автором использованы отдельные факты и эпизоды из следующих источников:

Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. М., 2009.

Добровольский А. «Самовары» товарища Сталина. «Московский комсомолец» от 2 сентября 2011 г.

Крючкова А. Как доживали свой век ветераны. «Аргументы и факты в Беларуси», № 39 от 26 сентября 2012.

Кузнецов Е. Валаамская тетрадь. Росток, 2004.

РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 78. Л. 41–461.

Речинский С. Сосланные на Валаам ветераны-инвалиды. ОРД, 9 мая 2012. Интернет.

Смыслов О. С. Окопная правда войны. М., 2013.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 1288. Л. 301.

ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 744808. Д. 1226. Л. 189.

Цыганкова С. Валаамская бессрочная. «Российская газета» от 24 марта 2010 г.

Цыганкова С. Ветераны Валаама. Центр политических исследований Республики Карелия, 26 августа 2011 г. Интернет.

Вместо послесловия

Утром 15 января 1944 года силами двух батальонов 96-го гвардейского стрелкового полка был взят мало кому известный населенный пункт Скураты. Бой шел три с половиной часа. И вот противник дрогнул и начал отходить. Однако, преследуя его, батальоны вышли к рубежу 300 метров восточнее населенного пункта Лужки, где были встречены пушечным огнем... Началась мясорубка... 62 убитых и 36 раненых...

Командир пулеметного расчета гвардии старший сержант Пылов лежал на снегу и стонал от страшной боли. Было очень холодно. Он то терял сознание, то приходил в себя. Страшно хотелось пить. Когда он очнулся в следующий раз, его лицо лизала собака-санитар, запряженная в нарты (узкие длинные сани, предназначенные для езды на упряжках из собак). Понимая, что помочь она ничем ему не сможет, сорокалетний сержант, тяжело раненный в правую ногу, преодолевая дикую боль, на руках и при помощи здоровой ноги из последних сил вскарабкался на эти сани, и собака его потащила в тыл. Очнулся он только в медсанбате, потеряв, как выяснилось потом, 30 процентов крови...

Сегодня не все об этом знают, но отвага и мужество в годы Великой Отечественной войны были присущи не только людям, но и их четвероногим друзьям. Например, собака-санитар Мухтар за годы войны спасла около 400 раненых бойцов. Благодаря собаке-разведчику Джеку в плен было захвачено около 20 «языков». Шотландский колли Дик, будучи миноискателем, отличился при обнаружении 2,5-тонного фугаса с часовым механизмом в фундаменте Павловского дворца, буквально за час до момента взрыва. Собака-диверсант овчарка Дина успешно осуществила подрыв эшелона противника на перегоне Полоцк – Дрисса в 1943 году, а затем отличилась при разминировании города Полоцка.

Джультбарс с танкистами. 1943 г.

Немецкая же овчарка Джультбарс была единственной собакой, награжденной медалью «За боевые заслуги». Благодаря ее особому чутью на территории Чехословакии, Австрии, Румынии и Венгрии было разминировано 7468 мин и более 150 снарядов. На Параде Победы 45-го года незадолго до этого получившего ранение Джультбарса на руках нес сам командир 37-го отдельного батальона разминирования майор А. Мазовер.

Все вместе, на самых разных должностях, эти четвероногие друзья спасли сотни тысяч человеческих жизней. И об этом тоже нельзя забывать никогда!

Приложение

Василь Быков. Цена прошедших боев

«Война обрушилась на страну неожиданно, ее страшные реалии явились для людей внове, не изведенными по прежней жизни, и не могли не шокировать миллионы. В том числе и военных – кадровых командиров и начальников. Постепенно, однако, стало понятно, что война не на один год, что воевать предстоит долго и надо приспособливаться к экстремальным условиям жизни. Примерно на втором году войны среди воюющего люда стал складываться своеобразный, импровизированный фронтовой быт. На фронтах, временно не ведших больших боевых операций, ставших в жесткую оборону, появилась какая-никакая надежда дожить если не до конца войны, не до победы, то хотя бы до конца недели, до ближайшего утра. И люди устраивались – каждый на том месте, куда его определила война. Штабисты споро и организованно обживали уцелевшие углы в полусожженных тыловых деревнях, усиливали накаты командных и наблюдательных пунктов; артиллеристы обустроивали землянки, налаживали в них печки – из железных бочек, молочных бидонов, устилали земляные нары смолистым лапником. Вход завешивался плащ-палаткой – этим универсальным красноармейским средством защиты от холода и непогоды. Немцы всю войну пользовались шерстяными одеялами, мы же во всех случаях обходились традиционной серой шинелью – в бою, на отдыхе, ночью. Пехота в траншеях, нередко полузаметенных снегом или залитых водой, спасаясь от непогоды, рыла норы-ячейки с полками для гранат и патронов, с неперменной ступенькой, чтобы по первому сигналу выбраться наверх – в атаку.

Выбираться наверх в самом деле приходилось нередко, даже в жесткой, многомесячной обороне. Высшие командиры помнили и свято исполняли железный приказ Верховного: не давать захватчикам покоя ни днем ни ночью, непрерывно бить его и изматывать. И били, и изматывали. Даже если не хватало оружия и боеприпасов, если на орудие приходилось по четверти боекомплекта и на каждый выстрел требовалось разрешение старшего командира. В обороне регулярно проводились – обычно кровавые – разведки боем, každонощные поиски разведчиков, бесконечное «улучшение» оборонительных позиций. Некоторые части, подчиненные особенно исполнительным или патриотически настроенным командирам, месяцами атаковали одни и те же высоты, кладя на их склонах тысячи людей и так и не добиваясь сколько-нибудь заметного успеха. Людей никто

не жалел. Все на фронте было лимитировано, все дефицитно и нормировано, кроме людей. Из тыла, из многочисленных пунктов формирования и обучения непрерывным потоком шло к фронту пополнение – массы истощенных, измученных тыловой муштрой людей, кое-как обученных обращаться с винтовкой, многие из которых едва понимали по-русски.

Первые дни в бою не многие способны были преодолеть в себе состояние шока. Командирам в стрелковой цепи стоило немалого труда поднять таких в атаку, и нередко на поле боя можно было наблюдать картину, как командир роты, бегая вдоль цепи, поднимает каждого ударом каблука в зад. Подняв одного, бежит к следующему, и пока поднимает того, предыдущий снова ложится – убитый или с испугу. Понятно, что долго бегать под огнем не мог и ротный, который также скоро выбывал из строя. Когда до основания выбивали полки и батальоны, дивизию отводили в тыл на переформирование, а уцелевших командиров представляли к наградам – за непреклонность в выполнении приказа: была такая наградная формула. За тем, чтобы никто не возражал против явной фронтовой бессмыслицы, бдительно следили не только вышестоящие командиры, но также политорганы, уполномоченные особых отделов, военные трибуналы и прокуратура. Приказ командира – закон для подчиненных, а на строгость начальника в армии жаловаться запрещалось.

Война, однако, учила. Не прежняя, довоенная, военная наука, не военные академии, тем более краткосрочные и ускоренные курсы военных училищ, но единственно – личный боевой опыт, который клался в основу боевого мастерства командиров. Постепенно военные действия, особенно на низшем звене, стали обретать элемент разумности. Очень скоро оказалось, что боевые уставы, созданные на основе опыта Гражданской войны, мало соответствуют характеру войны новой и в лучшем случае бесполезны, если не вредны, в буквальном своем применении.

В самом деле, чего стоило только одно их положение о месте командира в бою (впереди атакующей цепи), которое сплошь и рядом приводило к скорой гибели командиров, в то время как оставшиеся без управления подразделения скоро утрачивали всякое боевое значение. Полагавшееся по уставу поэшелонное строение атакующих войск вызывало неоправданные потери, особенно от минометного огня противника. Перед лицом этих и многих других нелепостей Сталин был вынужден пойти на переработку уставов, и уже в ходе войны появились новые боевые уставы пехоты – часть I и часть II. В то время как в войсках жестоко пресекался всякий намек на какое-нибудь превосходство немецкой

тактики или немецкого оружия, где-то в верхах, в Генштабе это превосходство втихомолку учитывалось, и из него делались определенные негласные выводы. С санкции Верховного кое-что внедрялось в войска.

Впрочем, внедрять и заимствовать следовало куда как больше и не только из того, что касалось тактики. Как ни бахвалились мы (разумеется, в пропагандистских целях) качеством отечественного оружия, немецкое стрелковое оружие сплошь и рядом оказывалось совершеннее по устройству и сподручнее в применении. Наш прославленный ППШ с очень неудобным для снаряжения дисковым магазином по всем параметрам уступал немецкому «шмайссеру»; громоздкая, с длинным штыком винтовка XIX века конструкции Мосина уступала немецкому карабину. Устаревший, с водяным охлаждением пулемет «максим» доставлял пулеметчикам немало забот, особенно в летнее время на безводном юге, а с текстильной лентой – повсеместно в непогоду. Ручной пулемет Дегтярева запомнился бывшим пулеметчикам разве что непомерным для этого вида оружия весом. Когда на вооружении немецкой пехоты появился компактный скорострельный МГ-42, нашим атакующим батальонам не оставалось шансов уцелеть под его шквальным (до 1000 выстрелов в минуту) огнем. Один такой пулемет с удачно расположенной позиции за считанные минуты способен был истребить целый батальон.

Средний танк Т-34, в общем неплохой, маневренный, с хорошим и сильным двигателем, имел слабую броню и при скверной 76-мм пушке становился легкой добычей немецкого противотанкового оружия и особенно тяжелых танков типа «тигр». Преимущество последних особенно проявлялось в обороне, при отражении наступления наших «тридцатьчетверок». Великолепная цейссовская оптика и мощная пушка позволяли «тиграм» с дальнего расстояния расправляться с десятками наших наступающих танков. Советские танкисты прямо-таки плакали с досады, когда наш танковый батальон, едва начав атаку (особенно на равнинной местности), попадал под огонь замаскированных где-нибудь в садках и сельских строениях «тигров». Сразу загоралось несколько машин, подбитых танковыми болванками из «тигров», в то время как сами «тигры» оставались неуязвимы из-за дальности расстояния до них. Нередко происходили случаи, когда атакующие, поняв, что сблизиться на расстояние прямого выстрела не успеют, покидали машины и под огнем возвращались на исходный рубеж. Пока они его достигали, их машины уже горели. В конце концов, разгадав крамольную уловку танкистов, командование отдало приказ привлекать к суду военных трибуналов экипажи, вышедшие из огня в полном составе. Тогда танкисты пошли на

новую хитрость: стали подъезжать к противнику ближе и покидать машины уже под пулеметным огнем из танков. Кто-то из них погибал или был ранен в открытом поле, но кое-кому удавалось пробраться к своим. Из подбитой же, подожженной машины шансов выбраться было несравненно меньше. Воевавшим помнятся и немецкие минометы, от навесного огня которых не было спасения ни в поле, ни в лесу, ни в городе.

Наши потери в наступлении были чудовищны, наибольшее их количество, конечно, приходилось на долю раненых. Легкораненые с поля боя выбирались сами; тяжелораненые нередко подолгу находились в зоне огня, получая новые ранения, а то и погибая. Выносить раненых с поля боя имели право лишь специально назначенные для того бойцы – санитары и санинструкторы. Никому другому сопровождать раненых в тыл не разрешалось, попытки такого рода расценивались как уклонение от боя.

Конечно, девочки-инструкторы старались как могли, но санинструкторов полагалось по одной на роту, раненых же на поле боя всегда набирались десятки. Как было успеть при всем желании? И не успевали; раненые вынуждены были долго ждать помощи и, истекая кровью, умирали на поле или по дороге в санбат.

До сих пор в точности неизвестно, кому принадлежит «гениальная» идея использования на войне женщин. Кажется, это чисто советское новшество, в немецкой армии ничего подобного не наблюдалось до конца войны. При очевидной бездефицитности людского (мужского) материала на войне какая надобность была посылать под огонь молодых, мало приспособленных к своеобразию боевой жизни девчат? Какая от них была польза? Разве что в окрашивании досуга и быта старших командиров и политработников, временно лишившихся жен и тыловых подруг. По дороге на фронт многие из них оседали в штабах и тыловых учреждениях в качестве секретарш, медсестер, связисток, под которых обычно маскировали тех, кто на солдатском языке игриво именовался ППЖ. Те же из них, кто добирался до полков и батальонов, не вызывали к себе серьезного отношения – на чисто мужской работе, какой является война, среди мужских масс они сразу обнаруживали всю свою бесполезность. Даже девчата такой категории, как снайперы, что в минуты затишья между боями выдвигались на нейтральную полосу, в непосредственную близость к противнику.

Принято было считать, что каждый снайперский выстрел – это убитый немец, на деле же все обстояло иначе. Ведя огонь, пролежать под носом у противника можно было лишь считанные минуты, и каждый девчачий выстрел – не обязательно попадание в цель. Но, когда на фронте не велось

активных боевых действий, снайперская активность была единственным показателем боевой активности, и командиры не скупались на цифры в отчетности.

На периоды фронтового затишья приходилась особенная активность политорганов. Именно тогда в окопах появлялись малознакомые, чисто выбритые, в скрипящих портупелях полковники, то и дело затевавшие с бойцами теплые, душевные разговоры. «Ну, как дела? Как кормят? Получаете ли письма из дому?» Им отвечали хмуро и сухо – вежливых офицеров не уважали и не боялись, не то что крикливых матерщинников-командиров; молча, без вопросов слушали их торопливый рассказ о международном положении и задачах наших войск, поставленных в приказе товарища Сталина. Потом, после их отбытия, в роты и на батареи приходили политработники рангом пониже и, отозвав кое-кого в сторонку, предлагали вступить в партию. Отказываться было не принято, да и ни к чему: какая разница бойцу, как погибать – беспартийным или членом ВКП(б). Собравшись где-то за пригорком на партсобрание, единодушно голосовали и спустя неделю выдавали кандидатскую карточку. Партийность, конечно, мало что меняла в положении бойца – если задерживался в строю, присваивали звание младшего сержанта, да перед наступлением давали задание прокричать в цепи: «За Родину, за Сталина!»

На деле, может быть, кричали, а может, и нет. Легенда об этом боевом кличе имеет во многом пропагандистское происхождение и дошла до нас со страниц военной печати. В неумолчном грохоте боя, среди взрывов и пулеметно-автоматной трескотни трудно было расслышать собственный голос, не то что чей-то нелепый, мало соответствующий обстановке призывный клич.

Не слышать было даже «ура», когда его действительно кричали в определенные моменты боя. После какой-либо неудачи, когда начинался «разбор полетов» и поиск виновников, политработники обычно спрашивали у подопечных: почему не было призывных криков? Им возражали: «Да кричали, ей-богу! Разве не слышали?»

Наверно, не слышали, потому что сзади не слышно. И далеко не все видно.

Чем дальше от фронта, тем выше чины командиров и тем больше у них власти. За пятнадцать-двадцать километров от передовой все тыловые населенные пункты, леса и овражки были забиты войсковыми штабами, частями и учреждениями с десятками и сотнями старших офицеров, которые что-то делали – писали, совещались, требовали огромного количества транспорта и средств связи. А в то же время на передовой под

огнем ворошилась, изображая наступление, горстка уставших, измотанных восемнадцатилетних юнцов, управляемых взводными и ротными – такими же восемнадцати- и двадцатилетними лейтенантами. От их способностей, патриотизма и самоотверженности и зависел успех или неуспех боя и в конечном счете – военная карьера тех, кто оставался в тылу. Особенно в дальнем тылу. Генералы и старшие офицеры, как это и заведено во всякой армии, все же управляли не войсками, а стоящими на ступеньку ниже генералами и офицерами – так было сподручнее во всех отношениях. Наиболее честные и умные делали это так, что, вполне удовлетворяя высшее командование, старались не очень притеснять подчиненных, что позволяло им поддерживать репутацию справедливых начальников. Но такая манера поведения вовсе не являлась правилом, а скорее исключением из правил. Правилем же была полная покорность перед старшими и беспощадная жесткость по отношению к подчиненным; на этом в войну преуспели многие. Именно степень требовательности, а не что-либо другое определяла карьеру самых выдающихся полководцев сталинской школы. Помнится, после войны судили офицера – вполне заслуженного, вся грудь в наградах, боевого полковника, командира гвардейского стрелкового полка. Этот офицер воевал под чужим именем, по документам настоящего, погибшего командира полка, у которого служил ординарцем. На суде ему был задан вопрос: «Как же вы, не имея военного образования, будучи только сержантом, решились на такой подлог, взяли на себя ответственность за судьбы сотен людей? Как вы ими командовали?» На что бывший сержант отвечал с обескураживающей логикой: «Очень просто! Получив свыше приказ, вызываю командиров батальонов и так накручиваю им хвосты, что бросаются исполнять как угорелые». Наверно, неплохо «накручивал хвосты», если получил за войну к двум незаконно присвоенным еще четыре вполне заслуженных ордена. Действительно, усвоил сталинскую науку побеждать.

Существует распространенный миф о том, что неудачи первого периода войны вызваны, кроме прочего, репрессиями среди высшего состава Красной армии, имевшими место накануне войны. Разумеется, репрессии явились злом во всех отношениях. Но ведь репрессировали не всех, самые опытные все же остались и возглавляли армию. И первые же месяцы войны показали полную неспособность прежнего командования противостоять высокооснащенной европейской армии, какой являлся вермахт. Очень скоро на полководческие должности по праву выдвинулись другие командиры, недавно еще занимавшие небольшие и средние должности в полках, бригадах, дивизиях. Именно они скорее своих

начальников научились воевать в новых условиях, и, как ни странно, именно на их опыте кое-чему научился и Сталин. Может быть, впервые в советской действительности идеологические установки были отодвинуты в сторону и в некоторых военных вопросах возобладал голос рассудка.

Одним из вполне здравых актов Верховного было упразднение всевластного института военных комиссаров, этого совершенно излишнего, дублирующего командирского звена в армии. Отчасти Сталина вынудили так поступить отношения с союзниками (ликвидация Коминтерна), отчасти – огромный дефицит командирских кадров, создавшийся после катастрофических неудач начального периода войны. Почти при всех учебных военных заведениях была организована краткосрочная переподготовка политработников на строевых командиров. Но, очевидно, перековать вчерашних комиссаров на строевиков было не во власти даже самого Сталина, и определенная часть их была оставлена в качестве замполитов. Должность, кстати сказать, в боевых условиях также совершенно никчемная, кое-как терпимая в пехоте, но довольно абсурдная в иных, специальных родах войск, где кроме умения проводить политинформации и выпускать «боевые листки» требовались еще и специальные навыки и знания, о которых замполиты не имели ни малейшего представления.

К середине войны воевать, в общем, научились, научились также ловчить, водить за нос начальство. Очевидно, без того и другого прожить на войне оказалось невозможным. Запомнился случай при наступлении, когда мой оружейный расчет оказался рядом с воронкой командира батальона капитана Андреева. Этот невидный, штатской внешности комбат на войне звезд с неба не хватал, хотя воевал не хуже других. Сидя в воронке с ординарцами и связистами, он руководил боем за недалекое село. Командир полка непрерывно требовал по телефону доклады о продвижении батальона, и Андреев, потягивая из фляги, то и дело бодро отвечивал: «Продвигаюсь успешно... Пытаюсь зацепиться за северную окраину... Уже зацепился... Сбиваю боевое охранение».

Его роты при этом спокойно лежали себе впереди в голом поле, под редким минометным огнем из села, и я думал: как же он оправдывается, когда вдруг сюда нагрянет командир полка? Но, видно, комбат лучше меня знал повадки комполка и мало опасался его дневного визита. А к вечеру где-то продвинулись соседние батальоны, и немцы оставили северную оконечность села, которую не промедлил занять батальон Андреева. Когда стемнело, комбат встретил там командира полка и доложил ему об удачной атаке, которой не было и в помине. Командир полка, кажется, остался

доволен. Наверное, я так думаю, он сам схожим образом докладывал выше, в дивизию, а те – в корпус. Таков был негласный порядок, который устраивал всех. В общем, это было честнее и разумнее, чем по безмозглой команде атаковать превосходящего противника, устилая трупами поле. В моральном отношении поступок комбата, разумеется, выглядел безгрешным, но в военных условиях было не до морали. Затеянная в высших штабах наступательная операция нередко привязывалась к конкретным срокам: годовщине Октября, Дню Красной армии, дню рождения Сталина, другим неотложным датам, и большую часть времени, отпущенного на ее подготовку, тратили те, кто ее разрабатывал. Несравненно меньшая часть оставалась для исполнителей. Батальону Андреева перепала одна ночь, да и та была занята передислокацией, так что комбат лишь за час до атаки получил возможность взглянуть на поле боя, где ему предстояло победить или умереть. Да еще без поддержки танков, с жидким артиллерийским обеспечением...

Конечно, проделки такого рода были небезопасны. Хотя в боевой обстановке многое сходило с рук: те, кого следовало опасаться, не очень стремились появляться на передовой. Но в случае отвода в тыл, во второй эшелон или на переформировку о многом становилось известно, утаить что-либо крамольное было практически невозможно. Сразу же в подразделениях начинались ночные контакты с «кумом» – уполномоченным особого отдела (впоследствии контрразведки Смерш), в результате которых командованию становилось известно все о подробностях последних боев, о командирских ухищрениях. Уполномоченные Смерша сосредоточивали в своих руках мощную незримую власть, от их расположения зависела судьба и служебная карьера командиров. Те из них, кто в свое время не избежал плена (хотя бы кратковременного) или окружения, из которого вырвался с оружием в руках, были под особым наблюдением органов. Обычно такие люди вынуждены были вести себя тише воды, ниже травы, во всем угождая не только начальникам, но и своим подчиненным. В противном случае они рисковали лишиться погон, угодить в штрафбат, откуда только недавно вышли по отбытии срока или после ранения. Другой категорией повышенного риска среди офицеров были, наоборот, раскованные, лихие вояки, позволявшие себе при вольных разговорах, особенно за чаркой, нестандартные высказывания о довоенной жизни, немецкой тактике или о действиях НКВД. В скором времени такой человек исчезал навсегда.

Немалый урон офицерскому составу нанес пресловутый приказ Главнокомандующего номер 227, известный в войсках под девизом «ни

шагу назад!». Летом 1942 года, стремясь убедить себя и верховное командование в недопустимости дальнейшего отступления, Сталин всю строгость исполнения данного императива возложил на воюющих командиров среднего и низшего звена, которые отступали, разве что лишившись возможности обороняться. И многие поплатились за это жизнью. С первых же дней появления приказа начался усиленный поиск тех, кто отступал без приказа. Ими оказывались некий командир полка, которому с запозданием передали приказ оборонять определенный рубеж; командир батальона, не успевший за короткую летнюю ночь выдвинуться на намеченные позиции и утром подвергшийся разгромному удару немецкой авиации; младший лейтенант, командир минометной роты, заплутавший в безлюдной степи. Трибуналы в те дни работали с полной нагрузкой. Из высших штабов непрерывно запрашивали о количестве расстрелянных за сутки, за неделю и декаду, отдельно по категориям – старших и младших офицеров, коммунистов и беспартийных, по соцпроисхождению и национальному составу. Такого рода показатели являлись основанием для награждения в карательных органах всех видов. Теперь для непосвященных эти награжденные – герои наравне с прочими несомненными героями, и мало кто догадывается, каким образом заслужены их награды. Особенно прикрытые распространенной ныне мифологемой о прохождении всей войны – «от звонка до звонка». В Смерше или в трибунале, разумеется, можно было пройти и не одну войну. А вот в пехоте...

Кому не известно, что жизнь бойца в пехоте была самой короткой? Неделю в наступлении, месяц в обороне – максимальный срок для солдата стрелкового батальона, за которым следовал «земотдел или здравотдел», как невесело острили пехотинцы. Иной исход был крайне маловероятен. И если были и другие рода войск, которым также немало доставалось на войне (например, танковые и саперные войска, истребительная и штурмовая авиация), то их деятельность хотя бы достойно оценивалась. Главной, если не единственной, такой оценкой со стороны государства было награждение. Иерархия наград, как и процедура награждений, определялась не столько в законодательном порядке, сколько негласно сложившейся традицией. Никто из подчиненных не мог быть награжден прежде своего командира, ни один начальник не стремился наградить подчиненного, если не был награжден сам. Ордена, по обыкновению, распределялись вовсе не по заслугам, как об этом принято думать, а в зависимости от должности. Ордена Красной Звезды обычно достаивался командир взвода. Отечественной войны второй степени – командир роты;

первую степень получал командир батальона, который к концу войны нередко заслуживал также орден Красного Знамени – самую, кстати, уважаемую из военных наград. Но в общем это был орден для командиров и политработников дивизионного звена и выше. Для генералитета существовали многие полководческие ордена.

Странная метаморфоза произошла с орденом Славы, учрежденным в середине войны для награждения исключительно солдат и сержантов действующей армии и ценившимся на войне никак не выше популярной медали «За отвагу». В шестидесятых годах по инициативе Константина Симонова, снявшего документальный фильм о кавалерах этого ордена, последний странным образом оказался приравненным к Золотой Звезде Героя и в данном статуте остается и поныне. В предперестроечные годы цена наград резко упала; пожалуй, не осталось взрослого гражданина, не награжденного хотя бы одним орденом – за ратный подвиг или за труд. И не только каким-нибудь свежечрежденным орденом Трудовой Славы, но и вполне полководческим орденом Ленина – пожалуй, самой высокой из существовавших наград. Старательная доярка в передовом колхозе имела этих орденов побольше, чем прославленный на войне маршал: маловразумительный статут этого ордена позволял награждать им всех – от кухарки до маршала и министра. Только солдату на фронте он был недоступен; его фронтовая цена оказывалась столь высока, что у солдата не хватало никакой крови его заслужить. Вопреки распространенному мнению, на войне вообще награждали негусто. Для многих из солдат, окончивших войну, победная медалька оказалась единственной ратной наградой, все последующие – юбилейного происхождения. В годы войны за каждый из орденов полагалась небольшая денежная выплата (на табачок!), которая, разумеется, «по ходатайству трудящихся» вскоре после победы была отменена.

Война закончилась давно, за полвека выросли и возмужали новые поколения. Прискорбно, однако, что человеческая память о ней не только сокращается в своих возможностях – подменяется как бы антипамятью, активно замещается в сознании пропагандистскими стереотипами. Да, мы победили коварнейшего врага – немецкий фашизм, но имеем ли мы право забывать о цене нашей победы? Каковы истинные цели ее – только ли разгром немецкого фашизма? Что мы принесли на своих штыках освобожденным народам Европы? Насколько осчастливили поляков, чехов, словаков, венгров, румын, болгар и югославов? Спустя полвека после нашей победы правомерно задать себе элементарный вопрос: что мы имеем от той нашей победы? Вот немцы, например, не победили, не победили

также итальянцы и японцы – более того, претерпели оглушительные национальные катастрофы. Но из тех катастроф они извлекли определенные уроки и в результате так благоустроили собственную жизнь, как нам не благоустроить ее никогда. Значит, так ли однозначна для нас наша историческая победа? Может, кроется в ней что-то еще, более для нас важное? Или это Всевышний так своеобразно распределил свою божескую милость: кому – пустозвонство ликующей победы, а кому – комфортная человеческая жизнь. Чтобы всем по справедливости – как того и требует милый для многих наших сердец социалистический принцип распределения земного счастья.

Чем больше времени проходит с памятного мая 1945 года, тем больше вопросов выдвигает прошедшая война. Обесцениваются многие из, казалось бы, безусловных ценностей, возникают новые. Поколения помоложе кажется, что для них наступило новое время, не связанное с проклятым прошлым, ставшим заслуженной участью их отцов и дедов. Но поостережемся с выводами. Все-таки многое в мире связано прочной бечевой и, не распутав ее крепкие узлы, не очень-то продвинешься в счастливое будущее. Хотя история, как известно, ничему не учит, но и учиться у себя никому не воспрещает. Тому, конечно, кто хочет чему-нибудь научиться. Для прочих она – штука никчемная. В том числе и история прошлой большой и кровавой войны».

Примечания

Василь (Василий) Владимирович Быков (1924–2003) – белорусский писатель и общественный деятель, участник Великой Отечественной войны, капитан. Большинство произведений – повести, действие которых происходит во время Великой Отечественной войны и в которых показан нравственный выбор человека в наиболее драматичные моменты жизни.

Быков В. Цена прошедших боев. «Родина», № 5, 1995. С. 30–37.